

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРАХ. *От современной редакции*

В 1912 году, когда вся Россия готовилась торжественно отметить 100-летний юбилей Отечественной войны, научные коллективы лучших в стране высших военных учебных заведений — Николаевской академии Генерального штаба и Николаевской Морской академии — подготовили обобщающий труд о развитии ратного искусства в Российской империи от древности до недавно закончившейся Русско-японской войны. Это обобщающее издание состояло из 15 выпусков и освещало тысячелетнюю историю военного дела в России.

В предисловии авторы этого издания писали: «Знание своей Родины, знание славной боевой деятельности армии и флота, создавших из маленького удельного княжества, окруженного со всех сторон мощными врагами, могучую Российскую империю, столь же необходимо каждому образованному русскому, как знакомство его и с другими сторонами государственной жизни: промышленностью, политикой, торговлей, техникой, искусствами и т. п.»

Труд по подготовке разделов, посвященных истории Российского флота, возглавлял профессор Николаевской Морской академии полковник Н. Л. Кладо.

История Николаевской Морской академии (ныне именуется Военно-морской академией имени Н. Г. Кузнецова) насчитывает несколько веков. Ее ранним предшественником является Школа математических и навигацких наук, созданная по Указу царя Петра I в Москве 25 (14 по старому стилю) января 1701 г. День основания этой Школы сейчас отмечается как День штурмана Военно-Морского Флота.

В октябре 1715 г. на основе навигацких классов Школы в молодой столице России было создано первое в России академическое учебное заведение — Академия морской гвардии. Более того, до учреждения в 1725 г. Санкт-Петербургской Академии наук Морская академия частично выполняла ее функции.

26 (15 по ст. ст.) декабря 1752 г. по Указу императрицы Елизаветы Петровны на базе Морской академии был создан Морской шляхетный кадетский корпус. Все остальные ранее существовавшие учебные заведения, готовившие кадры для флота, — Школа математических и навигацких наук в Москве и Гардемаринская рота — были упразднены. Именованное «шляхетный» указывало на то, что в Корпусе предполагалось обучение лиц дворянского происхождения.

С 1802 г. учебное заведение стало именоваться Морским кадетским корпусом.

09 февраля (28 января по старому стилю) 1827 г. император Николай I утвердил списки учителей и учебную программу Офицерского класса при Морском кадетском корпусе, предложенные директором Корпуса адмиралом Иваном Федоровичем Крузенштерном. «Мы успеем образовать офицеров, объемлющих все части наук, по морскому делу принадлежащим. И тогда наши офицеры, без сомнения, превзойдут многих отличнейших иностранных моряков теоретическими своими знаниями по новым наукам», — так описал задачи нового академического учебного заведения сам адмирал И. Ф. Крузенштерн.

В 1862 г. император Александр II преобразовал Офицерский класс в Академический курс морских наук при Морском кадетском корпусе, обучение на котором длилось два года. В ходе реформы военно-учебных заведений Морской кадетский корпус в 1867 г. получил статус Морского училища. 09 февраля (28 января по ст. ст.) 1877 г. на базе Академического курса императором Александром II была образована Николаевская Морская академия.

Учебное заведение получило свое название в честь организатора отечественного академического военно-морского образования, императора Николая I.

Первым начальником Николаевской Морской академии стал контр-адмирал *Алексей Павлович Епанчин*.

Среди почетных членов Академии были выдающиеся ученые и флотоводцы России — математик *Виктор Яковлевич Буняковский*; историк Российского военно-морского флота, генерал флота *Феодосий Федорович Веселаго*; вице-адмирал (впоследствии — адмирал) *Степан Степанович Лесовский*; адмирал, граф *Федор Петрович Литке*; вице-адмирал (впоследствии — адмирал) *Константин Николаевич Посьет* и другие выдающиеся сыны России.

В 1882 г. Академию и Морское училище возглавил контр-адмирал (с 1887 г. — вице-адмирал) *Дмитрий Сергеевич Арсеньев*. С 1896 г. по ходатайству Д. С. Арсеньева в Академии был открыт Курс военно-морских наук.

В 1905–1906 гг., по итогам трагической для отечественного флота Русско-японской войны, были пересмотрены учебные планы и программы Академии, увеличен курс военно-морских наук.

В 1910 г. Николаевская Морская академия стала самостоятельным образовательным и научным учреждением, была введена штатная должность начальника Академии, который подчинялся непосредственно Морскому министру. В том же году императором Николаем II были утверждены новые Устав и Положение о Морской академии.

Многие выпускники Николаевской Морской академии внесли значительный вклад в величие и процветание России, содействовали утверждению ее мировой славы.

К их числу относятся выдающиеся русские флотоводцы и герои морских сражений: адмиралы *Александр Иванович Русин*, *Николай Оттович фон Эссен*, *Николай Матвеевич Яковлев*, капитан 1-го ранга *Николай Викторович Юнг* и другие; первооткрыватели, чьи имена носят географические объекты по всему земному шару: генерал Корпуса гидрографов *Андрей Ипполитович Вилькицкий*, контр-адмирал *Борис Андреевич Вилькицкий*, адмирал *Ген-*

надий Иванович Невельской, генерал-лейтенант *Юлий Михайлович Шокальский*; инженеры и конструкторы, которые внесли значительный вклад в развитие науки и техники: *Борис Борисович Голицын*, генерал-майор *Николай Лаврентьевич Кладо*, генерал-лейтенант *Юлиан Александрович Шиманский*, генералы флота *Алексей Николаевич Крылов* и *Михаил Александрович Рыкачев*; выдающиеся военачальники и конструкторы подводного флота России: генерал-майор *Иван Григорьевич Бубнов*, генерал-майор *Михаил Николаевич Беклемишев*, вице-адмирал *Эдуард Николаевич Щенснович* и другие выдающиеся защитники Отечества.

Руководитель авторского коллектива, готовившего разделы этой книги, посвященные истории Российского флота, тогда еще полковник, Н. Л. Кладо был потомственным моряком. Его дед и отец служили на Черноморском флоте, и Николай Лаврентьевич не только достойно продолжил боевую семейную традицию, но стал знаменитым теоретиком флота. Благодаря своему знаменитому труду «Современная морская война» Кладо даже заслужил прозвище «русский Мэхэн¹». Он был постоянным автором «Морского сборника», писал статьи для 23-томной «Военной энциклопедии»; одновременно возглавлял отдел военно-морской истории в редакции «Военной энциклопедии Сытина».

Среди авторов уникального издания, представленного в данной книге, был и генерал флота, ординарный профессор Николаевской морской академии по истории русского флота *Евгений Иванович Аренс* (1856–1931), который за свои боевые заслуги был награжден таким числом отечественных и зарубежных наград, что одно их перечисление займет не одну страницу. Но главное: Аренс разработал и развил программу курса истории российского флота, ведь до начала XX в. такой курс в Морской академии не читался. Именно ученики Кладо и Аренса вместе со своими именитыми профессорами подготовили основной корпус исторических очерков в этой книге.

¹ *Альфред Тайер Мэхэн* (1840–1914) — американский контр-адмирал, военно-морской теоретик и историк, один из основателей геополитики.

ЗНАЧЕНИЕ МОРЕХОДСТВА И МОРСКОЙ СИЛЫ ДЛЯ РОССИИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

*Очерк, составленный
лейтенантом флота Н. Д. Каллистовым*

В IX веке устьем Невы начинался великий путь из варяг в греки; этим путем в середине века началась Россия.

С. М. Соловьев

Зависимость зарождения нашего государства от водного пути между морями Балтийским и Черным создалась не сразу, а явилась следствием выгод географического положения племен, из которых сложилось Русское государство. Расселившиеся по приходе с Дуная по бассейнам рек, впадающих в моря Черное, Каспийское и Балтийское, русские племена оказались в центре двух водных торговых путей: из Балтийского моря в Черное (р. Нева, Ладожское озеро, р. Волхов, озеро Ильмень, р. Ловать, «волок» между Ловатью и Днепром, Днепр — «из варяг в греки») и из Балтийского же и Черного («волоками», волжскими притоками и Волгой) в Каспийское — так называемый Восточный торговый путь, ведущий в Среднюю Азию и Индию.

Постоянное общение с иноземцами — скандинавами, греками, закаспийскими купцами, — провозившими через Русскую землю богатые товары, не могло не заразить русские племена тем же духом предприимчивости, каким отличались иноземные купцы-воины. Из того, что преподобный Нестор относит именование Понта Эвксинского (греческое название Черного моря) морем Русским — «еже море словеть Русское» — еще к незапамятным временам, можно заключить, что мореходство в Черном море было значительно развито у нас еще задолго до сложения государства.

Существование же в доисторические времена русского мореходства в Балтийском, тогда Варяжском, море неоспоримо доказывается фактом призвания Рюрика.

Выгодное положение осевших на торговых водных путях новгородских славян и постоянные несогласия и раздоры между ними привлекали к ним внимание других народов, для которых утвердить свое господство над Русью значило бы овладеть исключительно богатой по своему значению страной; попытку к завладению местами, где жили новгородские славяне, сделали варяги, обложившие славян данью, но славянские племена, сознавшие всю опасность междоусобных раздоров, «изгнаша варяги за море» (860) и «идоша за море к варягом к Руси» (варягорусам) — за Рюриком, Синеусом и Трувором (862). «От тех прозвася Русская земля»¹.

Само зарождение Русского государства является, таким образом, по свидетельству древнейшего нашего летописца, неразрывно связанным с мореходством и, можно предполагать, даже господством на море, достаточно прочным для того чтобы, после изгнания «за море» враждебных варяжских племен, идти тем же морем на поиски князя.

Призванные княжить Рюрик, Синеус и Трувор расположились в главных центрах торговых водных путей; Аскольд и Дир, с согласия Рюрика, заняли Киев, устранив тем самым его зависимость от хазар².

Первые же страницы русской истории открываются морскими походами на Византию и Болгарию, из которых — а их было, несомненно, больше — в истории остались отмеченными девять. В большинстве случаев целью походов было желание воспользоваться затруднительными моментами в истории Византии для получения богатой добычи.

¹ *Рюрик, Синеус, Трувор* — легендарные варяжские князья, призванные править на Русь. С первым из них связывается происхождение княжеско-царской династии, просуществовавшей до конца XVI в.

² *Аскольд и Дир* — киевские князья IX в., по другим сведениям, бояре князя Рюрика. Убиты князем Олегом, захватившим Киев.

Первый поход. В 866 г. Аскольд и Дир с дружиной спустились Днестром в Черное море, прошли Босфор и явились перед стенами Константинополя. Византийский император Михаил III находился в отсутствии, в походе против агарян¹, войск в Константинополе почти не было, и русский флот, состоявший из 200 с лишним судов, явился для столицы Византии грозной, внушительной силой. Константинопольский патриарх Фотий, отслужив молебен, погрузил в волны Босфора икону Влахернской Божией Матери и совершилось чудо: произошла буря и большая часть русских судов погибла в волнах; с остальными Аскольд и Дир вернулись прежним путем к Киеву.

Не многие из русских людей, повторяя за всенощной молитву «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых», знают, что молитва эта, сложенная патриархом Фотием в прославление Божией Матери, является одним из доказательств силы древнего русского мореходства и что «злыми», за избавление от которых Византии православная церковь приносит Богородице благодарения во всех необъятных углах России, являются наши предки — русский, тогда языческий, флот, грозивший Константинополю.

Второй поход тех же Аскольда и Диры совершен был в следующем, 867 г. Русские суда грабили берега Черного моря, но до Босфора не дошли: византийский император поторопился заключить мир, по которому Аскольду и Диру достались богатые дары — золото, серебро и шелковые ткани. Первые два похода послужили к обращению Аскольда и Диры и некоторых дружинников в христианство.

Третий поход, предпринятый князем Олегом в 907 г., совершен был на 2 тыс. судов; только конница была отправлена сухим путем. При появлении русского флота перед Константинополем греки завели перед гаванью боны², но Олег обошел это препятствие: суда были поставлены на катки и перетащены берегом к гавани.

Из опасения разгрома столицы грекам пришлось согласиться на невыгодный мир:

Олег получил денежную дань, рассчитанную по 12 гривен на каждое русское судно и, кроме того, большую сумму на содержание княжеских воевод в Киеве, Чернигове, Полоцке и других русских городах; в знак победы и примирения с греками щит Олега был прибит к городским воротам Константинополя. В договоре, заключенном в 912 г. в Константинополе послами Олега с греками, отношения Руси и Византии были приведены к союзу и были установлены нормы взаимных морских торговых сношений.

Четвертый поход. В июне 941 г. князь Игорь, нарушив мир, явился перед Босфором с флотом из 1 тыс. судов (некоторые историки определяют число судов в 10 и даже 15 тыс., но эти цифры вероятнее отнести к следующему походу Игоря). Высадившиеся на берег воины принялись разорять и грабить окрестности; суда же стояли у по обе стороны входа в Босфор. Наскоро снаряженный греческий флот из 15 кораблей, вышедший к русским судам, обратил против них страшное по тем временам оружие — «греческий огонь»: зажигательный состав, выбрасывавшийся из особых труб и имевший свойство гореть на воде. Греческий огонь оказался губительным для флота Игоря: множество русских судов сгорело, причем погибло много воинов, искавших спасения в воде.

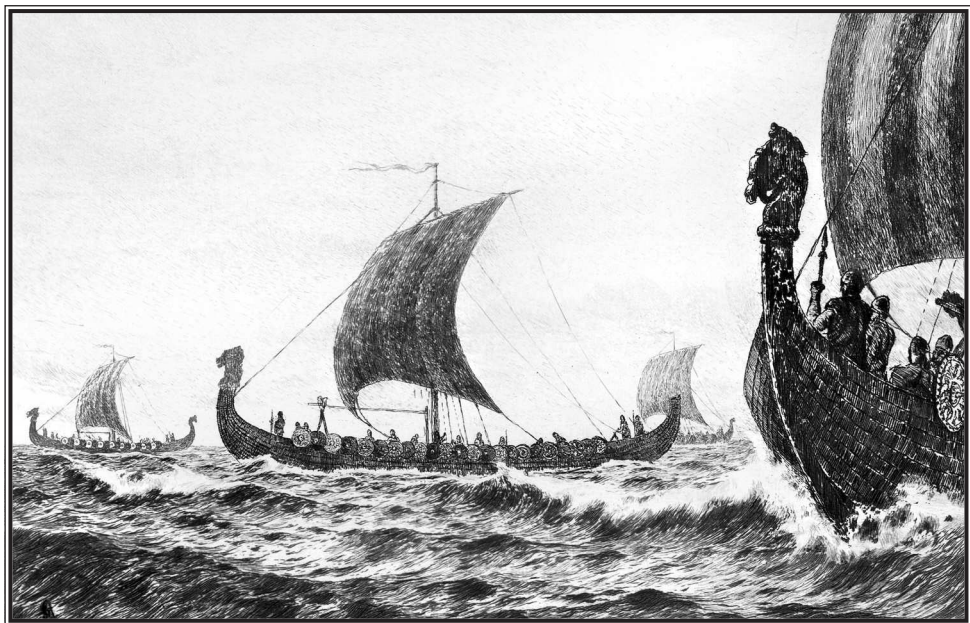
Уйдя от Босфора к Малой Азии, Игорь произвел высадку у берегов Вифинии, выдержал у фракийских берегов неудачное сражение с греческим флотом и в сентябре вернулся в Киев.

Пятый поход. После неудачного похода 941 г. князь Игорь неустанно собирал силы для нового нападения на Византию. К новому морскому походу были призваны, кроме русских, варяги и печенег.

В 944 г. русский флот вышел в Черное море в таком количестве судов, что правители таврических колоний поспешили донести в Константинополь, что «русские корабли без числа покрыли собой море». Одновременно с флотом Игорь, по примеру Олега, направил к Константинополю сухим путем конницу. Устрашенный надвигаю-

¹ Т. е. арабов.

² Боны — плавучие заграждения.

Скандинавские драккары в море.

Реконструкция

—•••••
 Легкие, с небольшой осадкой, суда этого типа использовались и на речных, и на морских участках торгового пути из варяг в греки.

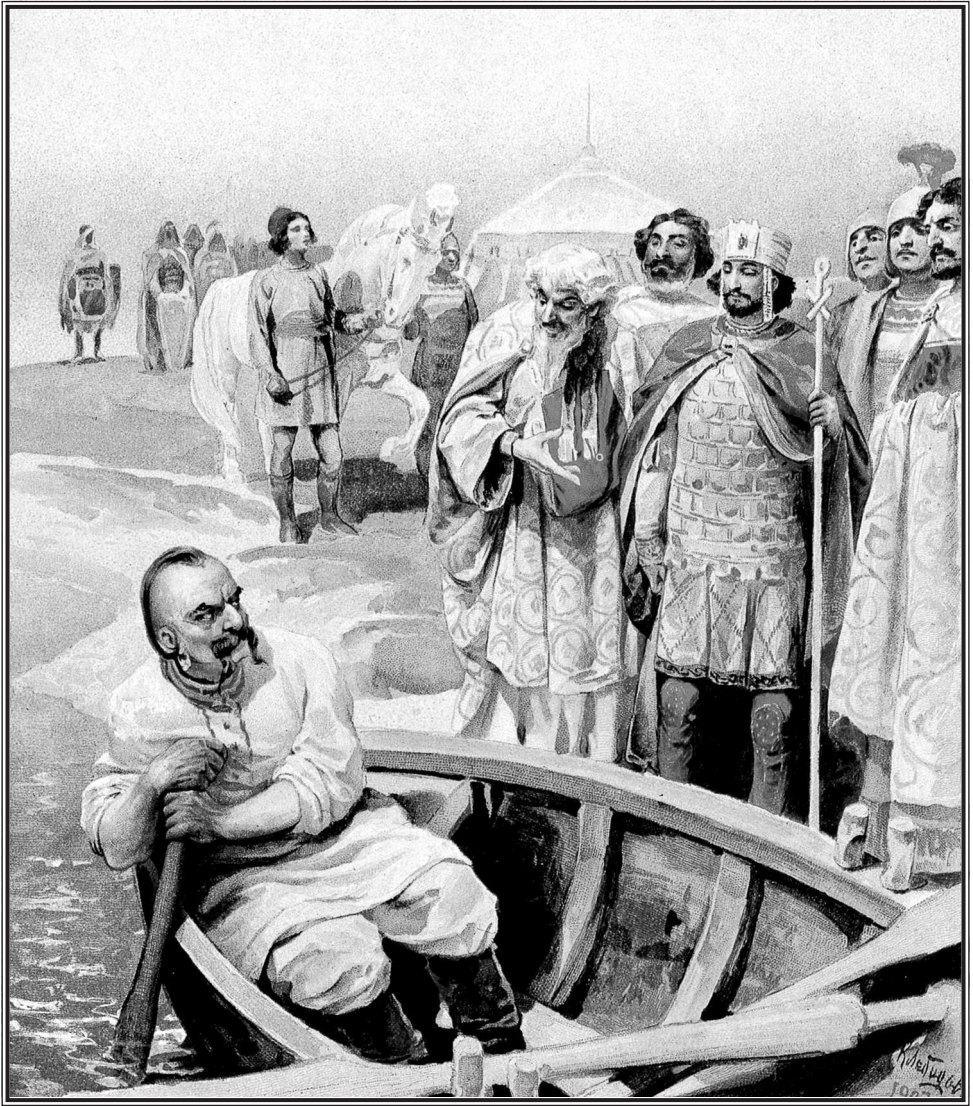
щейся над столицей грозой, византийский император Роман¹ поспешил предложить Игорю дань. Императорские послы встретили Игоря у устья Дуная, и оттуда, получив богатые дары, Игорь вернулся с флотом и дружинами в Киев. Союзный договор, заключенный с Византией в следующем году, составлен был по образцу договора Олега, но изворотливые греческие дипломаты добились для Византии сравнительно больших выгод.

Шестой поход совершен был в 967 г. князем Святославом в качестве союзника Византии против дунайских болгар. Святослав с 60-тысячным войском отправился морем из Днепра в Дунай, завоевал Болгарию и прочно утвердился в городе Преславе. Известие об осаде Киева печенегами заставило Святослава оставить Болгарию и спешить на защиту своей столицы, и хотя Киев был освобожден еще до прибытия Святослава, но князю, по просьбе его матери, святой Ольги, пришлось остаться в Киеве.

Седьмой поход совершен Святославом уже по кончине святой Ольги, в 970 г. Флот в числе около 250 судов явился снова к Дунаю, и Святославу вторично пришлось брать Преслав. Утверждение Святослава в Болгарии сильно обеспокоило Византию; император Иоанн Цимисхий стал готовиться к войне, но, предупрежденный Святославом, который двинулся со своими войсками к Адрианополю и Филиппополю и намеревавшимся идти на Царьград, был вынужден откупиться богатой данью и заявить о своих мирных целях.

В следующем, 971 г. вероломством Цимисхия Святослав был поставлен в почти безвыходное положение, когда на него, с малочисленной дружиной, при Доростоле (нынешняя Силистрия) обрушился император. Осажденный в Доростоле русский отряд испытывал большую нужду в съестных припасах и только помощь со стороны флота дала возможность временно справиться с этой нуждой.

¹ Роман I Лакапин (ок. 870—948) — византийский император с 920 по 944 г.; был свергнут в результате заговора собственных сыновей и скончался в монастыре.

*К. В. Лебедев. Встреча киевского князя Святослава
с византийским императором Цимисхием на берегу Дуная.
Ок. 1880 г.*

Византийский писатель и историк Лев Диакон так описывал в своей «Истории» встречу Святослава и Иоанна Цимисхия после сражения под Доростолом. Этот фрагмент считается одним из наиболее достоверных описаний внешности князя Святослава:

«Покрытый позолоченным снаряжением император подъехал верхом к берегу Истра (Дуная), ведя за собой многочисленный отряд вооруженных всадников, которые блистали золотом. Святослав прибыл по реке на лодке. Он сидел на веслах и греб вместе со своими воинами, ничем не отличаясь от них. Выглядел великий князь так: среднего роста, ни слишком высокий, ни слишком мал, с густыми бровями,

голубыми глазами, ровным носом, бритой головой и с густыми длинными усами. Глава у него была совсем голая и лишь на одном ее боку висела прядь волос, которая означала знатность рода. У него была крепкая шея и широкие плечи, а все телосложение довольно стройное. Он выглядел пасмурным и суровым. В одном ухе у него висела золотая сережка, украшенная двумя жемчужинами с рубином, вставленным между ними. Одежда на нем была белая, и ничем кроме чистоты, не отличалась от одежды других. Сидя в лодке на лавке для гребцов, великий князь немного поговорил с царем об условиях мира и отчалил. Так закончилась война ромеев со скифами».

Русские суда с экипажем в 2 тыс. чел. в бурную ночь вышли от Доростола и, несмотря на присутствие греческого флота, обошли окрестное побережье, произвели высадки, захватили запасы хлеба в придунайских селениях, истребили множество греков и благополучно вернулись к Доростолу.

22 июля 971 г. под стенами Доростола произошло решительное сражение Святослава с войсками Цимисхия; неопределенный исход неравного боя привел к мирным переговорам, после которых, обязавшись не воевать против Византии и Болгарии, Святослав со своими войсками направился на флоте к Днепру и вскоре же погиб в битве с печенегами.

Девятый поход на Византию относится к 1043 г. Великий князь Ярослав, извещенный об убийстве в Константинополе одного русского, отправил к Царьграду флот под начальством своего юного сына Владимира, удельного князя Новгородского.

Доставленное особыми послами письмо императора Константина Мономаха, в котором тот просил не нарушать мира и обещал строго наказать убийц, не удовлетворило новгородского князя: русский флот явился перед Босфором и расположился в боевом порядке у Фара.

Император сам вышел с греческим флотом против Владимира, снова предложил Владимиру мир, но юный князь гордо отвечал: «Соглашаюсь, если вы, богатые греки, дадите по три фунта золота на каждого моего человека». Соглашение не состоялось, и по сигналу византийского императора завязался бой. Три неприятельские галеры врезались в середину русского флота и зажгли греческий огонь.

Чтобы спастись от пламени, Владимир с флотом снялся с якоря, но разыгравшаяся в это время жестокая буря оказалась для русских губительнее огня: значительное число судов погибло, пошло ко дну и княжеское судно, причем сам Владимир был подобран из воды дружинниками; большая часть русского войска высадилась на берег и была перебита и захвачена в плен греками.

Владимир же, ушедший с судами от Босфора, произвел нападение на греческий флот, высланный из Константинополя императором в погону за русскими.

У северных берегов Черного моря неприятельский флот в составе 24 галер под командой адмирала стоявший в заливе, был яростно атакован Владимиром.

Юный новгородский князь одержал блестящую победу: в разгаре отчаянного боя русские суда сцепились с неприятелем на бордаж и частью истребили, частью захватили все греческие галеры; греческий адмирал был убит. С остатками своего флота и войска, но вместе с тем с добычей и множеством пленных вернулся Владимир к Киеву и этим закончился последний морской византийский поход.

Из числа других морских походов за этот же период надо особо выделить походы русских в Средиземное и Каспийское моря.

Первые известия о походе в Средиземное море относятся к 935 г., когда в качестве союзных, после договора Олега, русские суда ходили с греческим флотом к берегам Италии. Второй поход, также совместно с греками, был совершен в 949 г., когда в греческом флоте, посланном к острову Крит, насчитывалось 9 русских кораблей и 600 чел. воинов. Имеются указания, что в 960—964 гг. русские участвовали в покорении Крита, в военных действиях в Сирии и на острове Сицилия.

Особое место в средиземноморских походах надо отвести Хрисохир¹, как его называют византийские историки, — смелому и предприимчивому русскому мореходцу, пришедшему морем с отрядом в 800 чел. после кончины святого Владимира в Константинополь. Выставив предлогом своего прихода желание вступить на византийскую службу, Хрисохир, называвший себя родственником князя Владимира, прорвался через Дарданеллы, разбил у города Абидоса отряд греческих судов и вышел в Архипелаг.

Здесь, после разбойных нападений на острова, Хрисохир был достигнуть

¹ *Хрисохир* (от греч. «Златорук») — родственник (некоторые историки считают его сыном) князя Владимира Святославича Киевского. Хрисохир, по сообщению греческого историка Скилицы, в 1024 г. предпринял морской поход к острову Лемнос.

греками у острова Лемнос, в бою взят в плен и казнен.

Русские походы в Каспийском, называвшимся тогда Хвалынским, море начинаются, по известиям персидских историков, неудачными действиями под городом Абесгуном (на юго-восточном берегу Каспийского моря) в 880 и 910 гг. В 914 г. русские на 500 судах спустились Волгой, через владения и с разрешения хазар, в Каспийское море, основались на острове, лежащем против Баку и в продолжение нескольких месяцев грабили, жгли и опустошали западное, восточное и южное побережья; из участников похода очень немногим суждено было вернуться; громадное большинство было истреблено в постоянных битвах с туземцами.

В 944 г., одновременно со вторым византийским походом Игоря, русские снова появились в Каспийском море. Волгой они прошли на судах в море, поднялись по реке Куре, разбили неприятеля и взяли город Берда (развалины этого богатого города сохранились до сих пор). 30-тысячное войско азербайджанского правителя было успешно отражено русскими, но свирепствовавшие эпидемические болезни принудили их удалиться из каспийских земель.

Через два с четвертью века, в 1175 г., южные и западные берега Каспийского моря снова подверглись нападению русских, пришедших с флотом из 72 судов и занявших на некоторое время Шемаху.

Северные морские походы по морям Балтийскому и Белому и Ледовитому океану совершались почти исключительно новгородцами. Географическое положение Новгорода в начальном районе пути «из варяг в греки» делало новгородцев посредниками в торговле Северной Европы с Востоком. Вынужденные стоять на страже обогащавшего их пути, новгородцы приобретали, вместе с торговой складкой, дух предприимчивости и отваги.

Сведения о плаваниях новгородцев относятся к более позднему времени, чем первые византийские походы. В XI столетии новгородцы, выйдя из Белого моря, завоевали Биармию, в то время независимую, густо населенную и богатую всякими

промыслами страну, лежащую по Печоре и Северной Двине, и у устья Двины построили (в XII веке) монастырь Святого Михаила Архангела. Отсюда они совершали плавания для промыслов и торговли на Новую Землю, в Карское море, к рекам Обь и Енисей.

В этих плаваниях по Ледовитому океану, сопряженных с тяжелой борьбой со льдами и вечными лишениями, тогдашние новгородцы опередили всех: до XIV в. никто из народов Европы, даже прославленные норманны, не совершали таких далеких плаваний на север.

С 1130 г. имеются указания на плавание русских судов с товарами в Балтийском море, к острову Готланду (на нем, в городе Висби, новгородцы даже имели свой гостинный двор и церковь) и Дании, с 1157 г.— к Шлезвигу.

Значение Новгорода росло очень быстро и в том же XII веке Великий Новгород вступил полноправным, если не главным, членом в Ганзейский союз — торговый союз приморских городов. Участие Новгорода в союзе выразилось не только в посреднической деятельности на месте, но и в посылке своих кораблей с товарами для заграничной торговли во все страны Европы.

В том же XII веке начинается борьба новгородцев со шведами. Ревниво относясь к успехам Новгорода и сознавая, что этими успехами русские обязаны своему положению в морской торговле, Швеция ставила своей целью возможно большее оттеснение русских от моря. Со времени утверждения шведов в Або (1157 г.) столкновения Швеции с Новгородом свелись к борьбе за обладание Финляндией и владение течением Невы.

На первые неудачные морские набеги шведов на Ладожское озеро в 1142 и 1164 гг., отраженные новгородцами с большим для шведов уроном, новгородцы ответили морским походом на Швецию в 1187 (или 1188) г.

Русские суда явились в самое сердце Швеции, к цветущему и многолюдному городу Ситуну, лежащему на озере Мелар за Стокзундским протоком, где впоследствии был построен Стокгольм. 14 июля

Ситгун был до основания разрушен новгородцами и с тех пор навсегда потерял свое былое значение.

Новгородцы вернулись домой с богатейшей добычей. В Софийском соборе в Новгороде, в приделе Рождества Богородицы до сих пор стоит один из трофеев этого похода — двухстворчатые медные врата, так называемые «шведские», снятые новгородцами в Ситгунском храме и ими же установленные в Софийском соборе по возвращении с моря.

В 1191 г. новгородцы с большим флотом явились на Финляндию и разорили все населенное шведами побережье Финского и частью Ботнического заливов.

Разорение Ситгуна и Финляндии обратило на новгородцев внимание Римского Папы Григория IX. Объявленный им против русских крестовый поход привел в Неву в 1240 г. «множество много зело» шведских и финских судов. У устья Ижоры они были встречены новгородцами, и здесь 15 июля произошло сражение, давшее победителю, новгородскому князю святому Александру, название Невского. В сражении в числе прочих погибли начальник шведского флота и епископ; нагрузив два судна телами убитых знатных лиц, шведы похоронили остальных на берегу и в ночь того же 15 июля ушли в море.

Столкновения со шведами почти не отражались на морской торговле новгородцев. Ганзейский союз находил могущественных покровителей в заинтересованных государствах Европы, и значение Новгорода, как посредника в международной торговле, все возрастало.

Знаменитая новгородская вольница (ушкуйники), совершавшая разбойные набеги на Норвегию и наши волжские города, была порождением того же духа предприимчивости и отваги, каким славился и каким создался Господин Великий Новгород.

Перечисленные выше русские морские походы древнего периода неопровержимо доказывают, что природе русского человека с незапамятных времен было близко, родственно море. Участники походов были, как называет их летописец, «люди, охочие к морю».

«Охота», любовь к морю, заставляла их совершать рискованные плавания, не всегда даже в целях государственной необходимости, а скорее из молодечества, жажды добычи и гордого сознания своей силы, перед которой дрожали Константинополь, Ситгун и персидские города. Для походов в Черном и Балтийском морях этот риск был двойным: постоянная опасность со стороны самой стихии и возможность отпора со стороны сильнейшего неприятельского флота.

Греческий флот, например, стоял на высоте всех отраслей тогдашнего военно-морского искусства и имел перед русским все преимущества опыта, какой имелся у него по бесконечным войнам с сарацинами и другими врагами в Средиземном море. Греческий флот уже и тогда имел стройную организацию, походные и боевые строи, лучшее по тогдашнему времени боевое вооружение судов (башни на носу и корме, машины для метания каменных снарядов, мачты с беседками для стрелков, греческий огонь, экипаж от 150 до 300 чел.), определенные тактические приемы, даже литературу по морской тактике.

Русские же суда представляли собой выдолбленные из одного дерева челноки с прилаженными к ним набойными досками. На малый размер этих судов указывает то обстоятельство, что число воинов — они же и гребцы — на каждом судне разными древними авторами определяется в 40—60 чел.

Очевидное преимущество греческих кораблей перед русскими и очень слабые морские качества русских судов только подчеркивают безумную отвагу наших предков. Совершить переход на подобной ладье Черным морем, в условиях его, часто очень бурной погоды в наше время считалось бы за подвиг: тем более замечательны походы к Босфору целыми флотами в сотни и тысячи таких судов.

Это, относясь и к новгородцам, доказывает, что древние русские мореходцы, помимо того что были «охочими к морю», были людьми, прекрасно знавшими море и обладавшими в высокой степени умением бороться с капризной стихией.

Древние морские походы, естественно, оставили след в русском былинном эпосе,

так полно и верно отражающем народную душу. Народное воображение любовно и художественно разукрасило корабли, на которых, по сказанию былин, плавали русские богатыри — Василий Буслаевич, Соловей Будимирович, Садко и др.; на этих фантастических кораблях — и яхонты, и черные соболя, и горностаи, и бархат, и белые медведи, и лисицы бурнастые.

Интересно и то, что былины делают моряком и заставляют целых 30 лет плавать в Каспийском море даже такого, составившего себе репутацию сухопутного и исключительно приверженного к земле богатыря, как знаменитый Илья Муромец:

Уж как по морю, по морю синему,
По синему было морю, по Хвалынскому;
Тут плывет Сокол-корабль по тридцать лет,
Тридцать лет корабль на якоре не ставвал,
Ко крутому бережку не причаливал,
И он желтова песку не выдывал.
А бока-то сведены по-туриному,
А нос да корма по-змеиному;
Атаманом был на нем Илья Муромец.

Говоря о значении наших древних морских походов, надо признать, что они были явлением бессознательным, почти стихийным: в большинстве случаев они не преследовали определенных задач государственного строительства, и это особенно относится к походам на Византию.

Но это не уничтожает всех неизгладимых следов, оставленных морскими походами в истории России. Русские племена сложились в государство не из крепости ядра Киевского или Новгородского, а от воздействия на те же Киев и Новгород разнородных влияний морей (в политическом их значении) Балтийского и Черного, соединявших великий путь «из варяг в греки». (Дальнейшее сбирание Руси около московского ядра — процесс обратный.)

Мореходством (изгнание враждебных варягов за море, призвание из-за моря Рюрика) открывается первая страница русской истории, как кристаллизация Русского государства из разрозненных, до того времени, славянских племен.

Мореходство привело Россию к христианству. Обращение в христианство началось с первых же морских походов Аскольда и Дира, и началось под влиянием близкого, хотя и враждебного и временного, общения с Византией. Последующие морские походы

укрепляли это общение, и восьмой поход князя Владимира сделал христианство русской государственной религией.

Мореходство же (морские торговые сношения Киева с Византией и Новгорода с Северной и Западной Европой происходили, прерываясь походами, почти 200 лет) положило начало культурной эволюции Древней Руси, вместе с верой пересадило на русскую почву византийское искусство, ввело Русь в соприкосновение с византийским и западным просвещением, промышленностью, государственными и правовыми нормами.

Сложившаяся благодаря мореходству в государство и от мореходства же получившая христианство, просвещение и культуру, Русь ушла в себя. Период уделов, период дробления и внутренних раздоров положил первую преграду дальнейшему развитию мореходства, которое было мыслимо только при условиях политического единства русских племен. Это была причина внутренняя; внешние же причины упадка русского мореходства с XIII века были еще ощутимее.

От южных морей — Каспийского, Азовского и Черного — Русь была отрезана основавшимися там татарскими царствами; впоследствии, в 1453 г., пала Византия, и Константинополь, переименованный новыми владыками в Стамбул, сделался столицей могущественной Османской империи.

Героическая борьба новгородцев за Балтийское море продолжалась значительно дольше, но должна была окончиться победой более сильных — шведов. Построенные шведами для заграждения выхода русским в море Выборг, Ландскрона и Нарва железным кольцом охватили выход из Невы в море; для обороны Ладожского озера новгородцы построили в 1323 г. крепость Орешек (впоследствии переименованную шведами в Нотебург, Петром Великим — в Шлиссельбург).

Постоянные нападения шведов и стеснения ими морской торговли принудили новгородцев заключить мирный договор, по которому Швеции отошла большая часть Финляндии и Карелии, за Новгородом же остались Нева и земли у Финского залива между реками Наровой и Сестрой.

Переправа войск Ивана Грозного через Волгу
во время завоевания Казани в 1552 году.
Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Морская торговля, для ограждения свободы которой новгородцы пошли на такие большие жертвы, после этого кое-как продолжалась, но с уничтожением вольности Господина Великого Новгорода и перехода власти над ним к Москве окончательно пала.

Но если новгородцы все-таки отстояли и передали Москве выход Невой в Балтийское море, то полочане, владевшие устьем Западной Двины, постепенно отгеснялись и были наконец совсем оттиснуты от моря.

Отсутствие морской силы делало их безмолвными свидетелями того, как начиная с 1152 г. к Двине приходили корабли за кораблем, высаживались иноземные купцы. Купцы превращались в миссионеров, миссионеры — в рыцарей-меченосцев, и через 50 лет Ливония покрылась сетью рыцарских замков, а Рига и Ревель сделались твердынями ордена.

Указанные причины привели русское мореходство к долгому упадку. К воцарению Ивана Грозного Россия владела только

частью финского берега, выходом из Невы в Балтийское море и далекими Белым морем и частью берегов Ледовитого океана.

В историческом пути, которым шло стремление России к морю, Иван Грозный занимает выдающееся место. Первый русский царь, он первым глубоко осознал необходимость для Московского царства свободных выходов к морям и первым остро почувствовал настоятельную нужду в военном флоте. То, что в период древних морских походов было почти бессознательным, у Ивана вылилось в продуманную, настойчивую, даже навязчивую идею.

Покорением Казани и Астрахани Грозный снова привел Россию к Каспийскому морю, взятием в 1558 г. Нарвы создал второй Великий Новгород; моря Белое и Черное оживились при нем: Белое — морской торговлей, Черное — морскими набегами Адашева и казаков.

Борьбе за Ливонию и Прибалтийский край Иван придавал такое исключительное значение, что до конца дней своих не оставлял своей мысли о союзе с Англией, желая даже укрепить этот союз браком с императрицей Елизаветой или с какой-либо из английских принцесс в расчете на то, что союзная Англия своим флотом навсегда обезопасит для России владение Балтийским морем.

Уничтожив с покорением Новгорода участие новгородцев в Ганзейском союзе, Иван для того же Ганзейского союза открыл Нарву и разными льготами привлек в нее, кроме ганзейских, торговые суда английские, французские, норвежские, итальянские, голландские. Через Нарву в Россию хлынула волна новых товаров, нового просвещения и новых идей. Встревоженный возраставшим значением Московского царства, польский король Сигизмунд Август писал в Англию королеве Елизавете:

«Москаль ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву; ибо сюда привозятся не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и сами художники, посред-

ством которых он приобретает средства побеждать всех. Вашему величеству неизвестны силы этого врага и власть, какой он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств; но если плавания в Нарву будут продолжаться, то что останется ему неизвестным?..»

Недолговременное (1558—1581) владение Нарвой оставило в России особенно заметный след проникновением в Москву новых промышленных и технических знаний, отразившихся главным образом на русском искусстве, пышный расцвет которого относится как раз к XVI—XVII векам.

Еще раньше, чем была открыта для морской торговли Нарва, случайное обстоятельство положило начало морским торговым сношениям побережий Белого моря с Западной Европой.

23 мая 1553 г. из Гарвича (в Англии) вышли к Ледовитому океану три корабля, снаряженные англо-венетической компанией для отыскания новых земель и пути через Ледовитый океан в Китай. Два корабля были пригнаны бурей к берегам Белого моря, и экипажи их погибли от холода и голода; уцелевший третий корабль добрался до населенных мест, и царь Иван, которому холмогорские власти донесли о прибытии английского судна, пригласил капитана корабля Ченслера¹ в Москву.

В Москве Ченслер убедился в искренности стремления Ивана Грозного к заведению в Белом море морских торговых сношений с Англией и после возвращения на родину основал *Fellowship of english merchants of new trades* («Английскую торговую компанию для открытия новых торговых путей»), называвшуюся в Англии просто «Московской компанией».

Белое море стало оживленным торговым пунктом; развившаяся деятельность понудила впоследствии, в 1584 г., основать в устье Северной Двины по соседству с древним монастырем город Архангельск. Англичане всячески добивались торговой монополии, но им было трудно бороться с конкуренцией голландских, норвежских,

¹ Ричард Ченслер (?—1556) — английский мореплаватель, положивший начало торговым отношениям России с Англией.

датских, французских и даже венецианских купцов, направлявших свои корабли по следам англичан в Белое море.

10 июля 1556 г. на трех кораблях (из них два потерпели крушение) была отправлена из Белого моря в Англию первая большая партия русских товаров с вологодским наместником Непеем. В Англию шли русское сало, воск, деготь, лен, конопля и меха.

Вскоре по возвращении Непея из Англии, где он успел добиться разных привилегий для русской торговли и, между прочим, разрешения на отъезд в Россию по вызовам царя английских техников, инженеров и врачей, Англии было предоставлено исключительное право иметь торговый флот в Москве и склады на Двине, в Вологде, Новгороде, Пскове, Нарве, Юрьеве, Костроме, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани и беспоплинный провоз товаров в Среднюю Азию — Бухару и Самарканд.

Впоследствии, из-за несогласий с Грозным по вопросу о браке царя и отказа в помощи России для возвращения Прибалтийского края и Ливонии, Англия лишилась своих монополий и морская торговля во вновь основанном Архангельске отошла к Голландии.

Открывшееся при Грозном же английское торговое судоходство в Каспийском море (доставка среднеазиатских товаров водным путем через Каспийское море и Волгу в Европу) началось с 1558 г. и продолжалось несколько лет, пока участвовавшие нападения на английские суда на Волге разбойников окончательно не подорвали дела.

При Иване же Грозном возникло русское мореходное предприятие именитых людей Строгановых, заказавших «немецким» мастерам постройку двух кораблей на Северной Двине; дальнейших сведений о судьбе построенных кораблей не имеется, но есть основания полагать, что они должны были идти к Новой Земле для разведки находившихся там, как тогда полагали, месторождений серебра.

Поход в Черное море воеводы Адашева в 1559 г. был единственным в царствование Грозного московским морским походом. Отправленный с 8 тыс. московского войска и казаков для наказания крымских

татар за набеги хана Девлет-Гирея, Адашев построил на Днепре суда и вышел на них в море, к крымским берегам. По пути он взял два турецких судна: одно под Очаковом, другое — южнее Кинбурна. Высадившись у полуострова Хорла на берег, Адашев две недели громил и сжигал окрестные селения, захватил богатую добычу, освободил русских пленных и благополучно вернулся на Днепр.

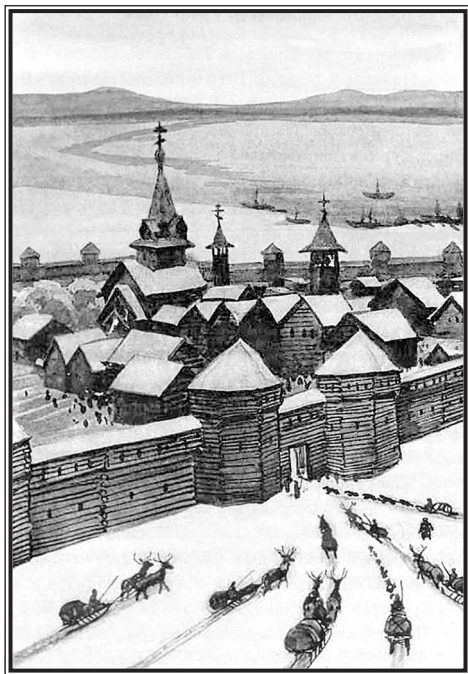
Оживление морской деятельности на прилегающих к России морях не могло быть таким кратковременным, если бы у Ивана IV существовал флот. Широко развившаяся торговля в Нарве, каспийское торговое судоходство, опыт морского похода Адашева — все это, для дальнейшего развития и использования, настоятельно требовало военного флота. Но положить начало военному судостроению, уже в то время требовавшему значительных знаний и сил, хотя бы в одном из морей было не под силу Ивану, и даже не столько ему лично, сколько тогдашнему, переживавшему внутренний кризис Московскому царству.

Просьба Ивана к Елизавете о присылке людей, сведущих «в кораблестроении и кораблевождении», осталась неисполненной...

Отсутствие русской морской силы не замедлило сказаться. Во вторую половину царствования Ивана Грозного Россия потеряла не только Нарву, но и древние русские крепости Ивангород, Ям и Копорье, отошедшие к Швеции; Ливония еще раньше отошла к Польше.

Выше было указано, что союзом с Англией Иван Грозный мечтал приспособить английский флот для защиты Балтийского побережья. Эта мысль, которую, при безнадежности в то время всяких попыток быстро создать свой русский флот, так лелеял Иван IV, со стороны Англии встретила несочувствие не только по связи с брачным вопросом, но и по опасениям создать своей помощью могущественную Россию, на что так настойчиво указывали короли Польский и Шведский.

Раздраженный отказом Елизаветы вступить с ним в брак и оказать помощь флотом, Иван Грозный в минуты гнева

Вид города Мангазеи
в XVI веке.

Графическая реконструкция

Мангазея была первым русским заполярным городом в Сибири. Город был основан на рубеже XVI и XVII вв. и находился на севере Западной Сибири, на реке Таз, в месте впадения в нее реки Мангазейки, на территории современного Ямало-Ненецкого автономного округа. Город быстро развивался, о его богатстве ходили легенды, в фольклоре за Мангазей закрепился термин «златокипящая». И действительно, объем заключаемых сделок, в основном в торговле мехами, поражал воображение.

Однако за быстрым ростом последовал столь же резкий упадок. Уже в 1620 г. плавание «Мангазейским морским ходом» было запрещено под страхом смертной казни (очевидно, государство стремилось таким образом лучше контролировать торговлю мехами). И в итоге к концу 1670-х гг. Мангазея фактически перестала существовать.

Со временем историки даже считали, что Мангазея на самом деле и не было, а воспоминания о «златокипящем городе» относятся скорее к мифологии. Однако археологические раскопки (начиная с середины XX в.) вкупе с исследованиями архивов позволили установить, что Мангазея была вполне реально существовавшим городом.

писал королеве: «А ты сама пошлая девица и ведешь себя как таковая. Я отказываюсь поддерживать с тобой сношения. Москва может обойтись и без английских мужиков».

Позднее же, при вторичной просьбе Иоанна об оказании ему помощи флотом в борьбе за Ливонию, переговоры были оставлены из-за бестактности английского посла, усомнившегося в справедливости русских притязаний на Ливонию, которую Грозный назвал «нашей вотчиной». Послу пришлось выслушать от разгневанного царя полный достоинства ответ: «Мы не просим королеву быть судьей между нами и королем Польши». И переговоры о флоте прервались.

Если последующие кратковременные царствования почти не изменили положение России в отношении выхода к морям, то Смутное время и воцарение Михаила Федоровича отмечены в этом смысле тяжелой утратой, понесенной Россией по Столбовскому миру со Швецией в 1617 г.: древние русские земли у Финского залива, между реками Наровой и Сестрой, и Нева отошли к Швеции.

В царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове следует отметить их стремление к возвращению Нарвы и Эстляндии, оставшееся, однако, безуспешным; царь Борис, кроме того, оставил след в истории русского мореходства заботами о развитии русских торговых плаваний в Ледовитом океане и построением на р. Тази города Мангазея как торгового центра для Северной Сибири, откуда сибирские товары шли к устью Енисея и океаном в Архангельск.

Смутное время, когда Россия расхищалась и терзалась многочисленными врагами, снова выдвинуло идею о флоте, но не как вопрос настоящего, а как спасительную, воодушевляющую на подвиг память славного прошлого.

Это напоминание о морской силе, особенно знаменательное для Смутного времени, принадлежит патриарху Гермогену¹, который в первой же своей грамоте, призывая народ на защиту родины, указы-

¹ *Гермоген* (в миру Ермолай; ок. 1530—1612) — церковный и общественный деятель эпохи Смутного времени, патриарх Московский и всея Руси в 1606—1612 гг. (с мая 1611 г. был заточен поляками в монастырь).

Чайки запорожских казаков атакуют турецкие галеры в гавани Кафы.
Гравюра. 1622 г.

вал на те времена, когда даже «незнакомые страны», далекие берега Швеции и Византии трепетали перед русскими — «орлами острозрящими и быстролетающими, как на крыльях парящими», — грозой Балтийского и Черного морей.

Вдохновляемый на подвиг народ справился с терзавшей его смутой, но лишенное своего значения в Балтийском море и обессиленное этим Московское царство еще долго должно было переносить пренебрежительное отношение соседей; даже Персия приняла в сношениях с Россией высокомерный, покровительственный тон.

Но и Смутное время не могло погасить в русском человеке врожденного влечения к морю. Не находившее выхода в Балтийском море, это влечение проявилось на юге, и как раз в Смутное же время «орлы острозрящие и быстролетающие, как на кры-

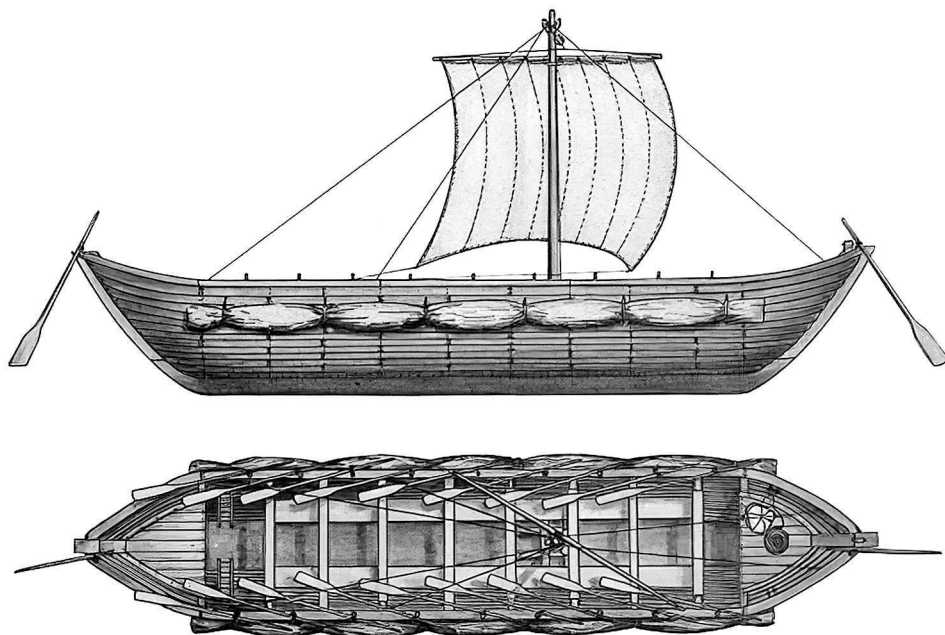
лях парящие» появились в Черном море снова — в лице независимых от Москвы разгульных запорожских казаков.

По обстановке, в которой они совершались, морские походы казаков очень близки к древним византийским походам.

Та же бесшабашная удаль, то же отсутствие элементов последовательной политической борьбы, та же жажда добычи; только нравственный элемент у запорожцев был более страстным: фанатическая ненависть «христианского лыцарства» к басурманам и месть за набеги турок и татар на Украину.

Первый морской поход запорожцев относится к 1576 г.¹, когда они на своих *чайках* (почти те же древние ладьи) ходили от Днепра по всему Черному морю — к Дунаю, Евпатории, Кафе (Феодосии), Синопу и Трапезунду, разоряя и уничтожая при-

¹ Первое нападение казаков с моря датируется 1538 г., когда казацкая флотилия частично разрушила крепость Очаков.

Казацкая чайка.

Реконструкция, сделанная по иллюстрации
из книги Гийома Лёвассера де Боплана «Описание Украины». 1660 г.

брежные турецкие и татарские укрепления, города и селения.

В 1590 г. запорожцы вновь посетили и сожгли Синоп и Трапезунд; в 1605 г. — сожгли Варну и истребили весь стоявший там турецкий флот, кроме нескольких галер и галеасов, взятых ими с собой к Днепру; в 1607 г. — разгромили Очаков и Перекоп.

В 1612 г. гетман Сагайдачный¹, в отместку за набег татар на Украину, разорил Кафу и все Крымское побережье от Кафы до Евпатории; в 1613 г. он же грабит Синоп и возвращается к Днепру с богатой добычей. 1613—1614 гг. отмечены множеством удачных нападений казаков на все побережье Черного моря.

В 1616 г. под Трапезундом запорожцы истребили турецкий флот из 26 судов и совершенно разорили и сожгли отстроившиеся Трапезунд и Синоп; в 1620—1625 гг. без перерыва они держались перед Босфором, разоряли окрестности по обоим берегам пролива, громили крымские берега, отражали нападения турецкого флота;

в 1624-м, на 100 чайках прорвавшись в Босфор, на глазах султана ограбили и сожгли окрестности Стамбула, в том числе богатый город Неокорис; в 1629 г. запорожцам снова удалось прорваться в Босфор; бой под Константинополем закончился победой казаков, и они вернулись домой с богатейшей добычей: коврами, парчой, шелковыми тканями, посудой, драгоценным оружием.

В эти же годы начинаются морские походы казаков донских, состоявших, в противоположность запорожцам, с 1559 г. в подданстве Московскому царю. С 1629 по 1637 г. донцы, иногда совместно с запорожцами, громили берега Крыма и в 1637 г. взяли Азов, который держали за собой до 1641 г.

Особенно памятный поход донцы совершили в 1638 г.: на тысяче чаек они разлетелись по всему Черному морю, опустошили Трапезунд, Синоп и Ризу, грабили и топили попадавшие им в море суда, и, при возвращении и при встрече у Керченского пролива с турецким флотом,

¹ Петр Кононович Сагайдачный (Конашевич; ?—1622) — гетман реестровых казаков в 1616—1622 гг., участник и руководитель походов против Крымского ханства и Турции.

понесли чувствительное поражение. Но и после того донцы продолжали тревожить турок в Азовском и Черном морях.

Эти опустошительные морские набеги казаков вызывали содрогание и ужас не только в турецких селениях анатолийского и румелийского берегов, но и в самой столице: «Появление в море четырех казацких челнов, — доносил французский посланник королю Людовику XIII из Константинополя, — наводило на Константинополь большой страх, чем появление чумы в Море».

О своих появлениях у Константинополя сами запорожцы очень характерно упоминают в грамоте, отправленной ими впоследствии крымскому хану. Называя себя «мужественными кавалерами», которые еще в старые годы «повыдирали» множество турецких крепостей и городов в Черном море, запорожцы пишут:

«Потом року 1629, братия наша Запорожцы с певным вождом своим воюючи в чолнах по Експонту, коснулись мужественно и самих стен Константинопольских, и тие довольно окуривши дымом мушкетным превеликии Султанове и всем мешканцам Цареградским сотворили страх и стяжание, и некоторые отлеглие Константинопольские селения запаливши тож щастливе, из многими добычами до коша своего повернулися...»

Относительно морских походов казаков приходится повторить то же, что сказано о русских походах древних: отчаянная отвага и исключительная, прямо интимная, близость и приспособленность к морю.

В отличие от древних киевских, походы казаков осложнялись тем, что при выходе из Днепра и Дона и обратно казакам приходилось еще пробиваться сквозь турецкие крепости (Очаков и Азов, донцам же и через Керченский пролив) и стороживший их здесь турецкий флот. Безумная храбрость и природная находчивость помогали казакам преодолевать и эти препятствия, как и побеждать почти всегда турок при случайных встречах с их флотом.

Только в 1649 г. султану удалось прекратить морские набеги (и то только

запорожцев) заключением мирного договора, по которому запорожцы, взамен прекращения нападений на турецкие берега, получили право свободных плаваний в Черном и Средиземном морях и морской торговли с Турцией. Более чем полувековая борьба запорожцев с турками закончилась.

В мореходстве Московской Руси первая половина того же XVII века отмечена новым явлением, сложившимся также стихийно, под влиянием естественного влечения к морю и невозможности удовлетворить это влечение в Балтийском море. Это были плавания русских промышленников и искателей приключений в Ледовитом океане, к востоку от устьев Печоры.

Эти плавания довершили дело покорения Сибири (совершенное, кстати сказать, Ермаком с донскими казаками преимущественно водным путем — сибирскими реками) и оживили пустынные до того времени восточные сибирские берега. Возникла океанская торговля с Сибирью, Архангельск и Мангазея стали главными пунктами этого пути; выгоды развившейся торговли привлекли сюда же голландские и английские суда.

Начавшееся оживление Северного края было остановлено из Москвы непонятным запрещением плаваний сначала для иностранных (в 1616 г.), а затем (в 1620 г.) и для русских судов.

Эти запрещения, явившиеся следствием совершенно неосновательных опасений захвата сибирских земель иностранцами и уклонения русских мореходцев от уплаты пошлин, ясно показывают политическую отсталость отрезанной от Балтийского моря Москвы и, по сравнению с эпохой Ивана Грозного и даже Годунова, являются значительным шагом назад.

То же приходится сказать и о 1649 г., когда «царь указал, а бояре приговорили» всем торгующим в России англичанам «со всеми их животы ехать за море», а если кто из них «похочет с государевыми людьми торговать, и те б, из-за моря приезжая, торговали всякими товары у Архангельского города повольною торговлею, и пошлины с товаров своих платили по-прежнему, и, исторговався, ездили за море; а к Москве и Московского государства в города

от Архангельского города с товары и без товары не ездили и у Архангельского города не жить».

Выселение англичан из России объяснялось в указе необходимостью оградить русскую торговлю от опасной конкуренции, но дальше приводилась другая, едва ли не главная, причина:

«Да и потому им, англичанам, в Московском государстве быть не довелось, что преж сего торговали они в Московском государстве по государевым жалованным грамотам, каковы даны им по прошению государя их Английского, Карлуса, короля, для братския дружбы и любви, и великому государю нашему, его царскому величеству, ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса, Короля, убили до смерти, и за такое злое дело в Московском государстве им быти не довелось».

Несостоятельность этих мер, в 1616—1649 гг. подорвавших вместе с иностранным и русское мореходство на Севере, подчеркивается тем, что, отвергая всякие попытки к возрождению каспийского судоходства со стороны англичан и голландцев, царь в 1633 г. дал разрешение шлезвиг-голштинскому герцогу Фридриху построить в России для голштинцев десять кораблей, предназначенных для доставки шелка из Персии Каспийским морем и Волгой в Голштинию.

Шатание политической мысли не дало Московскому царству никаких выгод. Вместо десяти голштинцы построили (в Нижнем Новгороде) только один корабль, при первом же выходе в море разбившийся у берегов Дагестана, и этим все предприятие и закончилось.

Но даже и в то время — время запретительных мер — в России не переводились «охочие к морю люди», и русское мореходство, стесненное на Севере, прокладывало новые пути на отдаленном Востоке. В 1635 г. русские люди проникли к Охотско-

му морю и утвердились на его берегах; этим самым граница Московского государства придвинулась к Тихому океану.

В 1648 г. казак Дежнев¹ открыл пролив, впоследствии названный по имени описавшего его Беринга (офицера русского флота); начались плавания к Курильским островам и Сахалину, было положено основание и утверждению России на Амуре.

С 50-х годов XVII века Московское царство, само положившее преграды северному мореходству, начинает сознавать настоятельную необходимость выхода к Балтийскому морю. Попытка в этом смысле была сделана в 1656—1658 гг., когда царь Алексей двинулся с московским войском для возвращения от шведов всего побережья от Невы до Риги и берегов Ладожского озера.

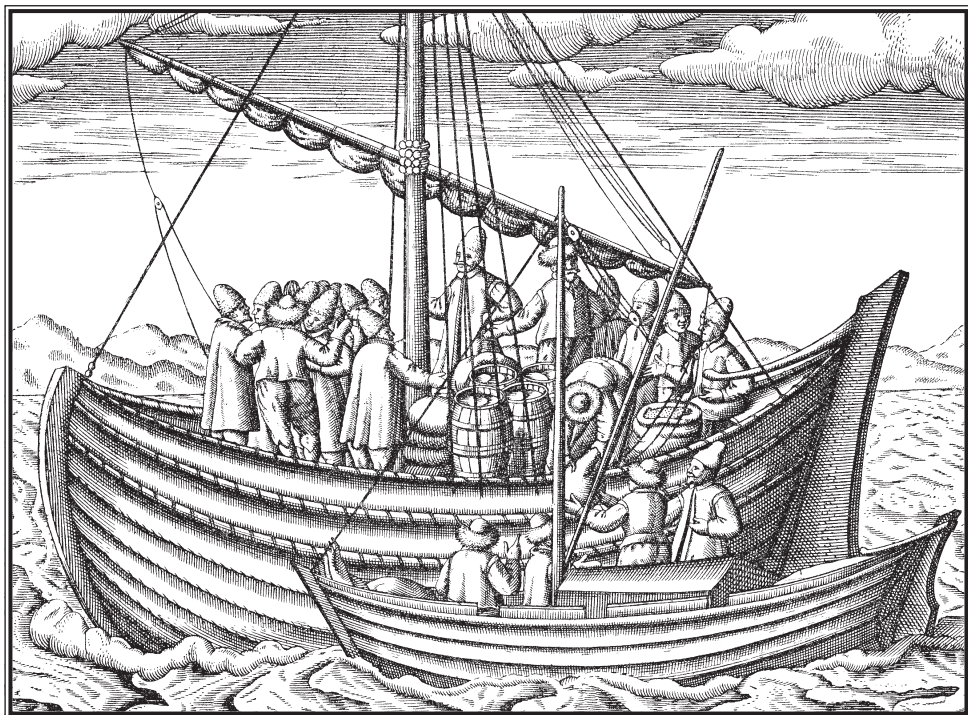
Выступившие в поход войска (правда, весьма малочисленные) делились на четыре отряда. Первый отряд, с которым шел сам царь, спустился на стругах Двиной к Риге, взяв по пути Динабург и Кокенгаузен, и после неудачной осады Риги вернулся в Москву.

Второй отряд, князя Трубецкого, вступил в Ливонию, взял Нейгаузен и Юрьев и безуспешно осаждал Нарву. Третий отряд, воеводы Потемкина, должен был идти «за Свейский рубез, на Варяжское море» и от патриарха Никона² получил даже благословение «идти в Стокгольм и другие места морем». Потемкин через Ингрию подступил к Канцам (Ниеншанц), сжег город и запасы продовольствия, но неприятеля не застал: шведы на судах ушли в Нарву.

22 июля 1656 г. Потемкин с отрядом вышел на судах к Котлину, вступил у Котлина в бой с неприятелем и, «милостию Божию и Пречистыя Богородицы помощию и всех святых молитвами и великого государя и сына его, государевича, счастием, у Котлина-острова полукорабель взял и немецких людей побили, и языка поймал, начального человека, капитана Ирска Далсфира, 8 человек солдат и наряд

¹ Семен Иванович Дежнев (ок. 1605 — 1673) — путешественник, землепроходец, исследователь Северной, Восточной Сибири и Северной Америки; первый мореплаватель, прошедший через пролив (впоследствии названный Беринговым), отделяющий Азию от Северной Америки.

² Никон (в миру Никита Минин; 1605—1681) — патриарх Московский и всея Руси с 1652 по 1666 г., реформатор Русской православной церкви.

Поморское рыбацье судно в Ледовитом океане.
Гравюра из издания дневника Геррита де Веера. 1598 г.

(пушки) и знамена поймали, а на Котлине-острове латышане деревни высекли и выжгли».

Этим поход «на Варяжское море» и закончился. Четвертый отряд воеводы Пушкина перешел на судах Ладожское озеро и неудачно осаждал город Корелу (Кексгольм).

Кардисский мир 1661 г., заключенный со шведами после этих походов, нисколько не изменил положения: Московское царство по-прежнему оставалось отрезанным от моря.

Эта неудачная попытка пробиться к Балтийскому морю имела положительное значение сама по себе, как проявление верной идеи о необходимости для Московского царства выхода к морю; благословение патриарха на поход морем в Стокгольм показывает только живучесть, только болезненную выстраданность этой идеи.

Но на этом же походе сказалась и отсталость Москвы, не понимавшей, что при наличии у шведов флота и малочисленности русских войск осада Нарвы и Риги заранее обречена на неуспех и что мысль

о походе на Стокгольм на наскоро построенных мелких судах, когда у шведов были большие и сильные по тому времени корабли, являлась химерой.

Необходимость в своем военном флоте за этот же поход хорошо сознал один Ордин-Нащокин, во время перемирия состоявший царским наместником занятых ливонских земель.

С энергией, которая отличала этого просвещенного, выдающегося государственного человека, Ордин-Нащокин приступил к постройке флота на Двине (в Кокенгаузене, в 105 верстах от Риги), в надежде пробиться на судах к Риге, взять ее и овладеть выходом в море, но при возвращении Кокенгаузена шведам построенные суда пришлось сжечь и благие надежды не осуществились.

Энергия Ордина-Нащокина была вскоре направлена на новое дело — постройку флота для Каспийского моря.

После англичан и голландцев, на Каспийское море обратила внимание Персия, и в 1664 г. персидское правительство

вступило в переговоры с русским о провозе шелка и других персидских товаров через Каспийское море и Волгу в Западную Европу.

Переговоры окончились в 1667 г., когда царь Алексей дал грамоту компании армянских купцов с разрешением на провоз товаров и взял на Московское царство, за особую плату, ответственность за сохранность товаров в пути. Принятие ответственности привело к необходимости построить военные суда для плавания по Волге и Каспийскому морю, для защиты компанейских судов от нападений поволжских и каспийских морских разбойников.

Летом 1667 г. Ордин-Нащокин приступил к постройке судов в селе Дединове (на Оке, близ устья Москвы-реки); строители и будущий экипаж, а также все инструменты для работы были выписаны из Голландии. С невероятными трудностями, при постоянных уклонениях от содействия со стороны местного населения и властей, голландцы в течение года построили в Дединове корабль «Орел» (80 футов длины, 21 фут ширины; вооружение — 22 пушки и ручные гранаты)¹, яхту, бот и две шлюпки; целый год после постройки суда простояли в Дединове, в тщетном ожидании от тульского воеводы ядер и пушек и ушли на Волгу, так и не дождавшись вооружения.

По прибытии после тяжелого плавания к Астрахани дединовская флотилия оставалась там в ожидании присылки необходимых для плавания вещей и припасов, пока поднятое Стенькой Разиным восстание не решило ее судьбы: Астрахань была взята Разиным, экипаж флотилии — голландцы — бежал в Персию, «Орел» был сожжен разбойниками.

В печальной судьбе дединовской флотилии Москва получила жестокое, но справедливое возмездие за свою временную отсталость, за неумение использовать «охотник к морю людей», хотя бы тех же Разина с казаками или северных поморов, для большого государственного дела. Уже в то время разные иностранцы (Ботлер,

Виниус, Вегрон) предлагали московскому царю свои проекты о выходе России к морям и заведении флота; это же было последней мирской мечтой Ордина-Нащокина, постригшегося в монахи.

На время Алексея Михайловича — время Тишайшего — мысль о Балтийском море была оставлена после робкой попытки 1656–1658 гг.

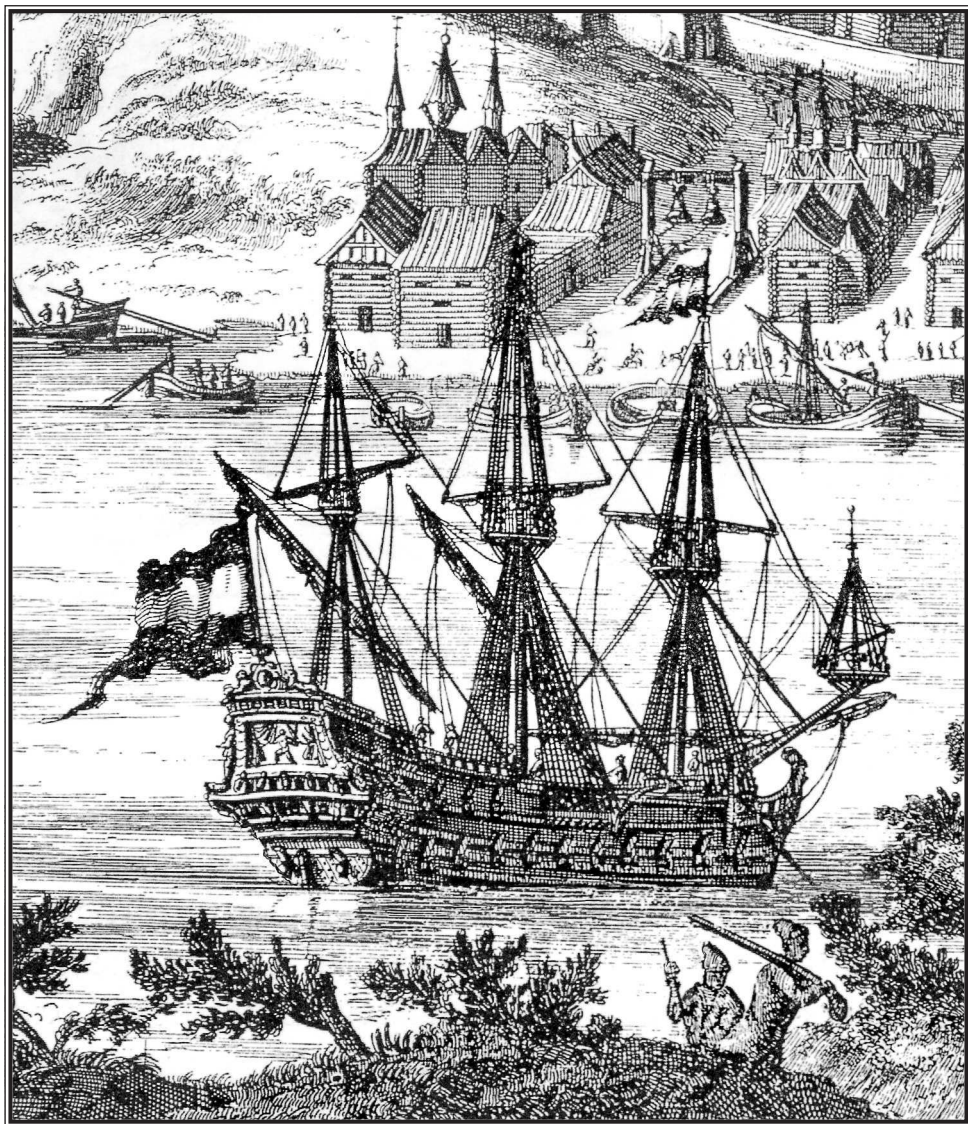
Пробиваться к Черному морю при осуждениях с Польшей и Турцией, при смуте, которая царилась среди только что присоединенных запорожских казаков, казалось невыносимым; мореходство в северных морях было подорвано самой же Москвой, попытка на Каспийском море окончилась неудачей, да и она, как возникшая не из почина царства Московского, а из почина Персии и армянских купцов, была ложным, по своей подчиненности, шагом и тратой энергии не в сторону нужных для России Балтийского и Черного, а третьестепенного по значению Каспийского моря.

Это наследие и оставил своему сыну Петру «тишайший царь» Алексей Михайлович. Но от почти тысячелетнего русского мореходства Петру досталось наследство неизмеримо большее. Это, во-первых, склонность русского человека к морю, доказанная многочисленными киевскими, новгородскими и казацкими походами, плаваниями в северных и восточных морях; во-вторых, выстраданное сознание необходимости выхода России к морям.

Созданием флота Петр дал только естественный выход тому и другому — и мысли, и чувству. Задачи же, поставленные Петром и для осуществления которых он создал флот, уже были сознательно намечены допетровской Русью — Древней и Московской и сложились из определившихся национальных стремлений.

Гордые владыки морей англичане слишком щепетильны к вопросу о первородстве своего флота. Но первая же страница истории русского флота (*The Imperial Russian Navy, its past, present and future*), написанной выдающимся английским морским писателем *F. Jane*, начинается словами:

¹ «Орел» — трехмачтовый парусный военный корабль; водоизмещение ок. 250 т; вооружение его составляли 22 6-фунтовые пушки-пищали; экипаж — 23 матроса и 345 стрелцов.

Корабль «Орел».

Иллюстрация из книги Яна Стрюйса. 1668 г.

«Русский флот, начало которого хотя обыкновенно и относят к сравнительно позднему учреждению, основанному Петром Великим, имеет в действительности большие права на древность, чем флот британский. За столетие до того, как Альфред построил британские корабли, русские суда сражались в отчаянных морских боях; и тысячу лет тому назад первейшими моряками того времени были они, русские.

Этот флот умер, это правда — он нашел свой конец в полнейшем уничтоже-

нии, — но народ, которому он принадлежал, бессмертен; и до наших дней путь ко всему восточному вопросу и, отсюда, даже к вопросу Востока Дальнего, лежит по руслу, проложенному древними русскими судами».

Не русским людям, воссылающим молитвы «Взбранной Воеводе», оспаривать эти положения. Для нас же, которые в Пушкине имеем величайшего и непогрешимого выразителя народных чувств и сознания, глубоко ценными являются чуткие слова поэта, дающие ответ на вопрос: где же

слагается русский дух? Где же родник души народной?

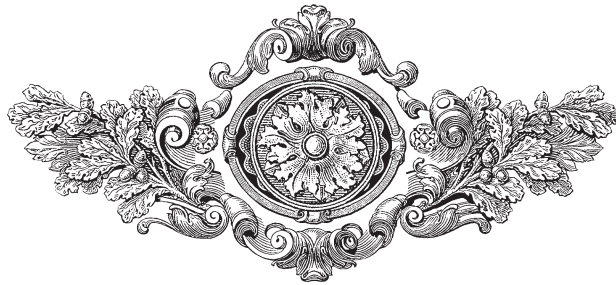
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской...
Там царь Кошей над золотом чахнет:
Там русский дух... там Русью пахнет!» —

короткий, верный и ясный ответ: не в скучных равнинах, не в заоблачных горах,

не в безлюдных степях, не в лесах дремучих, а «у лукоморья» — у морских берегов, у морского залива.

К этому лукоморью и привел Россию, и возвеличил ее этим Петр Великий: привел туда, «где русский дух, где Русью пахнет».

В постоянном стремлении к этому лукоморью, овладение которым создало из Московского царства Всероссийскую империю, и заключается главное значение допетровского русского мореходства.

ЭПОХА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

I. СТРЕМЛЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ВЫЙТИ К ЮЖНЫМ МОРЯМ. АЗОВСКИЙ ФЛОТ

Очерк, составленный лейтенантом флота А. И. Лебедевым

1. ПРИЧИНЫ МОСКОВСКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙН XVII СТОЛЕТИЯ

В 1696 г. под Азовом русский флот явился впервые и сразу как активная, боевая, выполняющая собственно ей предназначенные задачи сила.

Событие это — создание Азовского флота Петром Великим — нельзя понять и осознать в его исключительности, внезапности. Как и всякое историческое явление, оно имеет свое многовековое прошлое и только в связи с ним становится ясным и логически необходимым.

Иван Грозный положил окончательную преграду движению монгольских орд с Востока на Запад и включил восточную половину нового водного пути (Западная Двина — Волга) в границы Московского царства. Другой неотложной, насущной задачей было добиться выхода этого пути и на Запад, пробиться к Балтийскому морю, к свободному общению со всеми народами Европы, к просвещению, к прогрессу. Но все усилия его, как и предков его, к решению этой задачи встретили неодолимые препятствия и, несмотря на десятки лет борьбы, не привели к ожидаемым результатам. Они оставили в душе народной неизгладимый след неудовлетворенности безуспешной борьбой и сознание важности цели¹.

Лишь это сознание могло подготовить эпоху и создать гения для решения поставленных и неисполненных задач.

Но для того чтобы сознание это проникло в толщу народа, чтобы оно стало реальной движущей силой, Московская Русь должна была рухнуть, погибнуть на старом

пути, чтобы из недр народа необычайным подъемом духовных сил единая Россия могла возродиться, двинуться по новому пути и занять подобающее ей место в среде великих держав Западной Европы.

Еще в конце XV века, когда Московская Русь только начала освобождаться от гнетущего и разлагающего влияния азиатского Востока, на Западе произошло событие, имевшее решающее значение для всей истории России, — соединение православного Великого княжества Литовского, собравшего все западные и южнорусские уделы, с упавшим католическим Польским королевством.

Молодая, еще не подчинившая Востока Москва не могла помешать этой унии и успела только спасти от ополячения и окатоличения Великий Новгород. Вследствие этого на западе и юге Руси, вместо родственной духовно Литвы, родилась могучая общением с Западной Европой сила — Польско-Литовское королевство, — плотным кольцом обхватившая, вместе с Швецией на севере, Москву, отрезавшая ее от русских в прошлом морей (Балтийского и Черного) и заставившая в третий раз переместить путь сношения с Европой на далекий Север — через Архангельск.

Но уже в XV веке на Дону и Днепре начали образовываться первые военные общины казаков; в конце XVI и начале XVII века они уже приобрели значительную силу. Народ в своих былинах и песнях отождествил их с первобытными богатырями.

¹ Результатом этого крушения могучего победителя Востока перед Западом явилось, по мнению историка Соловьева, сознание, господствующее убеждение правительства и лучших из российских людей о необходимости сближения с Западом, о необходимости добыть моря и учиться у поморских народов. (Примеч. автора.)

В истории Московской Руси казачество сыграло огромную роль — оно вернуло Южную Русь Москве, спаяло ее с Южным морем, уже в X веке называвшимся Русским, и привело к борьбе с Турцией за владение им.

В 1637 г. донские казаки захватили Азов и били челом Михаилу Феодоровичу принять его от них. Москва, занятая в это время борьбой со Швецией, по приговору Земского собора, боясь новой войны — с Турцией, отказалась от поддержки донцов, и, продержавшись в нем 4 года казаки, обороняясь от огромных сил Турции, вынуждены были в 1641 г. сдать Азов туркам, предварительно разрушив его до основания.

В 1653 г. малороссийские казаки, после ряда восстаний и бунтов против Польши, под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого отдались в подданство православному царю Алексею Михайловичу. Земский собор в этом случае одобрил предложение правительства и благословил царя на новую войну с Польшей.

Но присоединенная по Андрусовскому перемирию к Руси Малороссия послужила яблоком раздора не только между Русью и Польшей, но и Турцией, так как гетман западной стороны Днепра Дорошенко¹, не желая оставаться в подданстве у поляков и рассчитывая на большую самостоятельность вдаль от верховной власти, поддался Турции и тем объединил недавних врагов в оборонительно-наступательный союз против Турции и вовлек Россию в тяжелую девятилетнюю войну, окончившуюся в 1681 г. полным разорением Западной Украины, переходом большей части казаков на восточный берег Днепра и формальным овладением Западной Украиной Турцией, без прав возводить укрепления, строить города (Бахчисарайский договор).

Таким образом, в середине XVII века происходит коренной перелом внешней политики Московской Руси.

Неудача на севере сменилась надеждой на юге. В Турецкую войну употребляются

громадные усилия для завладения Азовом. Алексей Михайлович приказывает донским казакам и своим воеводам строить под Азовом городки и ведет войну на обоих, Днепровском и Донском, театрах. Этот перелом внешней политики, ее новое направление, вместо запада на юг, во вторую половину царствования Алексея Михайловича объясняется еще и многими другими причинами.

На развитие сознания в Москве необходимости борьбы с Турцией и утверждения на Черном море завоеванием Крыма сильно влияли в это время настойчивые предложения от Западной Европы (австрийского императора, Польши, Венецианской республики) вступить в союз для борьбы с «неверными».

В этих предложениях совершенно определенно указывалась для Москвы задача уничтожения Крымского ханства. Даже Швеция, для которой было важно отвлечь Россию подальше на юг, чтобы окончательно укрепиться на Балтийском море, заключила в 1673 г. оборонительный союз против Турции.

С уходом от дел и двора Ордина-Нащокина, первым другом царя и первым главным действующим лицом правительства становится боярин Матвеев, на воспитаннице которого, Наталье Нарышкиной, вторично женился царь. Матвеев сосредоточивает у себя в руках Посольский и Малороссийский приказы. Южнорусский вопрос становится центром политики Москвы.

В Москве все чаще и чаще стали раздаваться голоса о необходимости союза с Польшей и подвластными Турции единоверными народами для борьбы с мусульманством.

Ордин-Нащокин в 1666 г. писал Алексею Михайловичу: «Союз с Польшей необходим, потому что только при его условии мы можем покровительствовать православию в польских областях. Единоверные молдаване и валахи, отделяемые теперь от нас враждебной Польшей, послышав союз наш с ней, пристанут к союзным государствам и отлучатся от турок».

¹ *Петр Дорофеевич Дорошенко* (1627–1697) — украинский государственный и военный деятель, гетман Войска Запорожского на Правобережной Украине в 1665–1676 гг.

Таким образом, соединится такой многочисленный христианский народ, одной матери — Восточной церкви — дети: от самого Дуная все влахи» и т. д.

Немного позже русский резидент в Польше Тяткин¹ писал: «Валахи и молдаване, знатные особы, приходят ко мне и говорят от имени старших своих и от себя, чтобы великий государь непременно приказал силам своим смело наступать на Крым, а когда Бог благословит, Крым возьмут, то все христианские земли, не только Украина, Волынь, Подолия, но и валахи, и молдаване, и сербы поддадутся под высокую руку его царского величества».

Литературная деятельность серба Юрия Крижанича, протекавшая вначале под покровительством царя Алексея Михайловича, была вся проникнута горячей проповедью объединения славян и борьбы с Крымом.

Упомянув о неудачах в войнах со Швецией и Польшей, он говорит: «Не была Божия воля, чтобы мы делали завоевания в других местах. Напротив, Бог дал нам успех в борьбе с татарами: мы завоевали Казань, Астрахань, Сибирь. Поэтому можно надеяться — и мы должны молиться Богу об этом, — что нам удастся прогнать из Крыма общих противников и разбойников».

К концу XVII века это движение захватило все высшие круги московского боярства. Смерть царя Алексея Михайловича, вступление на престол болезненного Федора хотя и принесли смену лиц, но изменить направление не могли. Заключенный в 1681 г. Бахчисарайский мир с Турцией не мог быть продолжительным.

В последний год своего царствования царь Федор даже снова сблизился с Матвеевым, женившись на его крестнице Апраксиной, и вернул его из ссылки. Смерть Федора и стрельческие бунты выдвинули царевну Софью и ее любимца князя В. В. Голицына², принявшего на себя внешнюю политику.

Воспитанный под западнорусским и польским, как и царевна София, вли-

янием, проведший молодые годы на войне с Турцией, Голицын не мог внести, несмотря на весь свой просвещенный ум и западническое направление, нового искони русского направления (на Балтийское море) и продолжал энергично переговоры с Польшей по заключению вечного мира и оборонительно-наступательного союза с ней против Турции.

С другой стороны, направление это поддерживалось и даже распаялось до религиозного фанатизма против «неверных», «врагов Христа и Церкви» наплывом монахов-учителей из Южной Руси, ее выходцами-славянами, а также греками, духовенством во главе с патриархом Московским, благословлявшим и освящавшим борьбу с «погаными» для отвлечения от внутреннего религиозного раскола, и константинопольским патриархом, постоянно проповедовавшим освобождение Гроба Господня от схизматиков, католиков.

Для того чтобы свернуть Московское государство с этого пути, для того чтобы указать основную, главную задачу, без разрешения которой оно будет стоять на месте, не разовьет таящихся в нем сил, нужно было, чтобы во главе правительства стало лицо, которое смогло бы отрешиться от современного влияния, могло заглянуть в глубь веков назад и вперед и могучей силой воли сдвинуть Русь с места, указав ей новые, но вместе с тем и очень древние задачи.

Такой личностью явился Петр, но только тогда, когда полутородаговое путешествие за границей оторвало его от Москвы и дало ему возможность самостоятельно разобраться, сравнив свое и иностранное, в состоянии Руси, ее неотложных задачах, значении в среде европейских государств.

Петр до путешествия за границу и по возвращении из него — два разных лица. До 1698 г. он — царь Московский, после — царь и император Российский.

¹ *Василий Михайлович Тяткин* (?—1686) — государственный деятель и дипломат, думный дворянин и стольник, первый постоянный русский резидент за границей.

² *Василий Васильевич Голицын* (1643—1714) — государственный деятель и дипломат, фактический глава русского правительства во время регентства царевны Софьи Алексеевны (1682—1689).

2. ПОТЕШНЫЕ МОРСКИЕ ЗАБАВЫ ПЕТРА. ПОСТРОЙКА ПЕРВЫХ МОРСКИХ СУДОВ

Страсть у Петра к морю и флоту начала развиваться очень рано. Попав в село Преображенское, он набирает толпы сверстников и игра в солдатики переходит в потешные забавы, организуются отряды, строятся крепости — игра переходит в дело. Но гениального ребенка это не удовлетворяет. Любознательности его нет границ. Всякий предмет, всякое новое знание его разжигает, ему нужно все знать, все самому испробовать. Требованиям его нет конца.

Из Оружейной палаты дворцового арсенала он выписывает себе порох, свинец, копыя, пищали, сабли и, наконец, «корабли малые», т. е. модели корабля, построенного на Волге при его отце. В следующем, 1688 г. его морские затеи подогреты находкой в с. Измайлове ботика (знаменитого впоследствии «Дедушки русского флота»), английской работы, принадлежавшего его двоюродному деду Никите Ивановичу Романову. Немедленно ботик вытаскивается, починяется и испытывается на реке Яузе.

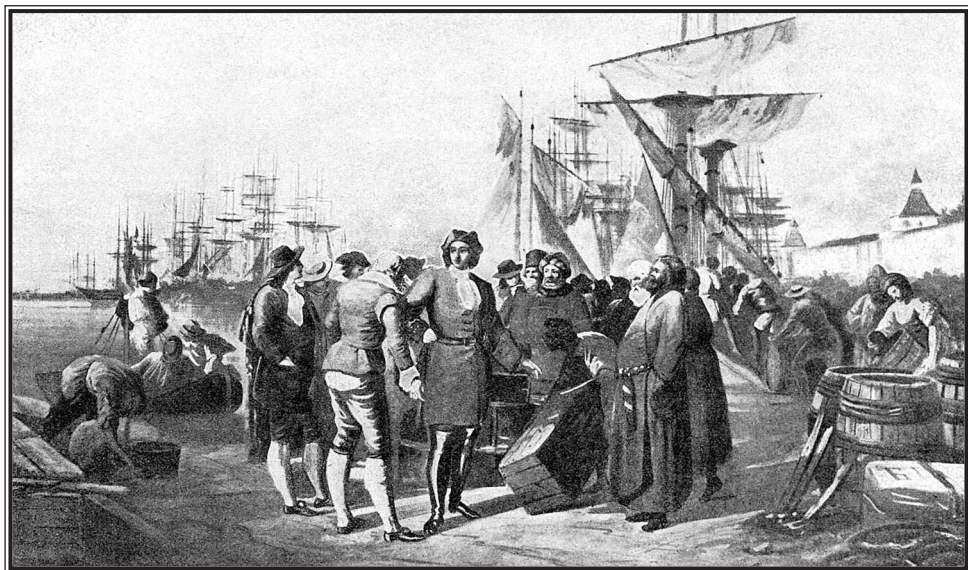
Но река узка, в ней нельзя лавировать, и Петр перебирается на Просяной пруд. Но и он Петра не удовлетворяет. Ему уже тесно. «Охота стала от часу быть более» и Петр перекочевывает на Переяславское озеро. Но тут уже бот его не удовлетворяет; Петр — первый работник, «в работе пребывающий» — строит здесь корабли, целую флотилию.

Морские забавы на озере тоже не удовлетворяют Петра. Он мечтает о море. Рассказы об иностранных государствах все более его увлекают. Единственная возможность видеть настоящие корабли — ехать в Архангельск. Там только доступный путь морской в Европу. Там настоящее море. Но у Петра мысль с делом не расходитя.

Для гения нет преград в достижении намеченной цели. Сознание переходит в неудержимое с усилением препятствий эмоциональное влечение. Нет нужды, что еще ни один русский царь не был в море, не плавал ни на одном корабле. В 1693 г. Петр уже в Архангельске. Здесь была устроена верфь, заложен первый

А. Д. Кившенко. Петр I за рулем парусного ботика на Яузе-реке. 1880-е гг.

Петр I в Архангельске в 1693 году.

Иллюстрация для книги «Русский военный флот». 1904 г.

военный корабль (24-пушечный фрегат «Апостол Павел»). Тотчас по прибытии в Архангельск он выходит в Белое море на построенной для него 12-пушечной яхте «Святой Петр».

В следующем году Петра уже ничто не может удержать весной в Москве. Он снова с большой свитой отправляется в Архангельск, но с ним идут уже преображенцы и семеновцы, которые должны составить экипажи первых кораблей. Кроме заложенного в предыдущем году корабля на Соломбальской верфи, весной должен был прийти и заказанный в Голландии 44-пушечный фрегат («Св. Пророчество»).

По прибытии в Архангельск Петр немедленно отправляется на своей яхте в Соловецкий монастырь, показав на этом переходе во время бури свою выдержку, хладнокровие в опасности и глубокую веру в Бога.

Вторично в этом году Петр вышел в море уже со всей своей эскадрой из трех судов конвоировать заграничные корабли, уходившие с товарами в Европу. Он сопровождал их до м. Святой Нос, т. е. до выхода в Ледовитый океан, имея возможность уже управлять целой эскадрой.

Веселаго¹ указывает: «Царь построил все суда в линию (кильватер) и управлял ими посредством принятых на этот случай условных сигналов».

Значение этих двух путешествий Петра было огромно для Московской Руси. В них мы видим начало осуществления заветного векового чаяния народа — выйти к морю. Петр, как гений, понял, что, прежде чем добиваться новых путей, надо использовать то, что есть.

Если Москва с ее Немецкой слободой сблизила Петра с иностранцами, осевшими в Руси, торговыми людьми и, главным образом, военно-сухопутными, то Архангельск был для Петра необходимым этапом для сближения с иноземцами-моряками. Архангельск его эпохи представлял значительный торговый порт — единственный для России.

Летом он был полон иностранными купеческими кораблями всех наций, жизнь была в нем ключом, совершенно необычным для замкнутой Руси. Только здесь понял Петр значение торгового флота, значение владения морем, сблизился и сошелся со шкиперами и купцами, постоянно бороздящими океан, здесь же увидел и первые военные корабли иностранцев.

¹ *Феодосий Федорович Веселаго* (1817—1895) — военный деятель и историк военно-морского флота, генерал Корпуса флотских штурманов.

Еще до отъезда в Москву из Архангельска он приказал отправить первый русский корабль с русскими товарами за границу, сделав почин в новом деле. Корабль постигла неудача: он был захвачен французами, но виноват был не Петр — это было вековое противодействие Европы новой нарождающейся силе на Востоке.

Петр понял этот урок, показавший ему, что право на свободный океан он должен себе добыть вооруженной силой. Только с этой точки зрения можно понять и оценить значение всего в войнах проведенного царствования Петра.

Таким образом, мы видим, что в Петре как в фокусе собрались все современные и вековые стремления народа. Во всем до мелочей, до брития бороды, до немецкого кафтана, он лично сделал крутой поворот от старины. Что же можно ожидать от него в области внешней политики? Куда он повернет и направит Русь?

Славяно-греко-латинское направление старших братьев не затронуло Петра. Что же он мог читать? История, к счастью, нам оставила кое-какие сведения о библиотеке «на Верху, у Великого государя». Весь XVII век послы, возвращавшиеся с Запада, привозили много книг. На них даже отпустились деньги по государеву указу. Книги эти переводились, печатались и поступали в библиотеки великого государя, Посольского приказа и частных лиц.

Соловьев указывает, что и книга Крижанича была «на Верху у Великого государя».

Окруженный со всех сторон участниками первых московско-турецких войн,

воспитанный матерью — ученицей Матвеева, ознаменовавшего свое управление внешними делами Руси крутым поворотом к малороссийским делам, к южной задаче, к столкновению с Турцией, Петр не мог не отдаться со всей страстностью решению этой очередной задачи. В нем, невиданном богатыре, сосредоточивались все надежды современников, а иностранцы уже в 13-летнем мальчишке предвидели грозу для Крыма¹.

Вступив со смертью матери своей в полное и самостоятельное управление государством, так как болезненный старший брат Иван лишь номинально звался царем, Петр, побывавший в Архангельске, создавший на единственном свободном открытом русском море военную флотилию и положивший почин русскому торговому мореплаванию, не мог не осмыслить стихийное движение русского народа к южному морю, не мог не поставить правильные задачи для завладения им и закончить, пользуясь затруднительным положением Турции, окруженной коалицией враждебных держав, затянувшуюся после крымских походов войну с Турцией, достойным своего гения и усилий русского народа миром.

В своем плане войны, в выборе стратегического направления, объектов операций, в неимоверной силе воли, создавшей в одну зиму целый флот, Петр оправдал надежды своего народа и показал, что во главе его стоит гений, который сможет воплотить все смутные стремления народа и добиться решения вековых задач.

3. ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

Весь XVII век, в особенности последнюю четверть его, Турция, остановившаяся в своем поступательном завоевательном движении, но утвердившаяся на берегах Босфора, постоянно дрожала под натиском Западной Европы и ударами внутренних смут и бунтов янычар.

Начиная с Лепантской победы (1571), гроза непобедимости турок прошла. Хри-

стианство в лице императорского правительства, хотя и медленным еще вначале, но твердым шагом шло к ограничению Турецкой державы и возвращению отнятых земель. В это же время внутренние смуты в Турции, под влиянием неудач, постоянные смены правительства и султанов, натиски с Востока — в глубине Азии — персов, все больше приводили в упадок Турецкую империю.

¹ Резидент Генеральных штатов барон Келлер в 1685 г. доносил про Петра: «Особое внимание он обращает на военные дела; без сомнения, от него можно ожидать при совершеннолетию храбрых и славных подвигов, в особенности в борьбе с крымскими татарами». (Примеч. автора.)

Турция потерпела ряд тяжелых поражений в войнах: с австрийским императором Леопольдом I в 1664 г. в сражении на реке Раабе при монастыре Санкт-Готарде; с Польшей в 1673 г., когда Ян Собеский (впоследствии король Польский) разбил наголову турок при Хотине и отнял у них священное зеленое знамя, а затем вернул Польше части Подолии и Украины; с Россией, при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче в 1672–1681 гг., и, наконец, после заключения 31 марта 1683 г. союза между австрийским императором и Польшей, при нападении в том же году на Вену, когда 200-тысячную армию турок, осаждавшую столицу, разбила наголову союзная армия под начальством Яна III Собеского, что заставило турок бежать, оставив навсегда Германию.

Король Польский с императорскими войсками преследовал их и нанес новое поражение при Парканах и взял Грац. В следующем году императорские войска опять одержали ряд побед над турками при Вышеграде, Вейцене, Пеште, Гамзабеге, Нейчэйзеле.

В 1686 г. был взят наконец Офен, и, таким образом, вся Венгрия была освобождена от турок. В то же время венецианцы завладели Мореей, захватили Афины, прогнали турок из Далмации и освободили всю Грецию. Христианский мир Западной Европы ликовал.

В брошюре 1687 г. «Торжествующий имперский орел», написанной под влиянием успехов австрийцев и венецианцев, уже доминирует идея об уничтожении владычества турок в Европе и перенесении их столицы в Каир, Дамаск или Алеппо.

В такой момент, под настойчивым давлением Польши и австрийского императора, Москва заключает вечный мир с Польшей и оборонительно-наступательный союз против турок и татар (1686) с Польшей, австрийским императором и Венецианской республикой, обязуясь приглашать к союзу и других христианских государей.

Во исполнение этого союзного договора, Москвой в правление царевны Софьи было предпринято два похода на Крым под предводительством ее фаворита князя В. В. Голицына.

Походы эти не повлияли на союзные операции на северном фронте Турции, так как совершенно не отвлекли ее сил от главного, Дунайского, театра военных действий.

Между тем крымские татары продолжали свои набеги на юг России и в 1692 г. дошли до стен Немирова, в Малороссии, увели громадное число жителей в плен и разорили все его предместья.

В то же время турки старались, пользуясь наступившим бездействием разоренной войной Польши, разбить союз предложением ей отдельного мира на выгодных условиях. Вследствие сего австрийский император Леопольд принужден был вновь обратиться к союзникам своим — Польше и России — с просьбами о поддержке союза военными действиями против турок. Результатом этого было в мае 1692 г. подтверждение наступательного союза против Турции.

Предпринятые в это же время попытки Москвы в Крыму заключить отдельный выгодный мирный договор с Турцией и Крымом на условиях прекращения набегов татар на юг Руси, прекращения платежа и дозволения свободного плавания русским торговым судам по Черному и Азовскому морям не привели к конкретным результатам.

С этого времени Петр энергично стал готовиться к войне: он организовывал свои военные силы, обучал их, устраивал постоянно примерные сражения, собирал через донских казаков сведения об Азове и все это завершил через два года большими Кожуховскими маневрами, а в следующем, 1695 году объявил поход на Крым.

Таким образом, причинами первой Турецкой войны Петра (так называемых Азовских походов) было, во-первых, истинное стремление Руси достигнуть естественных южных границ, выйти к Черному морю и тем обеспечить свой тыл и фланг во время борьбы на севере и западе; во-вторых, союзные обязательства перед Польшей, Венецией и Австрией, настаивавших на продолжении военных действий Русью, для отвлечения и разделения сил общего неприятеля; и, в-третьих, сознание необходимости покончить наконец с последним пережитком татарского ига — позором зависимости от Крыма.

Мартин Рота. Битва при Лепанто.
Гравюра. 1572 г.

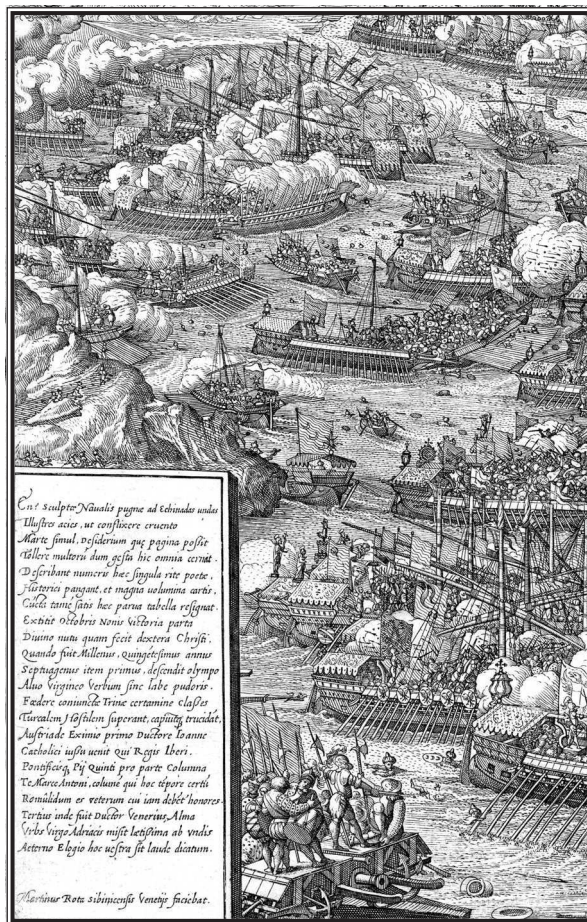
Битва при Лепанто — морское сражение, произошедшее 7 октября 1571 г. в Патрасском заливе у мыса Скрофа между флотами Священной лиги (коалиции католических государств) и Османской империи. Битва закончилась полным поражением турецкого флота. При примерном равенстве сил союзники потеряли до 20 кораблей, османы же — до 240. И хотя на сам ход войны эта победа католических союзников влияния почти не оказала (Турция быстро отстроила свой флот и успешно завершила войну), с моральной точки зрения это было важным событием — оно ясно показало, что казавшихся до тех пор непобедимыми на море турок вполне можно побеждать.

Для всего этого Руси было необходимо как первый шаг завладение Крымом, так как с уничтожением этого последнего гнезда и оплота татар она навсегда и надежнейшим образом защищала свою южную границу, имея возможность завести флот на Черном море и освободить свою южную огромную оборонительную военную силу для более продуктивного ее использования; во-вторых, благодаря этому выходу к Черному морю она становилась в свое прежнее, бывшее, угрожающее положение к столице Турции — Константинополю (Царьграду) и выходила в непосредственное соседство со всеми южными славянами, а главное и последнее — входила в ближайшие торговые сношения морем со всем Востоком (Левантом).

Все это не могло не быть ясно Петру. Указывая в манифестах на Крым как на задачу и ближайшую стратегическую цель войны, Петр совершенно определенно показал, насколько глубоко он понял важность именно этого объекта операции.

А) КАМПАНИЯ 1695 Г.

Объявляя поход на Крым и пользуясь этим, благодаря неудачным походам князя Голицына на Перекоп как маскированием истинных объектов своих операций, Петр

En? sculptor: Nautis pugnae ad Etinadas undas
 Illuxit aca, ut conficere creuato
 Marte simul, desiderium quo pagina possit
 Nullo mueris dum gestis hic omnia cecit.
 Describant numeris haec singula rite poete.
 Nauticae pangunt, et magna uolumina caris.
 Cuius tunc fatis haec parua tabella resignat.
 Exibat obibris Nonu victoria parta
 Duino nua quam fecit doctera Christi.
 Quando fuit Milleus quingetesimus annus
 Septuagesimo item primus, descendit olympo
 Alno uigintice uerbum sine labe pudoris.
 Eadem conuicte Trime certamine classes
 Australium / safiloni superant, captiuis trucidat.
 Auftridae Euxinae primo ductore Ioanne
 Caetolici iustis uicis qui Regis Iberi.
 Pontificis, Pij Quinti pro parte Columna
 Te Marce Antoni, colunt qui hoc tempore certis
 Remulidum ex veterum qui iam debet honoris
 Tertius inde fuit ductor Venetus Alma
 Verbo uiginti aduacis misit letissima ab undis
 Aeterna Elegio hoc usque sa laude dicant.

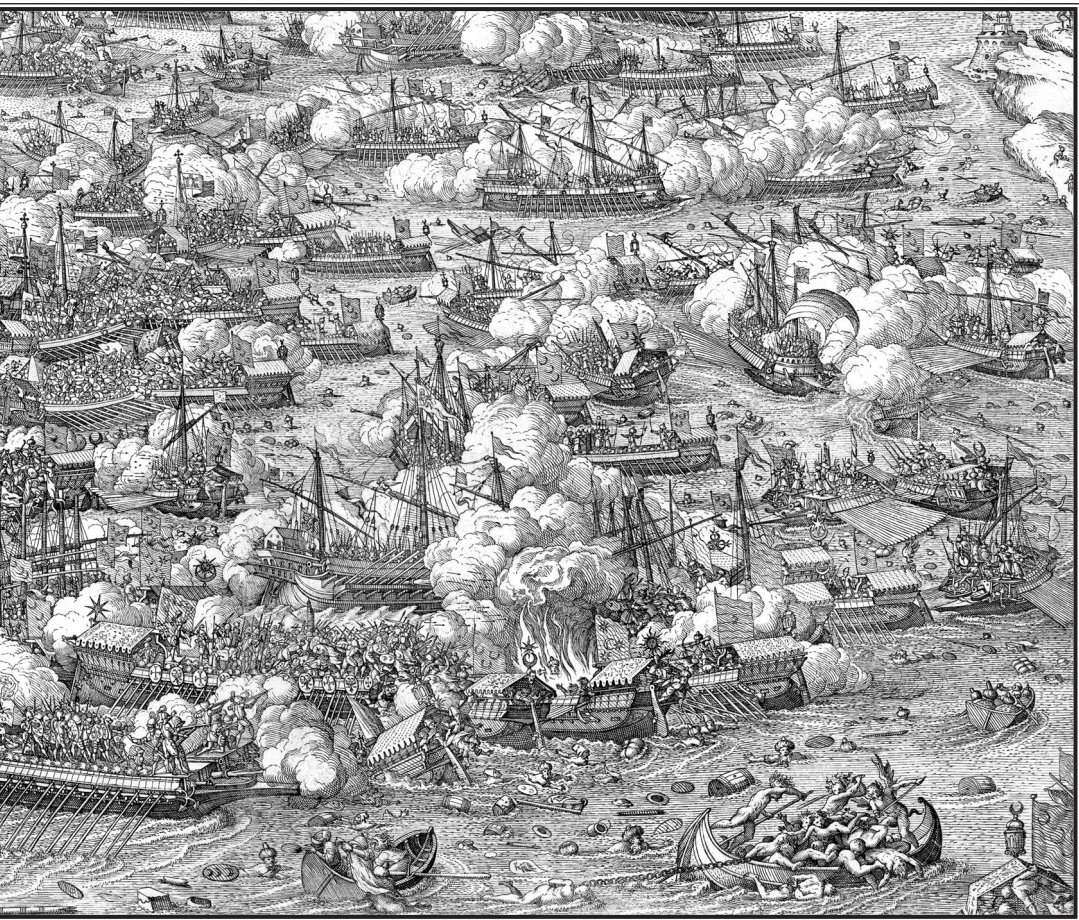
Martini Rotæ sculpsit Venetiae fructus.

одновременно вводил в заблуждение турок относительно своих намерений и указанием последней цели войны поднимал дух народа и союзников. Однако следовать неудачному примеру Голицына он не собирался.

Во-первых, уже во время самих крымских походов Голицына Петр, внимательно за ним следивший, совершенно верно их оценил, что видно из того, что по окончании второго похода Петр долгое время наотрез отказывался от раздачи наград его участникам.

Во-вторых, участники этих походов — Гордон, Лефорт, Шеин¹ — были после переворота 1689 г. ближайшими друзьями Петра и главными начальниками отдельных частей его армий во время Азовских походов, а Шеин — во втором походе даже

¹ Алексей Семенович Шеин (1662—1700) — государственный деятель и военачальник, боярин, генералиссимус (1696); командующий сухопутными войсками в Азовском походе (1696), возглавлял армию и был одним из руководителей правительства во время поездки Петра I за границу.

главнокомандующим Азовской армией; ошибки Крымских походов, вследствие этого, не могли не быть ясны Петру.

Поэтому более естественно предположить, что Петр в выработке плана операций обратился к опыту и указаниям своего отца — царя Алексея Михайловича, ведшего первую московско-турецкую войну на двух театрах — Днепровском и Донском. Только Петр в зависимости от изменившейся обстановки первоначально перенес главные свои усилия с Днепровского на Донской театр.

План операции Петра — захват устьев обеих рек, Днепра и Дона, для создания сразу на Черном и Азовском морях морских сил и двух баз для отрезания флотом Крыма от Турции, снабжающей и поддерживающей его метрополии, — план простой и гениальный, достойный его творца. В самом деле, из распределения и сравнения обеих его армий видно, что Петр придает им равное значение.

На главную операцию под Азов он ведет из вновь сформированных старых стрелецких полков и донских казаков армию в 31 тыс. чел., а на второстепенную — отряжает армию хотя и старинного московского устройства и запорожских казаков под начальством боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Мазепы, но в 120 тыс. чел.

Такое соотношение сил, хотя и неравных по качеству, ясно указывает, что операциям в устьях Днепра Петр придавал серьезное значение. Между тем турки не были обмануты этим манифестом, что видно из принятых ими подготовительных мер по укреплению Азова, усилению его войсками и подвозом снабжений перед первым Азовским походом в 1695 г., и скорее на Днепровском театре они не были готовы к отпору, так как большая часть крымцев ушла за Дон для нападений на осадную Азовскую армию.

Первый генералиссимус российской армии
боярин Алексей Семенович Шейн
(1662–1700)

С вскрытием рек и первым подножным кормом армия Шереметева двинулась к устьям Днепра и, соединившись с запорожскими казаками гетмана Мазепы, обложила турецкие укрепления, сторожившие выход в Черное море. Тем временем вторая армия заканчивала свою организацию в Москве и Тамбове.

Авангард Гордона, предназначенный к сосредоточению в Воронеже для спуска Доном на стругах к Азову, по просьбе Гордона, рассчитывавшего дойти до Азова сухим путем скорее — за три недели, был собран в Тамбове в конце апреля и оттуда двинулся к Черкасску на соединение с донскими казаками. В состав авангарда входило 9,4 тыс. солдат и стрельцов с 53 орудиями и 4 тыс. повозок обоза для подъема полковых тяжестей, артиллерии, боевых и продовольственных запасов (Бутырский полк Гордона, 4 солдатских и 7 стрелецких полков).

В конце апреля закончились также последние приготовления к походу и в Москве. Главная часть этой второй армии, после церемониального шествия через всю Москву, 27 апреля была размещена по заготовленным стругам¹. В состав ее входили колонны А. М. Головина и Лефорта, численностью до 22 тыс. чел.

У Головина — Преображенский полк с бомбардирской ротой Петра Михайлова, Семеновский и 6 стрелецких полков, около 7 тыс. чел.; у Лефорта — несколько солдатских стрелецких полков, численностью до 14 тыс. чел.

28 апреля, после богослужения в Успенском соборе и напутственного благословения патриарха Адриана, Петр, простясь с царским семейством, дал знак к отплытию по высокой весенней воде вниз по течению Москвы-реки. Выйдя в Оку, суда спустились к 16 мая к Волге и остановились у Нижнего Новгорода, где пришлось часть груза перегружать на новые струги, так как некоторые из них еле дошли. Вторая армия двинулась дальше вниз по Волге и 7 июня наконец достигла Царицына.

Отсюда сухим путем армия перешла в недельный срок к Паншину на Дон, перевезя почти все тяжести на себе, так как обозных лошадей не было, и далее, снова погрузившись на струги воронежской постройки, пошла плавным ходом по Дону и 26 июня прибыла в Черкасск, откуда только в этот день выступил Гордон с авангардом к Азову.

Таким образом, переход Гордона сухим путем потребовал от Тамбова до Азова не три недели, как он предполагал, а те же два месяца, что шла и вся армия водным путем, с перегрузками, от Москвы. В 15 верстах выше Азова, при впадении реки Койсуги в Дон у Мытищевой пристани, Гордоном было выбрано место для высадки главных сил и построено небольшое укрепление для прикрытия высадки от нападения татар.

29 июня к этому месту прибыл Петр с войсками Головина и Лефорта и начал в тот же день высадку. 5 июля вся армия наконец подошла к крепости и начала осаду. Несмотря на это, полного объединения власти в одном лице не было сделано. Армия управлялась «консилией трех генералов — Гордона, Лефорта и Головина и с приговора бомбардира Петра Михайлова». Это отсутствие единоначалия, при розни, зависти и недоброжелательности друг к другу генералов, сильно отразилось на успехах военных действий этой кампании на Азовском театре войны. В то же время крепость, опиравшаяся на морскую

¹ Струг — деревянное плоскодонное парусно-гребное судно.

силу, имела постоянное сообщение со своей страной, получала благодаря владению своего флота морем подвоз снабжения и подкреплений и не могла быть блокирована неприятелем, имевшим лишь сухопутную силу.

В эту кампанию здесь Петром были взяты лишь два укрепления — Каланчи, выше Азова преграждавшие цепями прямой подход Доном к Азову.

После нескольких неудачных штурмов, в которых блестяще показали себя молодые петровские полки гвардии, Петр вынужден был поздней осенью снять осаду и вернуться в Москву, оставив только гарнизон в занятых укреплениях, чтобы возобновить их и усилить. Это укрепление было названо Новосергиевском.

В то же время на Днепровском театре войны армия Шереметева и Мазепы действовала гораздо успешнее. Ими были в эту кампанию взяты две крепости — Казикермен и Таган, два укрепления, брошенные турками, Орслан-Ордек и Шагин-Кермень, совершенно разорены, а ниже по Днепру на острове Таван было устроено укрепление, названное по имени острова, где было оставлено два полка гарнизона. Укрепление это для следующей кампании должно было сыграть важную роль передовой базы для дальнейшего движения к Черному морю.

Таким образом, результатом этой кампании было: во-первых, приобретение важных опорных пунктов в устьях Дона и Днепра для продолжения борьбы; во-вторых, сознание недостаточности одних сухопутных сил для завладения приморской крепостью, имеющей сообщение со своей страной при помощи флота; в-третьих, сознание вреда организации высшего командования армией при помощи «консилиев» равных и не подчиненных друг другу начальников и, наконец, в-четвертых, сознание недостаточной готовности своих бомбардиров и случайных инженеров. И мы увидим, что при подготовке следующей кампании Петр устраняет все эти ошибки.

Теперь полезно сравнить выводы Петра из крымских походов Голицына с результатами этой кампании.

Из петровского плана войны на 1695 год видно, что он уже ясно сознал: 1) необхо-

Генерал-аншеф Петр Иванович Гордон
(Патрик Леопольд Гордон оф Охлухрист)
(1635 – 1699)

димность создания флота на Черном море для завоевания Крыма; 2) необходимость захвата для этого устьев Днепра и Дона, вытекавших из недр России и запертых турками; 3) необходимость реорганизации для этого военно-сухопутных сил и 4) важность водных путей для маневра и, главным образом, для коммуникации.

Новая кампания, кроме административно-организационных выводов, главным образом в стратегическом отношении указала на необходимость немедленного, внутри страны, создания флота для выхода в море.

В эту кампанию Петр смотрел еще на флот как на транспортное, вспомогательное средство, рассчитывая в будущем при выходе к морю дать ему соответствующие задачи, и надеялся лишь на сухопутные силы. Неудача кампании доказала ему, что без флота невозможно и к морю пробиться. Таким образом, крымские походы Голицына стоят в непосредственной идейной связи с первой турецкой войной Петра в истории военного искусства России.

Б) КАМПАНИЯ 1696 Г.

Уезжая в первый поход под Азов, Петр, окрыленный надеждами на свои новые полки, писал с обычной бодростью своему

Генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин
(1661–1728)

другу Апраксину¹ в Архангельск: «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем», но результаты похода, страшные потери при штурмах и отступлении показали Петру, что война не шутка, не забава.

При организации следующей кампании он для обеспечения успеха устраняет все ошибки предыдущей, создает новую силу — флот — в одну зиму, не жалея средств.

Еще по дороге в Москву он пишет своим союзникам, королю Польскому и императору Австрийскому, о результатах кампании, просит выслать к весне знающих инженеров, артиллеристов, корабельных мастеров, убеждает энергично возобновить затихнувшие у них военные действия против турок на Дунае, для разделения их сил, и обещает ранней весной снова выслать войска, многочисленное прежних, на Крым.

Устроив 22 ноября торжественный вход в Москву, Петр немедленно собирает «консилию» генералов для обсуждения плана будущей кампании. На этих совещаниях постановляется к весне на Дону выстроить флот в 2 корабля-галеаса², 22 галеры и 4 брандера, назначается адмиралом

Лефорт, а командующим всей Азовской армией — генералиссимусом — боярин Алексей Семенович Шейн (принцип единоначалия, чем устранялись все недоразумения от многовластия прошлой кампании).

План кампании по существу был оставлен прежним (по идее — Крым), но в него, в зависимости от опыта борьбы, были внесены значительные поправки.

Объектом операций опять были выбраны устья Днепра и Дона, соответственно чему снова были организованы две армии — Шереметева и Шейна, но силы их были в этом году почти сравнены. Армия, назначенная под Азов, была значительно усилена ратными людьми московского чина, солдатскими и стрелецкими полками (дивизия генерала Регемана — 10 тыс. чел.) и малороссийскими казаками (15 тыс. чел.), и доведена до 75 тыс. чел. Шереметевская же соответственно тысяч на 25 уменьшилась.

Такое значительное увеличение Азовской армии при условии создания флота, безусловно, объясняется желанием Петра обеспечить себе успех на том театре, где в предыдущую кампанию он вынужден был отступить. Армия эта, разделенная на три дивизии — Гордона, Регемана и Головина, должна была, сосредоточившись ранней весной у Воронежа, двинуться совместно с флотом плавным ходом к Азову.

На флот возлагалась задача блокирования крепости с моря. В то же время Днепровская армия Шереметева и остальные малороссийские запорожские казаки гетмана Мазепы должны были двинуться к Днепровскому лиману для действий против последнего оставшегося здесь оплота турок — Очакова.

На отдельный отряд этой армии в 2,5 тыс. чел. с артиллерией, под начальством думного дворянина Неплюева, совместно с запорожскими казаками, была возложена для демонстрации задача поиска и нападения на берега Крыма с моря на выстроенных в Брянске 88 стругах и 30 лодках.

¹ Федор Матвеевич Апраксин (1661–1728) — государственный деятель и военачальник, генерал-адмирал, первый президент Адмиралтейств-коллегии (с 1717), один из создателей русского военного флота.

² Галеас — большая трехмачтовая галера с большими веслами.

Таким образом, по плану и в этом году шереметевская армия имела свои определенные и очень важные стратегические задачи, а демонстрация была возложена на особый летучий отряд для нападения на Крым с моря.

Еще во время осады Азова, в июле 1695 г., Петр получил из Москвы известие, что заказанная им в Голландии в предыдущем году галера¹ готова и отправлена морем в Архангельск. Прибытие ее в данное время было для Петра как нельзя более кстати. Галера шла в разобранном виде с моделью и мастером для сборки на месте. Из Архангельска она была водным путем была доставлена в Вологду, а оттуда до Москвы отправлена по зимнему пути на санях. В начале января 1696 г. судно прибыло в село Преображенское. Эта галера и послужила образцом для постройки к внешней воде 22 таких же галер для Азовского флота.

В Преображенском бывшие «потешные» и моряки с Переяславского озера — семеновские и преображенские солдаты и бомбардиры — стали немедленно заготавливать лес. С прибытием голландской галеры по ее образцу начали вырубать части 22 галер, а также и 4 брандеров², а в Воронеже — 2 галеасов, под надзором стольника разряда Титова.

Для постройки этих кораблей был выписан из-за границы корабельный мастер Август Мейер, прибывший в Воронеж в начале марта. В то же время были собраны со всех концов России для постройки плотники, знающие судовое дело. Среди них главное место занимали вологжане.

Для транспортных средств одновременно, по примеру предыдущего года, было велено изготовить жителям Белгородского полка в Козлове, Добром, Сокольске и Воронеже 1,3 тыс. стругов, 300 лодок и 100 плотов.

Пока в Преображенском шла рубка леса, в Москве был сформирован морской regiment. Адмиралом флота был назначен

Первый адмирал Российского флота
Франц Яковлевич Лефорт
(1655 – 1699)

Лефорт, вице-адмиралом и шаутбенахтом³ — лично известные Петру командиры солдатских полков полковники Лима и де Лозьер, а командирами судов — капитаны тех же полков. Одним из галеасов назначен был командовать строитель их Август Мейер. Галерой «Принципиум» командовал капитан Петр Алексеев.

Для комплектования судов будущего флота были назначены 4225 чел. старых и новоприборных⁴ солдат Преображенского и Семеновского полков, разделенных на 28 рот по числу строившихся судов.

Уже в феврале в Преображенском была окончена заготовка частей всех судов и они были отправлены каждое при своей команде и командире в Воронеж.

28 февраля Петр, похоронив своего брата царя Ивана, уже был в Воронеже и выбрал место для сборки всех судов и спуска их на воду.

С середины марта жизнь в Воронеже за-
била ключом — все суда уже были на блоках

¹ *Галера* — боевой гребной корабль с одним рядом весел. Имела 2–3 мачты с косыми парусами в качестве вспомогательного движителя.

² *Брандер* — судно, груженное горючими и взрывчатыми веществами и предназначенное для сожжения кораблей противника.

³ *Шаутбенахт* — младшее адмиральское звание во флоте Российской империи; в 1732 г. было заменено званием контр-адмирала.

⁴ *Новоприборный* — прил. устар. То же, что: новонабранный.

Европейские галеры XVIII века.

Гравюра из книги Корнелиса ван Ийка
«Нидерландское кораблестроение». 1697 г.

и собирались под личным наблюдением Петра и шаутбенахта де Лозьера.

Строившийся флот, как выше указано, состоял из 2 кораблей-галеасов, 23 галер, или каторг¹, и 4 брандеров. Первый корабль — «Апостол Петр» был 36-пушечным, длиной 113 футов, шириной 25 футов; второй — «Апостол Павел» — тоже 36-пушечный, длиной 98 футов и шириной 30 футов.

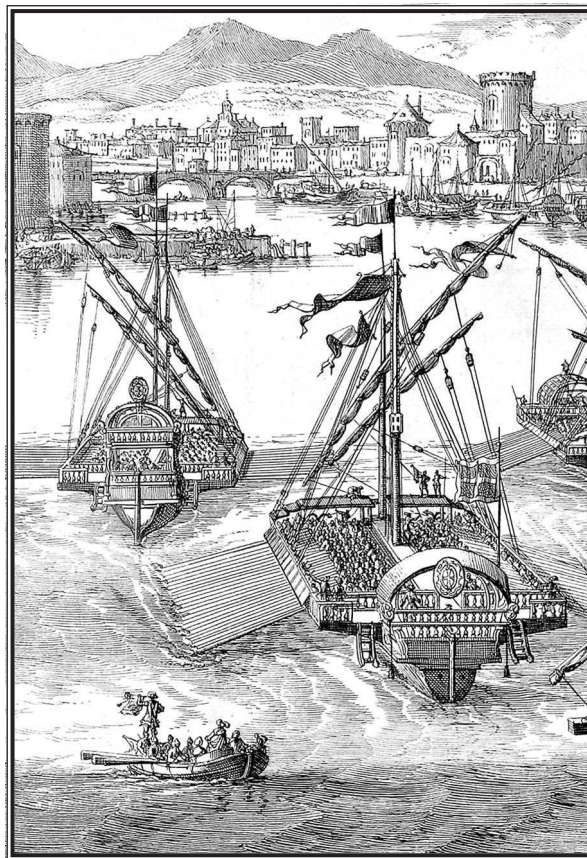
Углубление обоих судов, а также калибр орудий — неизвестны. По типу оба эти судна подходили к современным им кораблям 4-го ранга иностранных флотов².

Выписанная из Голландии галера Лефорта имела наибольшую длину 125 футов, по ватерлинии 96 футов, а по килю 87 футов, наибольшая ширина с постицами³ — около 30 футов, а без постиц — 20 футов, ширина борта от верхней кромки киля около 12,5 футов, углубление ахтерштевнем 6,5 футов, а форштевня — 4 фута.

Сосредоточение войск к Азовскому театру военных действий началось ранней весной. Гетману Мазепе было приказано отправить к Черкасску 6 малороссийских полков — 15 тыс. казаков, а белгородскому воеводе Шереметеву — 7 полков генерала Регемана на Валуйки и далее по Осколу и Донцу к Черкасску.

К 23 марта дивизия Гордона была уже собрана к Воронежу, а в конце месяца туда же подошли и остальные войска Головина и главнокомандующий — генералиссимус боярин Алексей Семенович Шеин со своим штабом.

С приходом к Воронежу стругов медленно началось распределение их по частям войск, загрузка артиллерии,

провианта, снабжения, посадка авангарда Гордона и штабов.

23 апреля вся посадка войск и загрузка была закончена, и на 1 галере и 3 стругах авангард Гордона двинулся вместе с Бутырским и 4 стрелецкими полками — 3,5 тыс. чел.

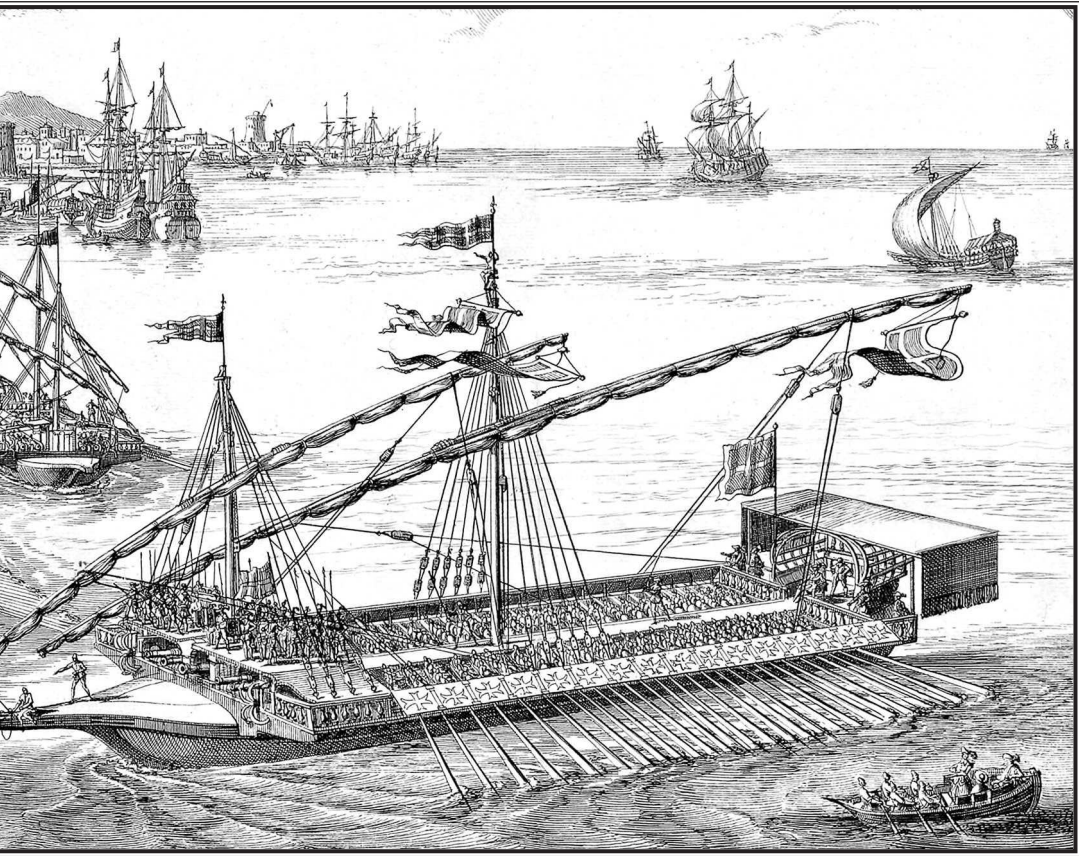
Через 2 дня пошел Головин с преображенцами и семеновцами и вслед за ним Шеин со своим штабом. Все остальные войска шли сухим путем к Черкасску. Кормчими и гребцами на стругах, лодках и плотах были посланы беглые с работ, всего 1669 чел.

26 апреля был спущен наконец первый галеас — «Апостол Петр», а через два дня отправлен вниз к Азову. О состоянии его

¹ *Каторга* — первоначальное название галеры, где гребцов приковывали к веслам цепями.

² Современные историки морского флота относят суда «Апостол Петр» и «Апостол Павел» к 5-му рангу, т. е. к таким, которые были неспособны сражаться наравне с линейными кораблями, но при этом были хорошо приспособлены для разведки и дозора, самостоятельного крейсерства, связной и посыльной службы.

³ *Постиги* — брусья, постилавшиеся вдоль галер по одному с каждой стороны; на них устанавливались уключины.

в момент отплытия можно судить по тому, что с ним было отправлено «на отделку галеасов» шесть стругов с различными припасами, дубовыми досками, канатами, смолой, железом и проч.

В таком же состоянии при отправлении в путь были почти все галеры. Это было видно из того, что на всех них продолжались даже в пути различные работы — кузнечные и проч., а припасы с пиловальной мельницы, паруса, канаты, конопать и проч. направлялись даже в Черкасск — вдогонку за флотом.

Первый отряд галер выступил из Воронежа 3 мая под начальством командира галеры «Принципиум» капитана Петра Алексева, на другой день пошел адмирал Лефорт.

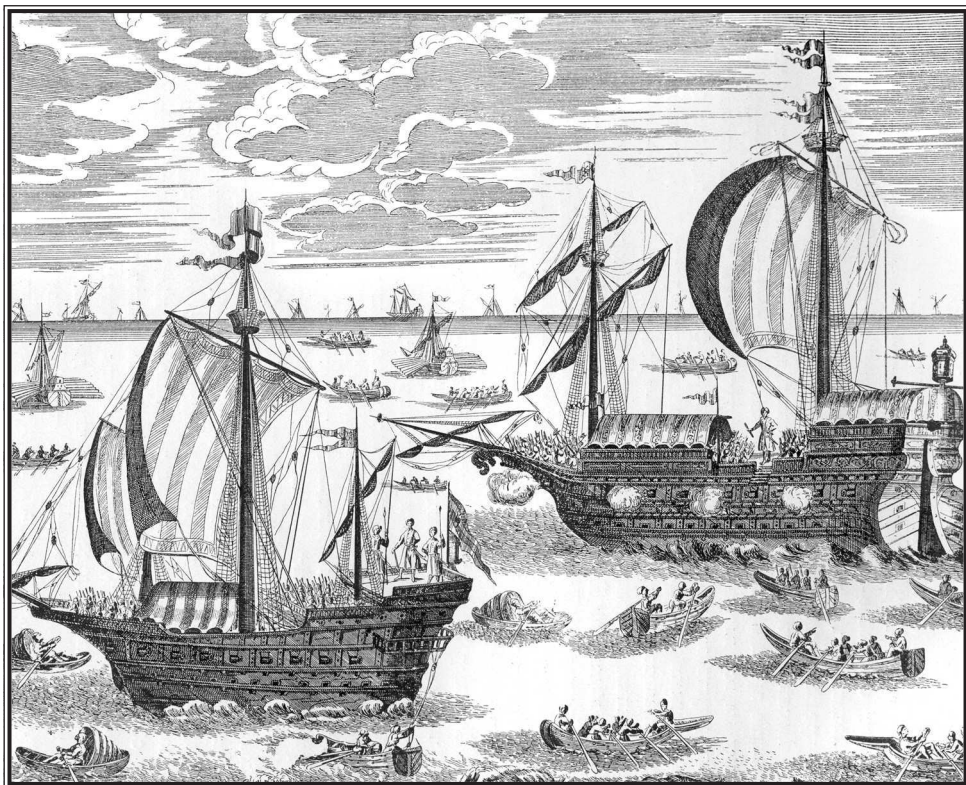
10 мая отправился вице-адмирал Лима с 7 галерами, 21 мая — думный дворянин С. И. Языков с хлебными и всякими запасами, и, наконец, последним — шаутбенахт де Лозьер на своей галере с 4 брандерами. С последним эшелоном отправился це-

лый караван стругов с лесными припасами, рангоутом, канатами, галерными короткими пушками, смолой, конопатью, углем и шесть стругов особо с вином и сбитнем.

14 мая отряд Гордона подошел к Черкасску, куда уже раньше пришел Регеман, а на другой день прибыл и государь со своими 8 галерами. Весь этот поход первый отряд галер шел безостановочно под парусами и веслами. На пути он обогнал главные силы Головина и Шеина.

Тотчас после выхода из Воронежа государь занялся организацией будущего флота и 8 мая объявил первые статьи флоту — «Указ по галерам 1696 года», содержащий в 15 статьях главные правила походного движения флота и боя; в них же даны были первые правила дневной и ночной сигнализации при постановке и съемке с якоря днем и ночью.

5-й статьей, «под великим запрещением», повелевалось «в шествии друг друга не отставать и в своих местах плыть как

Корабли азовского флота Петра I «Апостол Петр» и «Апостол Павел».
Гравюра из книги Иоганна Георга Корба «Дневник путешествия в Московию». 1700 г.

в парусах, так и в веслах», 7-я и 8-я статьи указывали сигналы для созыва капитанов к караванному начальнику, а 6-я и остальные 7 — главные наставления для боя: сигнал о приготовлении к бою — «красное знамя, вместо обыкновенного и одинаго из пушки да выстрелить», способы передачи в походе днем и ночью известий о неприятеле караванному начальнику; правила подачи помощи пострадавшему кораблю в походе — «близ шествующие оной страждущей галере помогать», а в бою — «только одна галера должна при ней остаться, а прочим, несмотря на то, исполнять дело свое, под наказанием смерти»; правила сигнализации для атаки неприятеля частью сил и всем караваном, и прекращения погони, и возвращения всех судов в «свои шквадроны».

Правила заключались 15-й статьей: «А если в бою кто товарища своего покинет или не в своем месте пойдет, такого наказать смертью, разве законная причина к тому его привела». Таким образом, во главу своих первых морских тактических

наставлений Петр ставит принцип взаимной поддержки.

Еще до прибытия Гордона и Петра к Черкасску, войсковой атаман Донского казачьего войска Фрол Миняев отправил станичного атамана Леонтия Поздеева с 250 казаками на легких казачьих лодках в Азовское море «для промысла над неприятелем».

17 мая Поздеев вернулся в Черкасск и донес о своей попытке напасть под вечер третьего дня пребывания на взморье на два только что пришедшие турецкие корабля.

Нападение его было отражено турками, главным образом вследствие невозможности казакам взобраться на высокие борта кораблей для абордажа. Известие это страшно обрадовало Петра возможностью близкой легкой морской победы. На другое же утро Петр, переговорив с Гордоном, отправил его вперед к Новосергиевску, а сам со своими галерами пошел в 5 часов дня. С ним вместе отпарвились

40 казачьих лодок (по 20 чел. в каждой), с атаманом Фролом Миняевым. В ночь на 19 мая этот отряд подошел к Новосергиевску; государь с казаками в 2 часа ночи, а Гордон — в 5 утра.

В тот же день на военном совете у государя было решено сделать ночное (принцип внезапности) нападение на турецкие суда галерами и казаками на лодках; на галеры был посажен один из полков Гордона; Гордон же, высадившись на Каланчинский остров, должен был, в случае выхода гарнизона Азова навстречу турецкому десанту, ударить ему в тыл.

Вечером 40 казачьих лодок под начальством Фрола Миняева и 9 галер государя тронулись к устьям, но вследствие малой воды галеры не могли выйти через бар в море и в 3-м часу, к страшному огорчению Петра, повернули обратно к Новосергиевску.

Государь пересел на рассвете на одну из казачьих лодок и вышел с казаками в море; взорам их представилось не 2 корабля, а целый флот из 13 кораблей и многих мелких судов. Еще более досадуя на невозможность воспрепятствования высадке турецкого десанта, Петр вернулся к отряду галер, который дожидался его выше, и пошел с ним к Новосергиевску. Но оставшиеся в устьях одного из рукавов Дона (Каланчи) казаки продолжали наблюдать за турецким флотом, который утром 20 мая отправил человек 500 десанта в Азов.

Вечером того же дня казаки снова заметили приготовление флота к высадке и стали напряженно следить за караваном из 13 тумбасов, (мелких транспортных судов), нагруженных снарядами, оружием, деньгами, сукном, съестными припасами, под защитой 11 ушколов (больших лодок) с янычарами, направленных к берегу. Выждав подхода к устью всех этих судов, казаки стремительно их атаковали, захватили 10 тумбасов с грузом и 27 пленными, а остальных обратили в бегство.

Турецкий флот, увидев это поражение своей мелкой флотилии, в замешательстве стал сниматься с якоря, причем бросил два корабля, не успевших встать под паруса. Один из них турки сами затопили, а другой был сожжен казаками.

Этот первый успех на море, хотя и казачьих, а не флота Петра, сильно его обрадовал, тем более что результатом его было бегство всего турецкого флота.

Теперь Петр с нетерпением ожидал прибытия всего флота с Лефортом от Черкаска, и на другой день после его прихода, при первой полной воде, 27 мая вывел лично флот через устье и занял позицию для блокады всех рукавов Дона.

Это был первый выход русского военного флота в море. Для укрепления позиции флота по обоим берегам Кутюрминского рукава было устроено по укреплению.

2 июня к первому отряду прибыл вице-адмирал с 7 галерами, затем, через несколько дней, капитан князь Трубецкой с остальными галерами, и, наконец, 12 июня пришел шаутбенахт с последней галерой и 4 брандерами. Корабль «Апостол Петр», прибывший к Новосергиевску, сначала, за противным ветром, а при противоположных — по мелководью, не мог выйти в море и остался у Новосергиевска.

Через два дня после соединения всего русского флота турки сделали еще попытку провести десант и подать помощь осажденной крепости. 14 июня на горизонте сначала показалось несколько парусов, а затем подошел и весь турецкий флот из 6 кораблей и 17 галер и встал на якорь против русского флота.

На этой эскадре, как потом оказалось, было привезено 4 тыс. десантного войска для усиления гарнизона крепости.

Две недели простоял турецкий флот в бездействии и наконец 28 июня решился везти десант. Утром 24 гребных судна направились к берегу, но наш флот по приказанию Петра немедленно при этом стал сниматься с якоря. Завидев это, турки вернули суда, снялись с якоря всем флотом и ушли в море.

Это была последняя попытка спасти крепость, которая, не получив подкрепления, принуждена была через три недели, 18 июля, сдаться.

На другой день, 19 июля, русские войска вошли в город, представлявший груды развалин, а флот подошел к крепости и бросил якоря, сопровождая это пушечной пальбой.

*Адриан Шхонебек. Взятие Азова.
Гравюра. XVIII в.*

Неделю спустя, 26 июля, Петр решил выйти в море с флотом для осмотра побережья завоеванного моря и выбора места для военного порта.

Выбор государя и его спутников остановился на местности около мыса Тавана, где и решено было строить военный морской порт, по удобству устройства здесь гавани, возвышенному каменистому берегу, удобному для постройки укрепления, и наличию хорошей воды.

Дальнейших военных действий на этом театре Петр более в эту кампанию не предпринимал. В гарнизоне Азова под начальством стольника князя Львова было оставлено 6 солдатских и 4 стрелецких полка (3,3 тыс. чел.). В ведение того же воеводы поступили и первые суда русского военного флота по окончании кампании.

Начиная с 5 августа, войска и морской regiment выступили обратно к Москве сухим путем и на гребных судах. Галасы, галеры и брандеры были разоружены и поставлены на реке около Азова, чем и закончилась первая служба русского флота, созданного невероятным усилием Петра Великого и богатыря народа.

Одновременно с осадой Азова по плану кампании предполагалось опять ранней весной двинуть армию Шереметева и малороссийских казаков гетмана И. С. Мазепы кустьям Днепра для нападения на Очаков, «для промысла морем над крымскими юртами и для бережения и осторожности завоеванных на Днепре Таванского и других городов».

Этими действиями армии Шереметева на Днепровском театре Петр рассчитывал отвлечь крымских татар от Азова, так мешавших в предыдущую кампанию ежедневными нападениями на осадную армию. Но медлительность Шереметева в эту кампанию опять допустила крымцев под предводительством Нураддин-султана пройти к Азову и соединиться с татарами за рекой Кагальник, вследствие чего и во время второй осады Азова татары постоянно нападали на русский лагерь.

Но даже этим ослаблением неприятельских сил Шереметев и Мазепа не воспользовались для решительных действий на Днепровском театре.

Подготовка кампании на этом театре началась тоже заблаговременно, по-видимому, одновременно с Азовской. По наряду

Разряд в Брянске стольнику и воеводе Семёну Бредихину велено было сделать 42 струга больших, мерой по 10 сажений, 50 стругов малых длиной 5–6 сажений и 50 лодок однодеревных длиной 5–7,5 сажений.

По отпискам в разряд этого воеводы, к внешней воде указанное число с припасами было изготовлено и отпущено из Брянска в Киев: 23 апреля — 42 струга больших, 46 стругов малых и 45 лодок и 25 мая — 7 стругов больших, 1 малый и 1 лодка.

Известий, освещающих поход и действия шереметевской армии в эту кампанию, почти не сохранилось¹.

15 июня назначенный для демонстрации — «для промысла над крымскими юртами» — отряд думного дворянина Неплюева прибыл под Орел (при впадении реки Орел, впоследствии слобода Ольвиополь), а водные суда с хлебными запасами из Киева туда же привел майор Василий Залесский только 9 июля, при этом с ним прислано было всего 42 струга больших, 46 малых и 31 лодка однодеревная необшитая. В тот же день, погрузив весь обоз, Неплюев двинулся вниз по Днепру сухим путем и плавным ходом и 12 июля пришел в Самару под Новобогородицкий городок.

Здесь отряд задержался на неделю для обшивки и конопачения лодок и тронулся далее, причем, вследствие малой воды на Днепре, с большими затруднениями с выгрузкой артиллерии и провианта из наиболее глубоко сидящих стругов. Потеряв разбившимися несколько стругов, с 23 по 28 июля он перешел наконец пороги и, нагрузив снова в суда все пушки и полковые припасы, 29 июля пошел «с большим поспешением» к Таванску, куда и прибыл 1 августа.

Подойдя к Таванску, Неплюев выбрал в полуверсте ниже по берегу Днепра

позицию и устроил укрепленный лагерь. Между тем назначенный гетманом Мазепой киевский полковник Константин Мокеевский для того же похода морем «на крымские юрты» прошел Таванск раньше Неплюева и часть казаков отправил в море с запорожцами, а с остальными стал лагерем на Днепре ниже Таванска на 40 верст, в урочище на острове, на днепровских косах, к Очакову (по-видимому, уже в лимане на Кинбурнской косе). 2 августа под Таванск вернулись запорожский кошевой Яков Мороз с частью казаков, ходившие на морской промысел. В море они атаковали 5 турецких галер, шедших к Очакову, но вынуждены были отступить под сильным пушечным и ружейным огнем.

На пути к Белгороду (Аккерману) они опять встретили 2 морских турецких судна, которые и разбили, причем было взято в плен 30 турок. Оставив для дальнейшего морского промысла 300 человек «охочих» под начальством казака Якова Чалого, кошевой Мороз решил вернуться, но так как у Очакова собрался большой турецкий флот и казаки пройти мимо не могли, то зайдя в урочище Стрелицы ниже Очакова казаки уничтожили свои суда и сухим путем по крымской стороне пошли к Таванску со взятыми пленными.

Оставшиеся в море казаки с Чаловым еще раз напали на караван турецких судов с провиантом и другими припасами, шедшими к Очакову, и отбили 17 судов. По возвращении кошевого Якова Мороза Неплюев предлагал ему, посоветовавшись с кошем, сообща напасть на Очаков, но тот отказался, говоря, что им не на чем, так как все суда посечены, что под Очаковым ныне басурманских войск и водных стругов много и оттого опасно.

Таким образом, окончилась кампания этого года на Днепровском театре войны. Результатом ее, и очень важным, надо

¹ Военные историки, по-видимому, из-за взгляда на Днепровскую операцию как на демонстрацию не обращали внимание на этот театр войны. Большею частью указывается на нерешительность действий Шереметева и Мазепы, в беглой заметке считая их не имеющими значения ни по боевым действиям, ни по результатам. Поэтому в военной литературе совершенно нет указаний ни на время движения армии, ни на ее направление — т. е. на объект операции. И только из нескольких документов (9) приложения IX, части 2 «Истории русского флота. Азовский период» Елагина можно усмотреть, что целью движения армии был не Перекоп, как указывает генерал Леер, а Очаков, что совершенно меняет характер операции. (Примеч. автора.)

Казацкая лодка в засаде.

Рисунок. XIX в.

считать глубокую рекогносцировку неприятельских сил на этом театре, совершенную казаками. Она выяснила, посредством осмотра моря и Очакова и опроса пленных, что турки в этом году сильно укрепляли Очаков и готовились к нападению русских на него; туда еще весной были подведены значительные сухопутные силы (до 10 тыс. чел.), подвезено снабжение, провиант и собран сильный галерный флот для нападения на отнятые в прошлую кампанию крепости и Тавань.

При таких условиях бездеятельность главных сил армии Шереметева, к которому Неплюев много раз обращался за подкреплением и получал ответ, что дать некого, о чем Неплюев доносил и государю, нужно считать особенно преступной, а потому в назначении на следующую кампанию белгородским воеводой и командующим Днепровской армией боярина князя Якова

Федоровича Долгорукова¹ надо видеть достойную оценку Петром деятельности Шереметева в эту кампанию.

В) СОЗДАНИЕ АЗОВСКОГО ФЛОТА

Совершив торжественный вход в Москву азовских победителей и отпраздновав пирами первый шаг к выходу в Черное море, Петр, для решения вопросов обороны края, укрепления его за Российской державой и способов дальнейшего движения к югу, созвал Боярскую думу в село Преображенское. Для решения последнего вопроса Петр предлагал выстроить «флот или караван морской, в 40 или вяще судов состояний, о чем надо положить не испустя времени»².

Дума на заседании 20 октября постановила: «Морским судам быть, а скольким — о том справиться о числе крестьянских дворов, что за духовными и всяких чи-

¹ Яков Федорович Долгоруков (1639—1720) — государственный деятель и дипломат, один из приближенных Петра I, боярин, приказной судья; с 1711 г. занимал должность под названием генерал-пленнопотенциар-кригскомиссар.

² «Понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда так к нам близко на юг не бывала, блажен иже имется за власы ея». Из представления Петра в думу о постройке Азовского флота. (Примеч. автора.)

нов людьми; о том высчитать и доложить не замолчав, и наложить суды по дворам, сколько пристойно, а о торговых людях выписать из таможенных книг, что с них взято в 202, 203 и 204 годах пяты и десяты деньги и с каких промыслов».

27 октября указом Петра велено было по местному приказу собрать сведения о числе крестьянских дворов за духовенством и помещиками, а на заседании думы 4 ноября приговорено: «Корабли сделать со всей готовностью и со всеми пушками и с мелким ружьем, как им в войне, к 206 году или прежде, а делать их по нижеписанным статьям: святейшему патриарху и властям и монастырям с 8 тыс. крестьянских дворов — корабль, с бояр и всех чинов служилых людей с 10 тыс. крестьянских дворов — корабль».

В тот же день, 4 ноября, постановление думы было обнародовано указом государя. В него Петр вносит уже некоторые подробности, которые не сохранились в постановлении думы (документ изорван, половины не хватает): 1) подлежат корабельной прямой повинности — владельцы 100 и большего числа дворов, а остальные, за кем меньше 100 дворов, обязаны платить денежную повинность по полтине со двора в год; 2) такая раскладка по кораблю с 8 и 10 тыс. дворов устанавливается только на первый раз, а в будущем делать с 20 тыс. дворов корабль; 3) к постройке судов приступать немедленно с нынешнего, 205-го, года, чтобы окончить их постройку со всем снабжением и спустить на воду в Воронеже в первых числах апреля 206-го (1698).

Таким образом, по определении числа дворов за духовными лицами, монастырями и помещиками, было образовано 17 духовных и 18 светских кумпанств, каждое из которых по данным чертежам и росписям должно было построить корабль.

Торговым людям — гостям, городам, слободам и беломестцам указано было вместо платимой ими в прежние годы десятой деньги выстроить к тому же сроку и на тех же условиях 12 кораблей.

К этой повинности привлечены были не только русские торговые люди, но и иноземцы, числившиеся в Посольском приказе (указ государя от 11 декабря). Но вскоре, ввиду ходатайств некоторых гостей их от корабельного строения уволить, дозволив им внести только деньги, Петр увеличил их повинность до 14 кораблей. Да кроме этого, на именитого человека Григория Дмитриевича Строганова¹ была возложена постройка двух кораблей, но он на собственные средства добровольно построил и третий. Таким образом, к постройке предназначено было всеми кумпанствами 52 корабля.

От этой повинности, нового налога на самое важное для России и любимое царя дело, Петр, первый всюду работник, не мог, конечно, освободить себя и царское семейство. По количеству 93 тыс. дворов, числившихся за ними, они участвовали в корабельной складке и образовали 10 кумпанств.

Постройка этих судов назначена была не в Воронеже, а на Волге, под ведением приказа Казанского дворца, где в 1697 г. было заложено 10 кораблей².

Указом от 17 декабря Петр приказал «все дела по складке и кораблестроению передать из Поместного приказа в Володимирский Судный приказ, сделавши начальника его, окольного Александра Петровича Протасьева — адмиралтейцем», т. е. главным распорядителем по постройке судов, отводу лесов кумпанствам, назначению мастеров, заготовке инструментов и проч.

В таком виде созданное наспех первое специальное Морское управление, временно пристегнутое к совершенно постороннему учреждению, просуществовало до 1700 г.

Но в заботах об Азовском флоте Петр не забыл и другого своего театра военных действий. Освободив от платы полтинных денег помещиков и вотчинников Севского полка, украинских и заоцких городов, Петр

¹ Григорий Дмитриевич Строганов (1656–1715) — промышленник, землевладелец, финансист и государственный деятель.

² В этом обыкновенно усматривают то, что они строились для Каспийского моря, однако положительно утверждать этого нельзя, так как в то время, тотчас после взятия Азова, начались энергичные работы по прорытию канала между Волгой и Азовом. (Примеч. автора.)

указом от 24 ноября приказал «во Брянску сделать 100 стругов добрых по образцу, каков прислан будет с Москвы: с шести-десяти дворов — струг».

Это выделение днепровского судостроения из ведения Адмиралтейства и передача в Военный приказ — Разряд, боярину Стрешневу¹, объясняется тем, что морская сила на данном театре для Петра являлась вспомогательной, необходимой помощью для действия сухопутной армии, но не самостоятельной единицей, так как корабельного флота выше порогов он строить не мог, а устья Днепра, пока еще даже и спорные, были окружены степями, где без подвоза с севера и надежного обеспечения баз укреплениями не могло быть начато строение корабельного флота.

В дальнейших своих заботах по подготовке кампании следующего года Петр снова назначил для удержания завоеванных областей две армии: под Азов — боярина Шеина, и на Днепр — нового белгородского воеводу князя Якова Федоровича Долгорукова и гетмана Мазепу.

Г) ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО

По окончании кампании 1696 г. Петр энергично продолжает начатое дело. Завоеванием Азова найдена всего одна точка опоры для борьбы за Черное море, но Азовское море закрыто — на пути стоит Керчь, а на Днепре выход в море еще закрыт Очаковом.

Приступая к созданию силы для борьбы за выход в Черное море — корабельного флота (постановления Боярской думы от 20 октября и 4 ноября на вопросные пункты царя — «морским судам быти»), Петр не забывает и устья Днепра, а главное — принимается за политическую подготовку для продолжения борьбы с Турцией и подготовку всей России для этого трудного подвига. В этих видах им готовится Великое посольство Лефорга, Федора Алексеевича Головина и Возницына² с громадной свитой, в которую входит и сам царь под именем дворянина Петра Михайлова.

Целью посольства было объявлено (и так было в действительности) «подтверждение древней дружбы и любви, ослабление врагов Креста Господня, султана Турского, хана Крымского и всех орд басурманских».

Эта цель посольством и Петром должна была осуществиться двояким путем — усилением Священного союза против Турции, приглашением в него морских держав Голландии или Англии, подкреплением его новым договором с Польшей, Австрией и Венецией со стороны политической и подготовкой, просвещением всей России — сдвигом ее на новый путь прогресса.

Для этой второй цели при посольстве были взяты из Москвы 30 волонтеров, большей частью из переяславских, архангельских и воронежских сподвижников Петра, для обучения их морскому, военному, инженерному, артиллерийскому и иным делам. Кроме того, посольство должно было нанять за границей для строящегося флота корабельных, парусных, мачтовых и других мастеров, адмиралов, офицеров, штурманов, матросов и прочих.

Главной же заботой Петра в эту зиму были польские дела. Скончался союзник Петра король Ян Собеский. Претендентом на польскую корону под давлением Франции, союзницы Турции, являлся принц Конти, недопущение которого на польский престол являлось насущной необходимостью для Петра, так как с этим рушилась вся политическая комбинация и Россия вынуждена опять была бы встать во враждебные отношения к Польше. Поэтому Петром прилагались все меры давления на сейм, до подвода войск к польской границе (отряд Ромодановского), чтобы заставить поляков выбрать на престол курфюрста Саксонского Августа. Летом 1697 г. заботы Петра в этом отношении наконец увенчались успехом.

По плану путешествия посольства, оно должно было из Москвы отправиться в Вену. Однако уже в начале 1697 г. получено было сильно обрадовавшее Петра

¹ Тихон Никитич Стрешнев (1644—1719) — государственный деятель, боярин, сподвижник Петра I, первый московский губернатор (1709—1711).

² Прокофий Богданович Возницын (?—1702) — государственный деятель и дипломат, выполнял ответственные дипломатические поручения при Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче и Петре I.

донесение русского посла Нефимонова, что им заключен союз с Австрией и Венецией против Турции. Это изменило направление посольства на западные морские державы. 11 сентября при Центе австрийская армия под начальством Евгения Савойского разбила наголову турок.

На следующий год принц Евгений предполагал приступить к осаде Белграда и Темешвара, но император вынужден был из-за отсутствия денежных средств и ввиду надвигавшегося нового конфликта с Францией по вопросу о разделе Испанского наследства временно прекратить военные действия и принять посредничество морских держав — Голландии и Англии — для мирных переговоров с Турцией.

Между тем Петр, успокоенный заключением нового оборонительно-наступательного союза с Австрией и Венецией, при чем было принято обязательство не начинать мирных переговоров ни одному из союзников без согласия других, со всем пылом своей страсти и энергии принял сам за изучение морского дела, корабельного строения, артиллерии и всякого заводского и фабричного производства — всего, что может быть полезным и применимым в России.

В Голландии и Англии Петр находился до марта 1698 г. И все это время он зорко смотрел за положением на театре войны.

Известие о победе Шеина над крымцами, ногайцами и крымскими татарами 20 июля под Азовом сильно обрадовало Петра, но действия на другом театре вызывали у него недовольство. Долгоруков допустил турок до нападения на Таванск; хотя осада и была снята энергичным гарнизоном и подоспевшей армией Долгорукова, но это Петру показало опять нерешительность действий на этом театре.

Вскоре сообщение от цесаря о победе принца Евгения над турками при Центе снова подняло его дух и надежды на продолжение войны и успешное ее окончание в будущем, тем более что тогда же получено было известие, что и персы начали в глубине Азии военные действия против турок и отняли от них крепость Горно в Месопотамии, город Бассору и рассчитывали на успешное дальнейшее продол-

жение войны в союзе с христианскими государями.

Такой оборот дела подавал надежды Петру на совершенное уничтожение владычества магометан в Европе и изгнание их в Аравийские степи; однако такие планы продолжались недолго.

В начале того же года (в апреле месяце) Петр получил известие, что цесарь и Венецианская республика при посредничестве морских держав — Англии и Голландии, начинают сепаратные мирные переговоры с Турцией.

15 мая Петр выехал из Амстердама в Вену. При переговорах в Вене для нас особенно интересна точка зрения царя, выясняющая его взгляд на восточный (или, вернее, для России — южный) вопрос. Петр утверждал, что время для заключения мира выгодно только для императора.

В составленных Петром требованиях России к Турции значилось:

1) оставить за союзниками все завоеванные земли, а России, кроме того, добавить Керчь, так как только при этом условии татары перестанут делать набеги на Россию и турки не посмеют начать новую войну;

2) свобода плаванья по Черному морю на своих кораблях;

3) если же император не может обеспечить при заключении мира исполнения этого требования, то продолжать войну по исходе договоренного в трактате времени или, по крайней мере, до 1701 г., так как в это время союзным оружием, при Божьей помощи, удобно получить все желаемое.

Император ответил, что хотя он и приложит все старания, чтобы добиться от турок удовлетворения требований русского царя, однако так как турки не только никогда не отдают всего завоеванного, а обыкновенно требуют возвращения еще части занятых земель обратно, то он не надеется, чтобы можно было получить для русского царя Керчь мирным путем, по договору. А потому до заключения мира, до чего еще времени очень много, лучше, чтобы царь взял ее оружием; что же касается продолжения войны до 1701 г., то об этом еще успеется сговориться, так как и мирные переговоры еще не начаты.

Ян ван Хухтенбург.
 Битва при Центе в 1697 году.
 1729 г.

Битва при Центе (в современных источниках — Зенте) состоялась 11 сентября 1697 г. у реки Тисы, недалеко от города Цента (ныне на западе современной Сербии). В ней сошлись армия Священной Римской империи под командованием военачальника итальянско-французского происхождения принца Евгения Савойского и турецкая армия, возглавляемая султаном Османской империи Мустафой II.

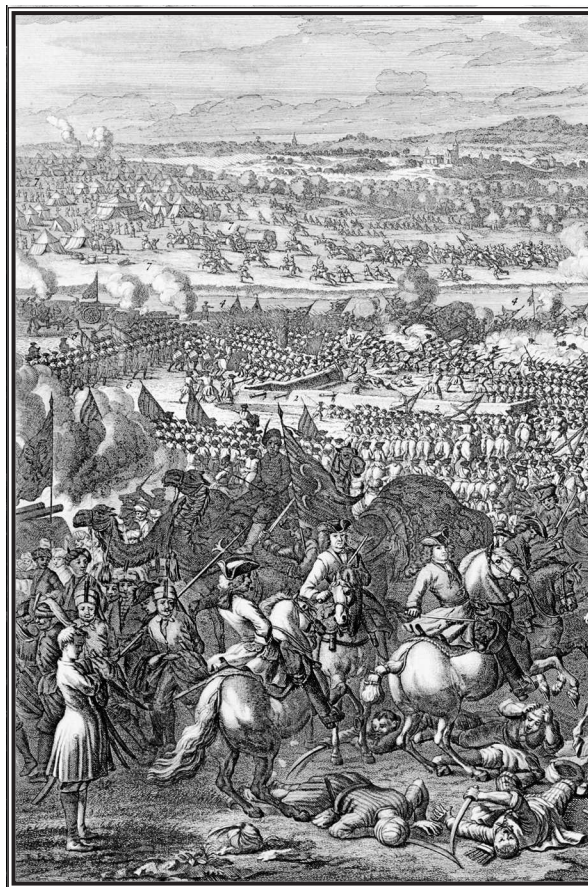
Несмотря на численное превосходство (80 тысяч к 50 тысячам) турки были не просто остановлены в своем продвижении на север, но потерпели тяжелейшее поражение: они потеряли до 25 тысяч человек только убитыми, тогда как потери австрийцев составили 429 человек убитыми и около 1600 ранеными. По мнению исследователей, битва при Центе изменила ход борьбы Священной Римской империи и Турции, а также повлияла в целом на ход европейской истории, поскольку в результате ее существенно изменился баланс сил в Юго-Восточной Европе. С другой стороны, эта победа не была использована в полной мере, поскольку, прежде всего из-за плохих погодных условий, армия принца Евгения не стала преследовать разбитого противника.

После этого Петр до своего отъезда из Вены имел еще два тайных свидания с императором, на которых вел продолжительные разговоры с цесарем о турецких делах.

Этими переговорами, содержание которых в точности неизвестно, Петр остался совершенно доволен.

19 июля, получив известие о бунте стрельцов, Петр выехал спешно в Россию с Лефортом и Головиным и самой малой свитой через Польшу, оставив в Вене третьего посла, Возницына, для продолжения переговоров о турецких делах и участия в предстоящем мирном конгрессе.

30 июля Возницын имел первую конференцию с австрийскими министрами, на которой, как и на всех последующих, выяснилось совершенно определенно, что императорское правительство совершенно не собирается добиваться от Турции удовлетворения русских требований, предоставляя все это усилиям русского посла.

К тому же Возницын узнал, что у них уже заключено отдельное перемирие с Турцией, что совершенно противоречило союзному договору.

20 сентября Возницын выехал по Дунаю в Карловиц, около Белграда, где должны были съехаться уполномоченные на конгресс. На этот конгресс Возницын получил от Петра инструкции стараться всеми силами разрушить по возможности мирный договор.

В этом отношении Возницын на конгрессе действовал крайне энергично и ловко, стараясь тайно, без ведома Петра, убедить турецких уполномоченных, что им невыгодно заключать теперь мир с императором, когда он все равно не может продолжать военных действий с Турцией, ожидая новую войну с Францией. Но предложения Возницына приняты не были.

В дальнейшем и цесарцы, и поляки, и венецианцы совершенно отстранились

от Возницына: они не только не оказывали ему никакой помощи в проведении его требований, но и заключили заранее отдельные договоры с турецкими уполномоченными.

Представители же посредствующих держав, конечно, держали сторону Турции. Вследствие этого Возницын, после нескольких конференций с турецкими уполномоченными, вынужден был не решая условий о мирном договоре предложить двухлетнее перемирие с обязательством в течение этого времени решить вопрос о Керчи и днепровских крепостях, которые турки требовали им вернуть.

Описывая Петру все вероломные поступки цесарцев и поляков, Возницын в одном из писем после конференции, когда дело, вследствие несогласия турок на его предложения, почти что дошло до полного разрыва, советовал Петру готовиться к военным действиям не только на южном театре с турками, но и на за-

падном — с Польшей, и на севере — со Швецией, всегда неприязненно настроенных против России, для чего заручиться союзными договорами с курфюрстом Бранденбургским и Данией.

Эти советы, однако, неожиданно попали на благодатную почву. Петр, выехав, как было указано, 19 июля из Вены, 31 июля достиг города Равы, около Варшавы, где его дождался Август, король Польский. Во время совместного трехдневного пребывания Август совершенно очаровал Петра.

Монархи расстались с уверениями в вечной дружбе. Между прочим Август затронул вопрос о союзе против Швеции, причем ловко указал на необходимость для России возвратить земли «отчичь и дедичь» — Ингрию и Карелию, отнятые от Руси при Михаиле Федоровиче, за которые безуспешно боролся его отец, царь Алексей.

Петр при этом вспомнил об оскорблении, нанесенном ему и посольству

губернатором Риги Дальбергом¹, вспомнил, что курфюрст Бранденбургский еще год тому назад предлагал вступить в союз против Швеции, а Август указал, что и Дания ищет союзников для борьбы со Швецией за господство на Балтийском море, так как Дании важно присоединить к себе Голштинию, а герцог Голштинский в родстве и под покровительством Швеции.

Эта новая комбинация, представившаяся взору Петра (добиться Балтийского моря в союзе с могущественными европейскими державами) в тот момент, когда начинало рушиться все дело на юге с Черным морем, не могла не быть заманчива Петру. Он остался, уехав из Польши, под сильным впечатлением новых планов, хотя союза и договора еще не было заключено. До окончания переговоров на юге Петр не мог брать на себя никаких новых обязательств.

Д) КАМПАНИИ 1697 И 1698 ГГ.

Ранней весной 1697 г. турки отправили на 34 галерах сильный отряд на помощь крымцам и кубанцам, обещавшим сделать нападение на Азов.

Но Петр, не имея флота, назначенного к готовности лишь к вешней воде 1698 г., должен был ограничиться только оборонительной задачей, для чего и были назначены соответствующие силы, вдвое меньшие, чем во вторую кампанию (1696 г.) — около 35 тыс. чел.

Действительно, по указу государя в 6-й день апреля 205 (1697) г. и наказу из Разряда «велено боярину и воеводе Алексею Семеновичу Шеину быть на его, великого государя, службе для промыслу и поиску над неприятельскими воинскими турецкими и крымскими людьми, и над кубанцы и ногайцы, и над иными их басурманскими народами, которые кочуют близ новозавоеванных под его высокодержавную великого государя руку городов Азова и Лютика». При этом в указе предписывалось относительно плана военных действий при встрече с неприятельскими воинскими людьми «где объявятся или придут к Азову,

прося у Господа Бога милости и у Пресвятой Богородицы и у всех святых помощи и заступления, полку своими ратными конными и пешими людьми, и пушечною и гранатною стрельбою, и иными всякими воинскими промыслами чинить сколько милосердный Господь Бог помощи подаст».

Из этой инструкции ясно, что никаких наступательных действий Шеину не предписывалось, так как всякие воинские промыслы ему надлежало чинить при встрече с неприятелем во время пути или если он «придет к Азову».

Так именно толковал эту инструкцию и Шеин, который, выйдя 6 апреля из Москвы с частью армии и закончив в Острогоске ее формирование, подошел 5 июня к Каланчинскому острову и 12 июня сосредоточился наконец на кубанской стороне у Азова, в прошлогодних траншеях, укрепившись «по воинской обыкности обозным крепким ополчением».

Сделав несколько глубоких разведок кустью реки Бейсуги (казаками — морем) и берегам Кубани (конными отрядами казаков и калмыков), Шеин выяснил наконец к середине июля обстановку и намерения неприятеля — двинуться к Азову. 20 июля в первом часу дня в степи, среди облаков пыли, появилась действительно первая партия татар в 2 тыс. чел.

Отразив их стремительное нападение, Шеин вывел свою армию из обозного укрепления и встретил главные силы татар в количестве до 17 тыс. чел. в степи сильным картечным огнем. Упорные атаки татар, несмотря на массу потерь от артиллерии, продолжались весь день до глубокой ночи; наконец они, видя дело проигранным, рассеялись за Кубань, оставив всю степь усеянной трупами. Потери татар превышали 2 тыс. чел. Поражение было настолько полное, хотя Шеин и не преследовал неприятеля, что татары не только в эту кампанию, но и на следующий год не отваживались более нападать на Азов.

Между тем азовские укрепления к весне этого года были настолько закончены, что

¹ Эрик Ёнссон Дальберг (1625—1703) — шведский военачальник и государственный деятель, инженер-фортификатор, генерал-губернатор Ливонии с 1696 по 1702 г. Оказал недружелюбный прием Великому посольству Петра I, что впоследствии было использовано русскими как один из поводов для начала Северной войны.

Шейн, усилив гарнизон Азова и новых укреплений около него частями армии, 8 августа двинулся в обратный путь к Москве и 24 августа в Валуйках распустил армию по домам, отправив лишь отряд генерала Гордона на Украину к Белгородской черте «для царской службы и содействия белгородскому воеводе князю Якову Федоровичу Долгорукову». Этим последним эпизодом закончились военные действия на Азовском театре.

Турки в этом году не воспользовались своим владением морем. Они не предприняли морем ни единой попытки против Азова и строившихся по северному побережью укреплений.

Причинами такого бездействия турок на Азовском театре было совершенно правильное опасение их за главный теперь, с падением Азова, Днепровский театр. Разгадав план Петра, они уже в кампанию 1696 г. значительно усилили Очаков как военными силами, так и снабжением; а с отъездом Петра за границу, турки решили даже перейти в наступление для возвращения отнятых по Днепру укреплений и откинуть слишком придвинувшуюся к Очакову русскую армию. Но эти же выводы были предусмотрены и Петром.

Назначив белгородским воеводой и командующим Днепровской армией князя Якова Федоровича Долгорукова, Петр довел эту армию до состава первой кампании 1695 г. и даже по окончании Азовского похода (1697) усилил ее отрядом Гордона. Все эти меры показывают серьезное значение, придававшееся Петром действиям на Днепре.

Однако и вновь назначенный воевода не оправдал надежд Петра. Князь Долгоруков, вместо энергичных действий в устьях Днепра «для береженья Таванска и других завоеванных городков», остался в Украине, донося в Москву Стрешневу об ужасе, царствующем по всей Белгородской черте, возбужденном нашествием турецких войск на днепровские низовья.

Между тем турки отделили против австрийцев 200-тысячную армию (разбитую Евгением Савойским при Центе), и такой разброс их сил на несколько театров военных действий был для нас выгоден.

Однако Долгоруков не воспользовался такой благоприятной обстановкой и вызвал справедливый гнев Петра. Сохранился очень интересный документ — письмо Стрешнева по окончании кампании (28 января 1698 г.) к государю, в коем он приводит оправдание бездеятельности белгородского воеводы и гетмана Мазепы:

«Письмо твое, декабря в 24-й день писанное из Амстердама, мне отдано января в 23-й день, в котором пишете ваша милость пространно о Таванске, каким злым порядком отступили от Таванска Белгородский воевода и гетман, оставя неприятеля близко, а я о том пишу до вас, что мог уведомить чрез письмо от Белгородского воеводы да от приезжих, которые от них приезжали, что будто отступили за скудностью запасов, а запасами оскудали, как переплавливались на Днепре пороги, и помешкали многое время, а пущая де доука была от Черкас о запасах, только я то пишу сколько мог ведать, а подлинно о том, Бог весть, а буде они делали то не хотя служить и трудности на себе той служивой понестъ для избавы христианской и общей пользы всех христианских народов, и твои трудные дела, о сем деле оставить невозможно, и им за то мстит Бог».

Из этого письма видно, что даже Стрешнев допускал возможность бездеятельности («не хотя служить») воеводы и гетмана. Картина полного развала в отсутствие Петра, в отсутствие твердой, властной направляющей руки царя бросается в глаза.

1 декабря 1697 г. белгородскому воеводе Долгорукову был послан наказ для военных действий в следующую кампанию. Сравнивая его с данным Шейну в прошлую кампанию, видим, что целью похода в указе совершенно определенно ставятся широко развитые активные действия:

«Пойти на нашу великого государя службу для воинского промыслу и для береженья завоеванных на Днепре Таванска и Казыкерменя и иных городов и мест, которые места к тем городам принадлежат, нынешним вешним ранним временем плавным путем под Очаков и под иные турецкие города и под крымские юрты, в которые места пристойно, с общего о том с ним, гетманом, совету и согласию и над неприятелем и над городами их и над

юрты промысл и поиск чинить, сколько милосердный Господь Бог помощи подаст».

Для выполнения этой задачи на Днепр были отправлены почти все действовавшие на обоих театрах в предыдущие походы силы (кроме гвардии).

Из этого указа, писанного, по-видимому, самим Петром, и из сохранившейся переписки гетмана Мазепы с государем видно, что Петр хотя и пребывал за границей, но неослабно следил за ходом подготовки к военным операциям и за развитием их с началом действий.

Подчеркивая несколько раз и напоминая о необходимости двинуться в поход «ранним вешним временем», Петр показывает глубокое понимание элемента времени в военном деле как развитие принципа внезапности и в данном случае, кроме того, понимание обстановки.

Днепр уже тогда и в особенности в порогах был удобопроходим для мало-мальски крупных и более глубоко сидящих судов лишь в половодье. Уже два года операции на Днепре были безрезультатны из-за позднего их развития. Строящиеся суда «в плавном ходу» поздно летом гибнут на порогах со всем обозом, вооружением и снабжением, а войска, из-за «скудности запасов», не двигаются на решительные активные действия.

Настойчивость Петра, судя по ответам гетмана Мазепы, перед этой кампанией была, по-видимому, особенно решительна и энергична. Но однако его подготовка военных действий шла так же вяло и бестолково, как и все работы и дела на Руси в это его отсутствие.

Но все-таки 26 мая, из числа назначенных к строению 380 стругов, из которых 200 мореходных, а 180 — под хлебные запасы, и 60 лодок сделаны «в Брянске на пристани Десны-реки заоцких и Севского полку городов работными, сошными и ратными людьми и подрядом 179 судов мореходных, 166 стругов запасных да бот и 52 лодки и сданы в плавный ход стольнику Александру Колтовскому». Относительно типа этих мореходных судов можно составить себе приблизительное представление из тех требований, которые к ним предъявлял Мазепа, и обрывочных

сведений об их вооружении. В одном из писем к государю он пишет:

«И разве б по указу великого государя из Брянска большие и к морскому ходу способнейшие судна в полки городовые вновь в прибавку к прежним старым были промышленны и даны, если не такие совершенно, как турецкие, тогда хотя б подобием таким сделаны, чтоб и на лимане великом и на самой Черного моря пучине могли пригодиться».

Сохранилась также роспись на 20 мореходных судов, оставленных Колтовским в Брянске затем, что «некем гнать их из Брянска до Таванска, работных людей на те суды поставить некого». В ней перечислено снабжение их: «20 мореходных судов оснащены по 2 мачты и с раины и с блоки и с подъемными канаты, а на тех судах припасов: 21 канат большой якорный, 10 канатов больших парусных, 584 весла гребных, 20 весел правильных, окованных, навешенных, да в запас неокованных то ж число, 439 шестов, 461 ключина железная».

Пока шла постройка судов в Брянске, белгородский воевода съехался 29 марта в Путивле с гетманом Мазепой для совета, согласно указу государя о походе, и выработки плана операции.

Трехдневные совещания вылились в статьи в шести пунктах «О походе к Таванску и Казыкерменю», которые и были ими обоими сообщены государю. К сожалению, неизвестен ответ и отзыв на них Петра, но возможно, что статьи и не дошли до него своевременно при тогдашних почтах, так как в мае Петр уже спешил в Вену, а затем внезапно прервал путешествие и, как мы видим, в августе вернулся в Москву для суда и расправы над стрельцами. Но эти статьи интересны потому, что они дают нам понятие, как преломились планы Петра через первые же грани — главнокомандующих.

Уже самое название статей, показывающее цель похода, вместо петровского «плавным путем под Очаков и под иные турецкие города и под Крымские юрты», обратилось в «поход к Таванску и Казыкерменю», занятых еще в первую кампанию 1695 г. нами укреплений.

В первых трех статьях разбирается случай: «Как удержать до прихода их боярина и воеводы князя Якова Федоровича и гетмана Ивана Степановича с ратными людьми Тавань и Казыкермень от неприятеля в целости?»

В них постановлено: немедленно отправить в Тавань на подкрепление 10 тыс. чел.; если турки упредят и обложат те города, то боярину и гетману с полками идти белгородской стороной под Казыкермень (правый берег), «понеже их басурманского прихода скорого прежде прихода чаять под Казыкермень, нежели под Таванск: за приятием полой воды, а буде не упредят турки, то идти плавною». Если же басурманы, хотя и не возьмут Казыкерменя, но займут Казыкерменские горы, с которых «могут докучать не только Тавани, но и их боярина и гетмана с полками, как сухим, так и водяным путем в пришествии их на оборону оных городов, без сомнения, препятие учинить может», то решили идти тою же белгородской стороной «со всеми обозами прямо к Казыкерменю и при Божьей помощи ту гору очищать».

В 4-м пункте, относительно возможности одновременного нападения турок на днепровские укрепления и крымских татар на великороссийские и малороссийские города до переправы их боярина и гетмана на другую сторону Днепра, главнокомандующие не вынесли собственного решения и постановили: «О том писать к великому государю в Москве, требуя его, великого государя, указу».

В 5-м пункте время похода назначено: «Идти нынешним вешним временем, когда бы хотя с нуждою нацвел конский корм, не отлагая того времени ни для чего, только бы прежде времени не изнудить, за оскудением конских кормов, лошадей». И последним, 6-м, пунктом положено: «Если к приходу их к Кодаку строящиеся в Брянске суда не поспеют, то дожидаться их лишь в том случае, если басурмане их не упредят».

Припиской на этом документе, по-видимому в Разряде Стрешневым, статьи эти были утверждены, и боярину и гетману был послан указ: «Великороссийские и малороссийские города беречь, также Таванска и Казыкерменя от неприятельского насту-

пления уберечь, а о наступлении на неприятельское жилище чинись по своему рассмотрению, смотря по тамошнему делу». Этот результат совещания главнокомандующих настолько ярок и характерен, что его нельзя обойти молчанием, не сравнив с первоначальным исходным указом Петра о походе.

Во-первых, во всех шести статьях, кроме «береженья Таванска, Казыкерменя и великороссийских и малороссийских городов», ничего не говорится о цели похода — «наступление на Очаков и на иные турецкие города и Крымские юрты». Активные задачи совершенно выкинуты и статьи устанавливают лишь пассивно-оборонительный план войны, отдавая инициативу в руки врага.

Во-вторых, указ Петра совершенно определенно повелевает, предвидя возможность набегов крымцев на малороссийские и великороссийские города, организовать особый оборонительный отряд под начальством стольника князя Луки Долгорукова, а главнокомандующие и этого не могли решить и потребовали нового указа государя.

В-третьих, вместо выступления «ранним вешним временем плавным ходом» (о чем Мазепа еще 18 марта писал государю, что «приемля в нескольких его, великого государя, грамотах указы о плавном раннем вешнем воинском походе, он всеусердно о том радеет, что мог учинить тому надлежащее довольство»), они определяют в конце марта (29—31) время исхода поспеванием конских кормов, откладывают его на середину мая, пропуская половодье и забывая даже о бывших по зимнему пути (в конце февраля) выступлениях Голицына в 1689 г., о выступлениях Шереметева в поход 1695 г.

Только приписка Стрешнева, но и то без определения цели похода, напоминает об активности, о наступлении, «смотря по тамошнему делу», т. е. опять в зависимости от воли противника, а не от заданной цели.

Это понимание главнокомандующими своих задач сказалось всецело на результатах похода и выразилось в послушном за турками движении вместо Очакова на Перекоп.

Двинувшиеся 15 мая из Украины к Тавани Долгоруков и гетман, 26 июня наконец соединились на реке Орел и, дойдя до Кодака, учинили новый совет, какой стороной Днепра идти, хотя согласно статьям этот вопрос был решенный, потому что «неприятельского прихода под Тавань и под Казыкермень еще не было».

На этом втором совете прежнее решение было изменено, и вместо того чтобы переправляться на другой (казыкерменский) берег постановлено идти крымской стороной — «тем путем, которым прежде сего его, великого государя, ратные люди на Крым ходили» (повторение крымского похода Голицына), мотивируя это решение тем, что неприятели принуждены будут дожидаться в Крыму и думать об обороне, отвлекутся силы турецкие от цесарских войск «и тем способом учиненному с цесарским величеством союзу явственнее будет довольство» и будут защищены малороссийские и великороссийские города.

Решение это было принято несмотря на признание маловодия, бездровия, редкости трав, следовательно, отсутствия конского корма, о котором заботились на первом совещании, возможности пожаров, признание дальности пути в обхождении гор и «удобства неприятелям из Крыма против обозов их выходить», рассчитывая, однако, отложив все те трудности, на Божью помощь.

Вместе с этим, узнав, что басурманы, «переправясь вершины самарские в немалом собрании пошли под украинские города», главнокомандующие отделили от армии князя Луку Долгорукова «с выборным товариством в немалом числе» для воинского над ними промысла. Отряд этот прошел до верховьев Миуса и Кальмиуса, но нигде не встретив неприятеля вернулся 6 июля к главной армии. Но в тот же день совещания, 26 июня, воеводой и гетманом было получено и другое известие, от взятых языков, о движении Белгородской татарской орды с частью турецкого войска к Перекопу через лиман. Эти два известия о движении неприятеля нельзя не поставить в связь с новым совещанием. В них надо видеть причины изменения прежнего решения.

Послав Запорожскому низовому войску указ двинуться в лиман из Сечи «и чинить воинский промысел и поиск, чтобы их, басурман, чрез лиман, конечно, не перепустить», воеводы двинулись далее к югу.

12 июля в стане на реке Конской они получили известие из Таванска, что «многие силы бусурманские идут на больших судах под Таванск и под Казыкермень водяным путем», которое заставило их спешить движением со всей армией к Таванску. 21 июля армия «хотя за оскудением трав в конских кормах, также за недовольством вод с тяжкою трудностью, однако ж, за помощью всемогущего Бога, пришла к Аслан-Керменю и к Таванску в целости и стали обозом на крымской стороне у Аслан-Керменя».

Таким образом, все движение к театру военных действий армия Долгорукова и гетмана Мазепы опять совершила по старому пути, по степи, с большой трудностью — «тем путем, которым прежде сего его, великого государя, ратные люди на Крым ходили», т. е. по верховьям левых притоков Днепра, нарушив этим все планы и расчеты Петра. Следует отметить также, что движение это с 15 мая по 21 июля заняло два с лишним месяца.

Характерно также объяснение Мазепы, отчего армия не пошла плавным ходом, как о том предписывал Петр: «А плавную (как о том в Путивле постановили) не пошли для того, что водяные судна, которые присланы из Брянска в первом караване, на переправе чрез Днепровские пороги многие разбило, а в другом караване суда ж, из Брянска ж отпущенные, опоздали, и через пороги за малою водою переправить было их трудно, и те другого каравана суда оставлены на Самаре при Новобогородицком городе».

Из этого письма и из отписки Сильверста Огибалова в Разряд о сдаче построенных судов мы узнаем, что в армию было принято в первый караван, отправившийся со стольником Александром Колтовским 4 мая из Брянска, 70 мореходных судов, 97 стругов запасных (на хлебные запасы) и 35 лодок; и во второй — с начальным человеком Денисом Норовым 26 мая — 89 мореходных судов и 69 стругов запасных со всеми припасами.

Таким образом, в армию попала только часть судов первого каравана — меньше 70 мореходных судов, а не 200, как было решено строить, а остальные все остались непродуманно неиспользованными из-за потери времени и изменения петровского плана войны.

Кроме этих судов, судя по письму гетмана Мазепы, при армии было еще судов в его етманском полку «400 с лишком, меж которыми есть и большие байдаки». Часть этих судов при переправе через пороги тоже была утоплена, «иные вовсе разбились, а из них запасы опрокинуты и потопли, только без людей». Это были специальные казацкие малороссийские суда, или челны, при всех гетманских полках, которые все-таки считались годными «на поход к лиману и к берегам морским». В них вмещалось до 20 человек с запасами.

При приходе армии к Аслан-Керменю от взятых запорожцами языков и из известий из Таванска выяснились следующая обстановка и силы неприятеля на театре военных действий: под Очаковом в поле стоит отправленная сухим путем из Константинополя армия Сераскира-паши в 12 тыс. чел. для наступательных действий против Казыкермена и Таванска.

Для той же цели подошла морем эскадра из 12 каторг, 17 фурактов, 10 галиотов¹, 24 скампавей² с иными мелкими судами. «А на всякой каторге по 300, галиоте — по 250, на фуракте по 70 чел.; а пушек на каторге и на галиоте по 12, на фуракте по 6, а всего войска турецкого на тех судах будет с 10 тыс. с двумя пашами».

Эскадра эта со всем войском была двинута уже из лимана в днепровские гирла для нападения на Таванск и ожидала только движения и переправы Сераскира-паши через Буг и подхода из Крыма с Калги-султаном в помощь 20-тысячной орды и в несколько тысяч пехоты и 6 тыс. работников для копания шанцев и подкопов.

Поход армии князя Долгорукова и гетмана Мазепы к Аслан-Керменю совершенно изменил соотношение сил. К находившимся в Таванске 7,5 тысячам, гарнизонам других укреплений и низовому Запорожскому

войску присоединилась, как мы видели, огромной силы армия (точное число ее неизвестно, но, согласно указу, состав ее не мог быть меньше 50–70 тыс., если не больше еще).

Это обстоятельство заставило турецких пашей изменить план военных действий и по просьбе крымского Калги-султана «для обороны Перекопа и всего Крыма» перейти на крымскую сторону. Это движение было совершено турками беспрепятственно за одну неделю на глазах русской армии, которая не воспользовалась даже разделением сил противника для нанесения ему частичных поражений.

Единственно объясняется это характером театра военных действий (предусмотренным Петром), так как благодаря рутине командующих армия пошла по проторенной дороге — по безводной степи, где татары пожарами уничтожили конский корм (полное повторение голицыньских походов). 29 июля закончив сосредоточение сил турки совместно с татарами напали на русский лагерь, но после упорного сражения «от самого утра даже до полудня» отступили с уроном.

Русские главнокомандующие — «хотя они и имели неперемное намерение, перебрав ратных людей, идти на Перекоп» (подмена петровской идеи Очакова — на голицыньский Перекоп), но так как Сераскир-Юсуп-паша со всем войском, пушками и припасами переехал от Очакова через лиман на крымскую сторону и пришел под Перекоп рассудили, «что добывать ныне Перекоп трудно и без продолжения времени во исполнение того привести не можно, понеже там вод сладких и конских кормов зело скудно, наипаче для того, что сами басурмане ныне великим своим собранием кормы конские от Перекопи до Каланчака и до Черной долины выпасли и вытолочили, а поля, ближние к обозу, выжгли, и посему они принуждены тот поход оставить». Т. е. отступление, и причины те же, что и у Голицына.

Однако до своего отступления им пришлось выдержать еще один бой 9 августа, и при этом с несколько ослабленными

¹ *Галиот* (*галлиот*, *гальот*) — парусное двухмачтовое судно с косым парусом на кормовой мачте.

² *Скампавей* — малая галера с 1–2 мачтами и косыми парусами и 12–18 парами весел.

силами, так как 3 августа из армии был выделен — «на лиман плавною для воинского промысла над неприятели-бусурмане, которые в судах под Очаковом, или над их поганскими жилища» — отряд в 10 тыс. чел. под командой братьев князя Якова Федоровича Долгорукова, стольников и воевод князей Луки и Бориса, и всего низового войска с кошевым атаманом.

Не будет большой ошибкой предположить, что мысль эта явилась не у главнокомандующих, предполагавших начать отступление, а у запорожцев или их атаманов. Скорее, правильнее даже думать, что безрезультатность этого поиска была причиной нерешительности начальников отряда и благодаря этому связанности Войска Запорожского.

Выступив 3 августа «плавною на низ Днепра», воеводы с киевским полковником (Константин Мокеевский, уже не раз делавший эти набег) и иными наказными полковниками и кошевым атаманом, «выйдя в Днепров лиман, решили напасть на турецкое войско, которое стояло у днепровского гирла на судах (блокада), но турки, слыша тех ратных людей приближение и наступление, устрашились и, не дав бою с лимана, уступили прежде приходу ратных людей и стали меж Очаковом и Кильбурумом».

Это обстоятельство совершенно смутило воевод и они, «ожидая их неприятельского к себе приходу судами от Очакова, стояли на лимане двое суток, но они, басурмане, против тех ратных людей идти не смели и бою не дали».

После этого отряд вернулся к 10 августа в целости к обозу. Так и эта единственная попытка в духе Петра, исходившая, по-видимому, от войска, вследствие нерешительности поставленных по родству во главе воевод закончилась ничем.

Между тем 9 августа турки с татарами возобновили нападение на русскую армию. Этот бой, благодаря упорству русских войск в обороне, опять-таки был неудачным для неприятеля и обратился в их поражение, так как «они, басурмане, видя в людях

своих знатный урон, и не получа успехи, и не учиня в ратных людях никакого убытку, того же дня тотчас сломя голову пошли восвосяси».

Из описания боя в донесении опять-таки не видно, чтобы было преследование бежавшего неприятеля. Напротив, они, боярин и воевода, и гетман, «переправясь на казыкерменскую сторону», пошли обоими к Переволочне.

Так окончилась и эта последняя широко задуманная Петром военная операция для выхода в Черное море, благодаря бездарности военачальников уже в самом плане операции подменная и искаженная, а в медленности марш-маневра, в нерешительности действий принеся только совершенно неоправданные результатом расходы по подготовке ее, потери в людях и непосильное бремя стране содержанием армии.

Эти результаты, по-видимому, нашли достойную оценку Петра по его возвращении в Россию, так как в документах сохранилось еще одно, от 10 сентября, письмо Мазепы к государю с перечислением подвигов и дел похода, явно носящее оправдательный перед царем характер.

Е) РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСТРОЙКИ
ФЛОТА КУМПАНСТВАМИ.
КЕРЧЕНСКИЙ ПОХОД 1699 Г.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА С ТУРЦИЕЙ.
ПЕРЕНОС ПЕТРОМ
ОПЕРАЦИОННОЙ ЛИНИИ
С ЮЖНОГО МОРЯ НА СЕВЕРНОЕ

Вернувшись из-за границы в Москву совершенно неожиданно, «как того не чаяли», и окончив розыск над стрельцами, Петр, представлявший в воображении своем грозный флот, созданный в его отсутствие, в полной готовности для движения дальше на юг (Керчь — переговоры с Леопольдом), уже в октябре 1698 г. появился в Воронеже в сопровождении Крюйса¹.

Первое впечатление при виде обширного Адмиралтейства — мастерских, складов, строившихся и готовых судов — не могло не быть благоприятным, в особенности

¹ *Корнелий Иванович Крюйс* (Крейс; 1657—1727) — военачальник норвежского происхождения (на русской службе с 1698 г.), адмирал, президент Адмиралтейств-коллегии; внес большой вклад в создание Российского флота.

после контраста с расследованием бунта, пытками, казнями стрельцов, стремившихся уничтожить все начинания и усилия Петра.

Бывшая ключом жизнь радостно отозвалась в сердце царственного моряка, не знавшего усталости в работе. Но ближайшее знакомство с состоянием судов, ведением дела принесло затем разочарование. Суда кумпанств первого наряда были готовы, а часть их была даже спущена на воду, но построенные наспех, на открытых стапелях, из сырого леса суда были плохи, гнили, портились до спуска; железные укрепления из-за недобросовестности строителей, враждебности к новому налогу кумпанщиков заменялись деревянными.

Наконец, сама постройка судов, благодаря часто невежеству строителей, из которых, кроме трех человек венецианцев, большая часть были голландцы и шведы, наспех набранные, «далеко не мастера, не строители», велась рутинным способом, без правильно составленных чертежей, с большими переделками во время постройки просто практической сметливостью, на глазок, почему суда одного типа выходили по окончании постройки совершенно различных размеров, имея самое отдаленное сходство со своими прототипами в иностранных флотах. Разочарование Петра тем более было сильно, что он возлагал очень большие надежды на создаваемую им морскую силу.

Выше мы видели, что кроме учебной цели посольство в Западную Европу преследовало и важную для Петра политическую цель: «ослабление врагов Креста Господня, султана Туркского, хана Крымского и всех орд басурманских», приглашение в Священный союз против Турции морских держав, главным образом Голландии.

Насколько мысль эта не переставала его волновать и преследовать, видно из сохранившейся в Голландии гравюры, выгравированной самим Петром; «она представляет торжество христианской религии над мусульманской в виде ангела, который с крестом и пальмой в руках попирает полулуние и турецкие бунчуки».

Адмирал Корнелий Иванович Крюйс
(1657—1727)

Предмет гравюры объясняется и письмом Петра к патриарху Адриану в Москву: «Мы в Нидерландах, в городе Амстердаме, благодатию Божиею и вашими молитвами, при добром состоянии живы, и, последя Божие Слово, бывшему к праотцу Адаму, трудимся, что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, против врагов имени Иисуса Христа победителями, а христиан, тамо будущих освободителями, благодатно Его, быть. Чего до последнего издыхания желать не перестану».

Окончательный отказ штатов¹ в помощи заставил Петра рассчитывать только на свои морские силы и немедленно дать новый наряд кумпанствам и Адмиралтейству на добавочную постройку судов.

Этот исход переговоров был предусмотрен Петром заблаговременно, еще до отъезда из Москвы, когда он указал о вторичной складке кумпанств (с 16 тыс. и 20 тыс. дворов — корабль, указ от 4 ноября 1696 г.) и приказал отвести леса кумпанствам в расчете на добавочную постройку.

Указом от 30 декабря 1697 г. Петр назначил духовным и светским кумпанствам выстроить еще 19 судов (6 галер, 1 бом-

¹ Имеются в виду *Генеральные штаты* — высший орган сословного представительства Республики соединенных нидерландских провинций, существовавший в 1579—1795 гг.

бардирское¹ и 12 кораблей) и адмиралтейцу на полтинные деньги к прежним 6 кораблям и 20 бригантирам² добавил к постройке 10 кораблей и 40 бригантиров. 25 мая 1698 г., когда слухи о мирных переговорах между Австрией и Турцией при посредничестве Англии и Голландии заставили Петра бросить все свои дела и 15 мая помчаться в Вену для предотвращения возможного мира, когда было уже столько потрачено усилий и средств на подготовку дальнейшей борьбы с Турцией, Петр новым указом назначил добавочную постройку и гостинным кумпанствам — 6 кораблей.

Таким образом, к этому времени строилось и было назначено к постройке, кроме 52 судов первого наряда кумпанствам и 6 судов и 20 бригантиров первого наряда адмиралтейцу, еще 35 кораблей и галер и 40 бригантиров, т. е. готовился флот в 93 судна и 60 бригантиров.

Только из Вены, когда все дипломатические усилия Петра разбились о настойчивость австрийского правительства заключить мир с Турцией, когда Петру пришлось подчиниться необходимости послать и своего посла (Возницына) на Карловицкий мирный конгресс, он отправил указ (1 июля) адмиралтейцу остановить постройку добавочных судов — как адмиралтейских, так и кумпанских.

Распоряжение об этой отсрочке получено было, однако, в Воронеже перед самым возвращением государя в Москву, когда из добавочных судов 12 кумпанейских и 7 казенных кораблей были заложены и начаты.

Вследствие этого к приезду Петра в Воронеж в октябре 1698 г. всего готовых и в постройке первого наряда кумпанейских, казенных и добавочных судов был

71 корабль, не считая бригантиров (60), постройка которых, назначенная к весне 1699 г., не прекращалась.

И вот теперь оказывалось, что созданный с такими огромными усилиями флот представляет из себя силу очень сомнительного достоинства.

Это состояние флота, стоившего громадных усилий и средств народа, убедило Петра в необходимости перехода от натуральной корабельной повинности к денежной. Еще в сентябре, будучи в Москве, он разрешил гостинным кумпанствам внести вместо 6 добавочных кораблей деньгами по 12 тыс. за корабль, а указом 14 февраля 1699 г. он разрешил эту замену и для остальных 6 кумпанств, не приступивших к постройке добавочных судов, сбавив лишь по 2 тыс. рублей с корабля за заготовку леса.

Решение это, явившееся плодом двухлетнего пребывания Петра за границей, было, однако, еще частичным, так как постройка начатых кумпанствами судов продолжалась ими же, а также на них же лежала обязанность исправления и снабжения судов. Окончательный расчет с кумпанствами был произведен лишь почти через 2 года — в 1700 г.

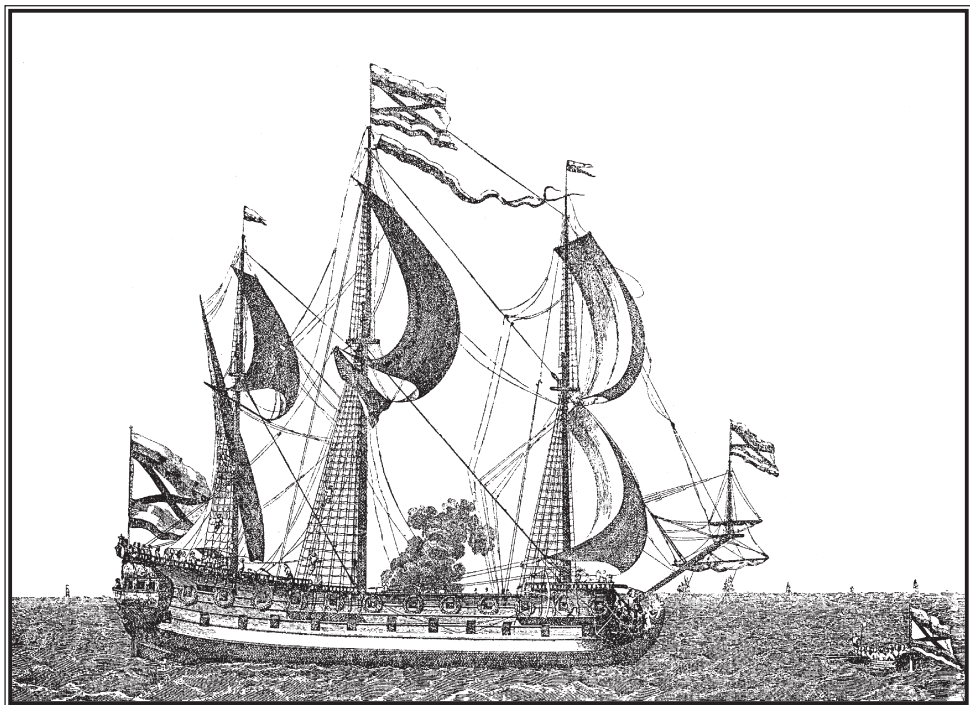
За свое двухмесячное пребывание в Воронеже Петр заложил 2 новых корабля, из которых один («Гото Предестинация» — «Божие Провидение», 58-пушечный) строил сам³, только русскими мастерами, передав постройку его в свое отсутствие русским же, изучившим с Петром судостроение за границей, — мастерам Федосею Скияеву и Лукьяну Верецагину.

Но все-таки мысль о выходе с флотом, какой бы он ни был, в море неотступно преследовала Петра во все время почти

¹ *Бомбардирский корабль* — парусный 2–3-мачтовый корабль, вооруженный пушками крупного калибра и предназначенный для обстрела береговых укреплений и приморских крепостей. Обладал повышенной устойчивостью, прочностью корпуса и имел небольшую осадку.

² Т. е. *бригантина* — парусный двухмачтовый корабль с дополнительным косым парусом на кормовой мачте. Предназначался для разведывательной, дозорной, посыльной служб, крейсерства и конвоирования торговых судов.

³ Корабль этот, помимо превосходных обводов, был снабжен килем особого устройства изобретения самого государя, благодаря которому, в случае потери или повреждения киля, кораблю не могла угрожать течь. В этом отношении гений Петра опередил технику кораблестроения на полтора столетия, так как впоследствии впервые это приспособление было сделано в 1840 г. на английском пароходе *Black Eagle* (Елагин С. И. История русского флота. Азовский период). (Примеч. автора.)

Корабль «Гото Предестинация», построенный Петром в Воронеже в 1698–1700 годах.
С гравюры Адриана Шхонебека. 1701 г.

двухмесячного пребывания его в Воронеже. Мы видели, что из Вены Петр выехал полный сомнений за будущее: австрийское правительство, предвидя войну за Испанское наследство, спешило всеми силами закончить Турецкую войну; для других союзников (Польши и Венеции) было тоже страшно затруднительно продолжать эту тянувшуюся 15 лет войну (с 1683 г.); для Петра же, только что затратившего громадные усилия на подготовку решительного удара по Турции, было необходимо продолжить войну и снова вовлечь в нее союзников; указанием, что Петр успеет еще вооруженной силой захватить Керчь до заключения мира, австрийский император усилил надежды Петра на продолжение войны.

Свидание Петра с Августом у Равы (обсуждение шведских дел) внесло новый элемент для решения вопроса о продолжении войны с Турцией. Посланный Августом состоять при Петре генерал-майор Карлович находился с ним в Воронеже и деятельно трудился над развитием взглядов Августа

о необходимости немедленного решения Балтийского вопроса.

Между тем сведения, полученные Петром от Виниуса¹ об испанских делах, о попытках Франции помешать австрийскому императору заключить мир с Турцией, от Возницына — о ходе переговоров с турецкими уполномоченными, и обнадеживали Петра в возможности продолжения войны с Турцией в союзе с Австрией, и заставляли энергично готовиться к новой весенней кампании.

Поручив подготовку снабжения и вооружения флота на месте вице-адмиралу Крюйсу, распределив командиров-иностранцев по судам, Петр выехал в декабре в Москву на совещание с генералами и адмиралом Лефортом.

Однако болезненное состояние Лефорта, не оправившегося даже после полугодового путешествия за границей, заставило Петра, еще до смерти адмирала, последовавшей в марте 1699 г., вручить

¹ Андрей Андреевич (Андреас) Виниус (1641–1717) — государственный деятель и дипломат, организатор Школы математических и навигацких наук — первого в России артиллерийского, инженерного и морского училища.

фактическое командование флотом генералу и воинскому комиссару боярину Федору Алексеевичу Головину¹.

Сотрудник Петра по организации первого морского похода года, второй посол Великого посольства, ведавший во время пребывания за границей переговорами и наймом иностранцев для флота, всеми покупками и заказами орудий, оружий, инструментов, человек широкого ума и громадной энергии, превосходно образованный, Головин был не только близким другом царя и точным исполнителем его указаний, но скорее, благодаря своему дипломатическому и административному опыту, руководителем и наставником горячего и страстного Петра.

Указом 11 декабря 1698 г. Петр учредил приказ Воинского морского флота для заведования всеми военными чинами флота, за исключением русских матросов, т. е. командным составом флота, а также «всем касавшимся собственно флота», т. е. боевой готовностью флота, и поручил его в заведование Головину.

Таким образом, Приказ воинского морского флота есть канцелярия или штаб главнокомандующего флотом. В том же 1699 г. Головин был назначен начальником Посольского приказа.

По прибытии в Москву Петр энергично принялся за подготовку кампании по заданию — Керчь. В гордом ответе: «Флот сам себе отыщет гавань», на возражение Гордона о необходимости иметь порт «на случай бури или нападения», Петр показал глубокое понимание природы морской силы.

Для готовности флота к назначенному сроку Петр принял ряд крайних мер: вновь оцепил заставами Воронеж для прекращения побегов мастеров и рабочих, назначил караулы к новопостроенным судам, запретил продажу лошадей и пригрозил кумпанствам, кто не доставит к шестой неделе Великого поста вещей и корабель-

ных припасов, по добавочным росписям вице-адмирала Крюйса, отпиской имений.

В самый разгар приготовлений к походу Петр получил наконец извещение от Возницына об окончании Карловицкого конгресса и заключении двухлетнего перемирия с Турцией.

Известие это хотя и лишало Петра возможности теперь же захватить Керчь — выход в Черное море, однако решения его о выходе с флотом в море не изменило. Только теперь он мог вместо преследовавшихся ранее военных задач, поставить целью похода политическую демонстрацию, показав Турции и всему миру, что флот, выстроенный на Дону, готов и годен для плавания в Черном море.

По условиям Карловицкого договора, Петр должен был в двухлетний срок закончить мирные переговоры «вечным миром» или «перемирием на довольные лета». Сообщая об этом и о ходе переговоров, Возницын советовал Петру послать для ведения переговоров в Константинополь «хотя не гораздо знатную особу, только умную», так как «с ними (турками) надобно поступать смело и дельно и себя смиренно знать не надобно давать».

Выбор Петра как нельзя более удачно остановился на думном дьяке Емельяне Игнатьевиче Украинцеве².

Отправляясь 19 февраля 1699 г. в Воронеж для личного участия в подготовке флота, Петр в тот же день послал с состоявшим при нем генералом Карловичем к королю Польскому Августу II письмо, в котором в особо дружеских выражениях извещал, что «генерал Карлович, по бытии здешнем, к вам отпущен, с которым нечто словесно наказали к вам, и чаем, что вы изволите сие за благо принять, понеже не без пользы и истинна суть».

Из этого письма видно, что посылка генерала Карловича в Москву с Петром не была безрезультатна для Августа.

¹ Федор Алексеевич Головин (1650—1706) — государственный и военный деятель, дипломат; сподвижник Петра I, адмирал и генерал-фельдмаршал; возглавлял Посольский приказ, создал систему постоянных российских представительств за границей.

² Емельян Игнатьевич Украинцев (1641—1708) — государственный деятель и дипломат, глава Посольского приказа в 1689—1697 гг., посланник Московского государства в Швеции, Дании, Голландии, посол в Турции и Польше.

И действительно, после свидания в Раве, а в особенности после получения известия от Возницына о заключении Карловицкого перемирия Петр начал энергично готовиться к Северной войне.

После подавления стрелецкого бунта и упразднения всего стрелецкого войска Петр организовал новую армию, вступил в переговоры о союзе с курфюрстом Бранденбургским Фридрихом III (посольство Пренса в марте 1699 г.), заключил оборонительно-наступательный союз с Данией (24 августа 1699 г.) и через посредство все того же вернувшегося Карловича и Паткуля — союз с Польшей (сентябрь — ноябрь 1699 г.); он постепенно сосредоточивал войска к северному театру и собирал сведения о состоянии крепостей Ревель и Орешек.

Только этими новыми планами Петра, решением пробиться к Балтийскому морю при благоприятной обстановке борьбы с могущественной Швецией в союзе с тремя державами, объясняется настойчивая торопливость и уступчивость Петра при ведении мирных переговоров с Турцией, тогда как еще меньше года назад в Вене одна мысль о заключении мира, не добившись реальных результатов — выхода в Черное море, приводила его в негодование и заставила дать Возницыну инструкцию на конгресс — стремиться к расторжению переговоров и не допустить заключения мира.

Теперь, наоборот, задержки в ведении переговоров, неуступчивость турок доставили Петру много тяжелых минут и заставили его отказаться от главных требований, цели многолетней войны и невероятных усилий народа по созданию неиспользованной морской силы.

Энергично готовившийся к внешнему походу на случай военных действий флот был готов; его надо было использовать и можно было, пользуясь им, показать Турции и Крыму, что флот не заперт¹, свободно плавает по Азовскому морю и не боится Черного, что Петру не страшно продолжать войну даже один на один. Попутно выходом в море можно было воспользо-

Адмирал и генерал-фельдмаршал
Федор Алексеевич Головин
(1650—1706)

ваться для обучения и практики команд, маневров — примерного сражения, для окончательного испытания мореходных качеств и крепости судов и исследования пути к заветной и снова далекой Керчи.

В мае почти все суда флота, не только первого наряда, но и добавочные, были спущены на воду, но в плавание были назначены только 11 кораблей, одно бомбардирское судно и 4 галеры. Кроме того, было приказано вооружить 13 бригантиров, 11 галиотов и 117 стругов. Последние главным образом для сопутствия флота до Азова, как транспортные суда.

Такое ограниченное число судов, назначенных в плавание, Елагин² объясняет «невозможностью, вопреки желанию государя, выставить больше — как по готовности судовых принадлежностей, так и по недостатку команды».

Не отрицая этого указания, нельзя, однако, не предположить, что если бы флот понадобился Петру для военных целей, то он нашел бы средства и для полного снабжения и для укомплектования всего созданного флота, так как он в этих расче-

¹ В книге А. Г. Брикнера. История Петра Великого приводится мнение турок, что флот русский не может выйти из Дона: «Турецкие моряки головой ручались султану, что русские корабли съдут на мель в мелководных устьях». (Примеч. автора.)

² Сергей Иванович Елагин (1824—1868) — флотоводец и историк военно-морского флота.

тах и строился, а следовательно, главной причиной сокращения числа назначенных в плавание судов была, надо предположить, другая, а именно — отсутствие необходимости для демонстративных целей выводить весь флот в море.

Для поставленной задачи достаточно было показать Турции хотя бы 10 лучших кораблей. Вот почему остальные приказано было только спустить с мест постройки в Азовское море.

27 апреля флот выступил из Воронежа.

После трехмесячного плавания, только 25 мая государь прибыл в Азов, встреченный салютом крепости и ранее прибывших судов. Проведя более недели в Азове за осмотром флота, выросших в его отсутствие укреплений и города, Петр 1 июня вышел в море с флотилией мелких судов — бригантин и галиотов — для осмотра Таганрога, Павловска и производившихся там работ. Вернувшись 6 июня в Азов, Петр должен был выждать еще 2 недели для выхода в море, пока морской ветер не поднял воду в донских гирлах и не дал возможности вывести суда в море. 23 июня Петр лично провел все корабли Кутюрминским гирлом и направился с флотом в Таганрог.

В Таганроге флот простоял еще целый месяц, до 30 июля, готовясь окончательно к походу.

Первый выход флота состоялся 5 августа, но эскадра, пройдя 10 миль от Таганрога, вследствие сильного противного ветра вынуждена была встать на якорь. 7 августа эскадра пошла обратно и по пути производила «забавный бой».

Окончательно в Керчь эскадра вышла 14 августа, и 18 августа пришла «в Керченское устье благополучно» и стала на якорь около турецкой эскадры из 4 кораблей и 9 галер, под начальством адмирала Ассана-паши.

После салютов, взаимных визитов и предварительных переговоров, турецкому адмиралу было объявлено приведшее его в ужас требование пропустить посольский корабль «Крепость» в Константинополь.

Убедившись в полной невозможности отговорить русского посла идти морем, под угрозой, что вся эскадра пойдет кон-

воировать посольский корабль в Босфор, Ассан-паша вынужден был согласиться на пропуск первого русского военного корабля в Черное море и назначить ему конвой. 25 августа русская эскадра пошла обратно в Таганрог, а посольский корабль «Крепость» вышел из Керчи в сопровождении четырех турецких кораблей 28 августа и пришел в Константинополь 2 сентября, оставив далеко позади турецкие суда. Только один турецкий корабль пришел в ночь на 3 сентября в Босфор.

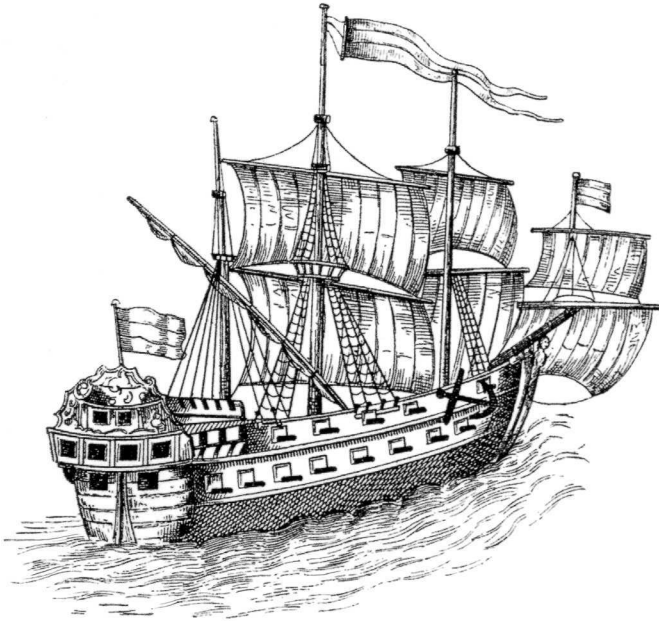
Распорядившись о проводке эскадры из Таганрога в Азов, Петр 4 сентября спешно выехал в Воронеж для осмотра спущенных в его отсутствие последних 14 добавочных складных кумпанейских судов, а затем в Москву для рекрутского набора новой армии и завершения всех неоконченных трудов по подготовке Северной кампании. Последний шаг для того, чтобы развязать себе руки на юге, был сделан — посольство для заключения мира отправлено в Константинополь морем.

Впечатление, произведенное на турок походом флота в Керчь и прибытием корабля «Крепость» в Константинополь, было огромно. Весь город, толпы народа, иностранные послы, великий визирь, сам султан, наконец, перебивали на корабле.

По городу ходили слухи, что «от Керчи выходил весь великого государя воинский караван в Черное море, что в том караване был генерал-адмирал Головин, а было в том караване 10 воинских кораблей да 40 мелких судов, и по морю ходили, и был на азиатской стороне под городами Трапезоном и под Синопом и под Амастрою».

Когда же капитан Памбург на корабле с французами и голландцами «подпил гораздо» и стал ночью стрелять из всех орудий, то «по всему Царьграду учинилась великая молва и ропот, что будто он, капитан, той пушечной пальбой давал знать своему государеву морскому каравану, который ходит по Черному морю, чтобы он приходил по той стрельбе с моря в гирло черноморское и под Царь-город».

Однако на окончательный результат переговоров, затянувшихся почти на целый год, в особенности под влиянием уступчивости и стремления скорее заключить мир, выход флота не повлиял. Начало

Корабль «Крепость», построенный в 1696 году.
С гравюры Адриана Шхонебека. 1701 г.

переговоров к тому же турки успели оттянуть до ноября, когда уже первоначальное впечатление, слухи и страхи улеглись.

Хотя инструкция, или указ Петра, на который в своих донесениях Украинцев часто ссылается, не сохранился, но из предъявленных посланником туркам требований и по ходу переговоров на конференциях можно усмотреть, что первоначальные планы Петра и взгляды настолько изменились, что цели, преследовавшиеся царем в развитии военных действий, только отчасти отразились в предъявленных туркам требованиях.

Первым пунктом начатых Украинцевым переговоров было установление принципа *uti possidentis*¹, так сильно опровергавшего Петром в Вене в июле 1698 г. при переговорах с австрийским императором Леопольдом и на Карловицком конгрессе, когда Петром было предъявлено к Турции требование уступки вдобавок к завоеванным землям и крепостям еще и Керчи как выхода в Черное море.

Стремление к скорейшему заключению мира повело не только к отказу от этого

взгляда, но и к отдаче даже завоеванных на Днепре турецких укреплений и Таванска, хотя и скрытых до основания и без права для турок возведения новых крепостей.

В дальнейших переговорах хотя и было предъявлено требование свободы плавания по Черному морю, но турки в этом наотрез отказали, мотивируя это весьма характерным заявлением:

«Черным морем и всеми берегами его владеет один султан; владений же других государей никогда не было и нет, и с тех пор как стали господствовать на том море турки искони веков никакой чужой корабль по водам его не плавал да и плавать не будет.

Просили Порту неоднократно (и теперь еще просят) французы, голландцы, англичане, венецианцы о дозволении ходить их торговым судам для купечества по Черному морю, но Порты всегда им отказывала и отказывает для того, что владеет всеми берегами его один султан и никому другому владельцем быть нельзя.

Оттоманская Порты бережет Черное море, как чистую и непорочную девицу,

¹ «Поскольку владеете» — латинское выражение, означающее «каждая сторона удерживала то, чем владела в минуту переговоров».

к которой никто прикасаться не смеет, и скорее султан допустит кого-нибудь во внутренние свои (*sic*), чем согласится на плавание чужих кораблей по водам черноморским. Это может случиться разве тогда, когда Турецкая империя обратится вверх ногами».

Согласие Петра на отказ в этих главных пунктах приводило в результате четырехлетней войны к почти полному возвращению к доазовскому периоду. Выстроенный невероятным усилием народа флот оказался запертым.

Между тем новые союзники Петра все настойчивее требовали начала военных действий в апреле 1700 г., вследствие чего Петр в своих письмах к Украинцеву все чаще указывал на необходимость скорейшего заключения мира.

Наконец так долгожданный Петром мир был заключен. По условиям этого договора, перемирие было заключено на 30 лет, причем Азов, Таганрог, Павловск, Миуск отошли к Руси; днепровские городки Тавань, Казыкермень, Устрецькермень и Сагинькермень постановлено разорить, а места, на которых они стояли, вернуть к султановой стороне пустыми.

Известие о заключении перемирия было получено в Москве Петром 8 августа «с нарочитым удовольствием», а 9-го он велел двинуть войска к шведским границам.

Сравнивая полученный результат с совершенно определенно поставленными в стратегических заданиях действовавшим на обоих театрах (Днепровском, Донском) армиям целями войны (выход в Черное море для отрезания и завладения Крыма, а в мечтах Петру грезилось даже уничтожение владычества турок в Европе), мы видим, что он совершенно не соответствует потраченным усилиям народа.

Ценой временного отказа от решения южных задач Петр, побывавший за границей и понявший причины отсталости Москвы от западноевропейских держав, решил заплатить за возможность пробиться к Балтийскому морю, приобрести влияние на европейские дела и войти в непосредственные сношения со всеми западными государствами. Но этот отказ от минимальных требований к Турции — выхода к Черному морю, хотя и сознательный,

неизбежно привел ко второй Турецкой войне, к Прутской катастрофе, потере даже Азова.

Договор 1700 г. нельзя не рассматривать также в связи со славянским вопросом. Уже в 1698 г. первые успехи русского оружия в борьбе с Турцией пробудили в населении Молдавии и Валахии и в дунайских славянах мысль свергнуть ненавистное иго турок и отдаться под покровительство России. Еще во время пребывания Петра в Вене к защите его прибегали сербы, валахи и молдаване и просили даже о принятии в подданство.

С этой же целью в том же году валахским господарем был прислан в Москву дворянин Георгий Кастриота с просьбой спасти Валахию от турок и немцев и принять ее под царскую державу в подданство.

С такою же миссией валахский господарь Антиох Кантемир прислал посланника Савву Константинова. Георгий Кастриота представил даже проект плана военных действий против Турции: с сухого пути наступать на Очаков (ключ Черного моря важнее Азова), откуда можно напасть на Крым и Буджаки; послать войско в молдавские земли, к которому пристанут немедленно и местные жители.

Этот проект дошел до Петра, и он приказал гетману Мазепе разведать о пристанях на Черном море от лимана Днепровского до гирла дунайского, о путях и станах чрез Буджаки в Молдавию и Валахию.

Позднее Петр хотя и начал готовиться к северной войне и даже вступил в союз против Швеции, однако сношения с молдаванами и валахами и дунайскими славянами не прерывал и постоянно поддерживал их надежды на принятие в свое подданство. В следующую кампанию против Турции Петр построил весь свой план военных действий на восстании княжеств, но при этом не понял, что их помощь возможна была бы только в том случае, если бы он завладел Черным морем.

Отказ Петра от выхода в море в 1700 г. уже решил участь следующей Турецкой кампании, так как только движение армии морем к Дунаю, по примеру древних походов великих киевских князей (Святослава), могло обеспечить успех восстания и коммуникации армии.

4. РАЗВИТИЕ АЗОВСКОГО ФЛОТА В ПРОМЕЖУТОК МЕЖДУ ТУРЕЦКИМИ ВОЙНАМИ

Заклучив мир, Петр с обычной настойчивостью и энергией, не жалея средств стремится удержать дружественные отношения с Турцией, «понеже государство сие (Россия) не есть в состоянии с двумя сими главнейшими неприятелями офензивою¹ воевать, к тому ж есть пословица: кто за двумя зайцами гонится, ни одного не поймает».

Но задача сохранения мира с Турцией, несмотря на все уступки Петра, на отказ от главных преследовавшихся войной целей была нелегка. Омытый русской кровью и прославленный подвигами самого Петра, Азов остался по договору в Русской державе; вновь возводившиеся укрепления в устьях Дона (Кутюрминское), у Таганрога, Павловска, Миуса и Кальмиуса, а на Днепре — Каменный Затон, свидетельствуя о подготовительных мерах к дальнейшему расширению Руси на юг, были бельмом на глазу у турок, а главным образом — у крымских татар, связанных договором от набегов на велико- и малороссийские города.

Договор этот, как и мир, заключенный с австрийским императором и Венецией, вызвал ряд бунтов янычар, народных волнений в Турции и привел наконец к низвержению султана Мустафы II. Поэтому слухи о войне с Турцией возникали и росли непрестанно. Даже через год после заключения мира неизбежность новой войны казалась неотвратимой.

Враждебное отношение Турции в первые годы поддерживалось отчасти и самим Петром, не желавшим окончательно отказаться от мысли о свободе плавания по Черному морю хотя бы русским коммерческим судам и от развития русской торговли на своих судах в турецких портах.

В начале 1701 г. Петр отправил в Константинополь «знатную» особу (князя Голицына) для обмена ратификацией договора

и поручил ему вместе с тем возобновить требование к свободе плавания русских кораблей по Черному морю.

Попытка эта вновь встретила самый энергичный отпор со стороны Турции; великий визирь ответил: «Лучше султану отворить путь во внутренность своего дома, чем показать дорогу московским кораблям по Черному морю. Пусть московские купцы ездят со своими товарами на турецких кораблях куда им угодно, и московским послам также не ходить на кораблях в Константинополь, а приезжать сухим путем. Султан смотрит на Черное море, как на дом свой внутренний, куда нельзя пускать чужеземца. Скорее султан начнет войну, чем допустит ходить московским кораблям по Черному морю».

Враждебное отношение Турции к России вызвали также и подозрительные для турок сношения Петра с балканскими христианами, тайная корреспонденция с господарями Валахии и Молдавии, продолжавшееся усиленное судостроение на Дону, а временами — увеличение численности войск в Азовском крае, вызывавшееся для Петра теми же слухами о войне.

Враждебные отношения Турции поддерживали также и интриги при Высокой Порте представителей иностранных дворов, главным образом Швеции, Речи Посполитой (Станислав Лещинский), Франции, а после побед Петра — и Англии, Голландии, боявшихся роста и могущества России. В этом же направлении действовали волнения и происки казаков и Мазепы.

При таких условиях посланному в ноябре 1701 г. резидентом при Порте ближнему стольнику Петру Андреевичу Толстому² предстояла почти невыполнимая задача «усыпить бдительность турок».

Однако в нем Петр нашел блестящего исполнителя своих планов. «Соединяя

¹ *Офензива* — *устар.* наступательная тактика и стратегия; наступление в войне.

² *Петр Андреевич Толстой* (1645—1729) — государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра Великого, начальник Канцелярии тайных и розыскных дел в 1718—1726 гг. В 1727 г. был лишен титулов и должностей и сослан.

в себе,— пишет Мышлаевский¹,— великий дипломатический такт, хитрость, ум, житейскую ловкость, умение не брезгать сомнительными, с современной нам точки зрения, средствами для достижения целей, а в то же время и способностью ради государева дела поставить лично себя в безвыходное положение, П. Толстой, действуя по строго определенной программе, во всю ширь развертывает в Константинополе сеть искуснейших мероприятий».

Главная же победа и торжество Толстого было в зиму 1708/1709 г., во время подготовки Полтавской операции, при вторжении Карла XII в пределы России, когда Петру так важно было быть уверенным и спокойным за свой южный фронт.

Станислав Лещинский, Карл XII и все их сторонники не жалели средств для того, чтобы подвигнуть Порту к открытию военных действий против Петра, но Толстой в конце концов получил окончательно «поверхность».

Это доставило Петру громадное успокоение и позволило стянуть к Полтаве все возможные силы, обнажив почти всю турецкую границу от войск, и стараниями Толстого это отношение Порты к царю продержалось до самой Полтавской победы.

За весь этот первый период своей деятельности в Константинополе Толстой только в одном плане Петра потерпел неудачу — не успел связать Турцию, втянув в войну с кем-либо на западном фронте, с цесарцами или венецами.

В 1704 г. Головин по приказанию государя писал Толстому «о даче трех тысяч салтанскому ближнему человеку... изволь сие чинить... только надобно держать зело секретно, и не учинить бы себе, вместо дела, токмо подозрения и убытку. И как тебя в сем Бог управит, изволь, конечно, делать хотя б на кого иного, куда они склонны будут, только в войну их подвинуть, на цесарцев ли или на венецов, и, если сделают, чтоб те 40 тыс. червонцев, конечно, заплатит изволь».

Такие постоянно тревожные и неопределенные отношения с Турцией, зависевшие главным образом от количества, своевременности и соответствия лицу

«дач и иждивений», заставляли Петра и его посланника в Константинополе прилагать все усилия ума, дипломатического такта, хитрости и золота для поддержания во главе турецкого правительства лиц, сочувствующих России.

Но полагаться на одно такое обоюдострое и всем доступное средство Петр не мог.

Как в первый год Северной войны, так и впоследствии, когда Толстой доносил Петру, что с ним начинают поступать «суровейше», слухи о войне с Турцией и возможность ее были часто так близки и, казалось, неизбежны, что Петр, несмотря на широкое развитие операций на севере и даже на начало там судостроения и на выход в море, не мог не тревожиться и все время деятельно готовил морские силы юга на случай внезапного разрыва с Турцией.

Еще в начале 1700 г. Петр, отстранив за взяточничество и злоупотребления адмиралтейца Протасьева и его помощников, назначил на эту должность своего сверстника и друга по потешным забавам, ближнего стольника Ф. М. Апраксина. Функции Адмиралтейского приказа при этом изменены не были, но сама деятельность адмиралтейца в зависимости от доверия царя постепенно расширялась и определялась новыми инструкциями и мемориалами.

Он получил даже права морского начальника в некоторых случаях. Происходило это главным образом оттого, что адмирал флота Головин хотя и состоял начальником приказа Военного морского флота (или как теперь его стали называть — Приказом воинских морских дел), ведавшего, как выше указано, командным составом флота и боевой его готовностью, но в то же время он же был и начальником Посольского приказа, Оружейной палаты, Монетного двора и Ямского приказа.

Такая многообразная деятельность его, главным же образом его труды по ведению внешних сношений России отнимали у Головина столько времени и внимания, что для непосредственного заведования делами флота у него не оставалось ни сил, ни времени.

¹ Александр Захарьевич Мышлаевский (1856—1920) — военный деятель и историк.

Вследствие этого военные чины флота — капитаны, даже шаутбенахт Рез и вице-адмирал Крюйс, состоявшие в ведении адмирала Головина, теперь временами ставились в подчиненное Апраксину положение: он им давал поручения, предписания для действий и даже выходил сам в море для исследования побережья, изыскания мест и постройки новой гавани и укреплений (1702 г., плавание к Долгой косе для выбора места устройства гавани и крепости у Кальмиуса).

Мелководье реки и наносы песка заставили государя еще в бытность в Воронеже искать более удобного и глубокого места для стоянки спущенных судов во время вооружения.

Такое место, называвшееся Устье, было найдено при впадении р. Воронеж в Дон. Сюда государь, отъезжая из Воронежа, приказал приводить по возможности немедленно все спущенные суда и повелел здесь устроить гавань, поселок и склады и все место обнести валом и рвом.

«Мемориалом господину адмиралтейцу» было предписано:

«1) на Воронеже сколько возможно изготовы кораблей свести на Дон, а под Таганрог то ж учинить и азовским;

2) в Азове устья негодные запереть, а кажется, не хуже и все кроме Кутюрминского;

3) кругом Белосарайки осмотреть камню и готовить на ней и возить на Таганрог для лица, также испытать подлинно, возможно ль внутрь сего места войти кораблю, который бы шел 17 английских футов; а буде от природы невозможно, возможно ль тому баграми помочь, также и Долгую косу еще осмотреть послать до самого материка по обе стороны;

4) учинить два крьюйсера ради спасения и учения людей, чтоб непрестанно один был в море, также и галер по возможности, а наипаче для учения гребцов, что не скоро делается».

Весной 1703 г. сын донского атамана Фрола Миняева привез Апраксину известие, что турки приступили к работам по заграждению Керченского пролива и постройке трех новых крепостей. Апраксин по приказанию государя послал туда подполковника Ивана Нестерова с письмом к местному

начальству с требованием объяснений. Прибыв 6 августа в Еникале, Нестеров увидел на якоре 17 галер и на берегу лагерь.

В переговорах с начальником отряда Мухамедом-пашой Нестеров выяснил, что турки действительно строят крепость на берегу, а с противоположной стороны, на отмели с глубины 3 до 12 футов, погружают камень поперек пролива для устройства на нем укрепления, командующего фарватером. Но работам этим не суждено было увенчаться успехом.

Петр, сильно беспокоившийся ходом этих работ, неоднократно после этого производил разведки и допрашивал языков о ходе работ. В 1704 г. были посланы снова в Керченский пролив штурман Волганов, а осенью еще казак Сулин, доставивший сведения, что осенним ледоходом все бревенчатые ящики с камнями были сбиты и разнесены по берегу.

В 1702 г. Апраксин довел работы в гавани в Таганроге до такого состояния, что на зимовку 1702/1703 г. туда перешли из Азова 10 кораблей, 2 галеры и яхта. Таганрогская гавань представляла из себя длинный прямоугольник, наибольшей сторона которого, обращенная к морю, простиралась до 488 саженей; посередине находились ворота; одна из боковых сторон, обращенная к морю, была длиной 189 саженей, а другая — 220 саженей. Последняя имела еще ворота, защищенные бастионом.

Пошли слухи о приготовлениях крымского хана с Белгородской ордой и запорожцами к нападению на наши границы.

Надо было готовиться к обороне края и главным образом Воронежа с его верфями, судами и магазинами.

Гарнизон Воронежа был усилен присылкой полка из Острогжска и батальона Преображенского и Семеновского полков из Москвы, что указывает на серьезные меры, принимавшиеся Петром; вокруг строившихся кораблей были устроены земляные укрепления. В Таганрог отправлены 284 орудия разных калибров.

Наконец, зимой тревога прошла, а в феврале в Воронеж после долгого отсутствия прибыл на несколько недель государь, но пробыл очень недолго, вы-

Вид города Воронежа с дворцом Петра I, цейхгаузом и строящимся судном.

Литография. Начало XIX в.

званный снова на север для продолжения военных действий (взятие Ниеншанца, морская победа в устьях Невы, основание Петербурга — выход в море).

Осмотрев строящиеся и ремонтирующиеся суда (состояние последних признано им было весьма печально: из 18 купанейских судов только 3 признаны им были годными), государь приказал заложить новые 5 судов.

Строившиеся в таком большом количестве суда Азовского флота или продолжали стоять по окончании постройки на стапелях, или, в лучшем случае, спускались на воду, чтобы дойти до Устья и там после стоянки нескольких лет у берегов вновь были подняты для тимберовки¹.

Наладившиеся в эти годы стараниями Толстого отношения с Турцией не требовали активности от Азовского флота, и, скорее, выход флота в море хотя бы для практики, обучения и испытания мог бы только испортить мир и уничтожить труды посланника.

Как указано было выше, в эти трудные годы Петр прилагал все старания, чтобы поддержать мир с Турцией. Во время разграничительных работ комиссаров у Азова (в стороне к Кубани) и на Днепре, он приказал принять в Азове турецкого пашу и показать стоявшие на берегу и в гавани суда старых построек и пришедшие в негодность, не показывая только укреплений Азова и Таганрога; посла, прибывшего в Россию с объявлением о вступлении на престол султана Ахмета III, государь принял в только что завоеванной Нарве и приказал провести через Петербург, чтобы доказать, что все усилия его направлены на Северную войну. И действительно, Северная война и судостроение на севере если не отнимали денежных средств от создания Азовского флота, но зато отнимали, главным образом, весь личный строевой состав.

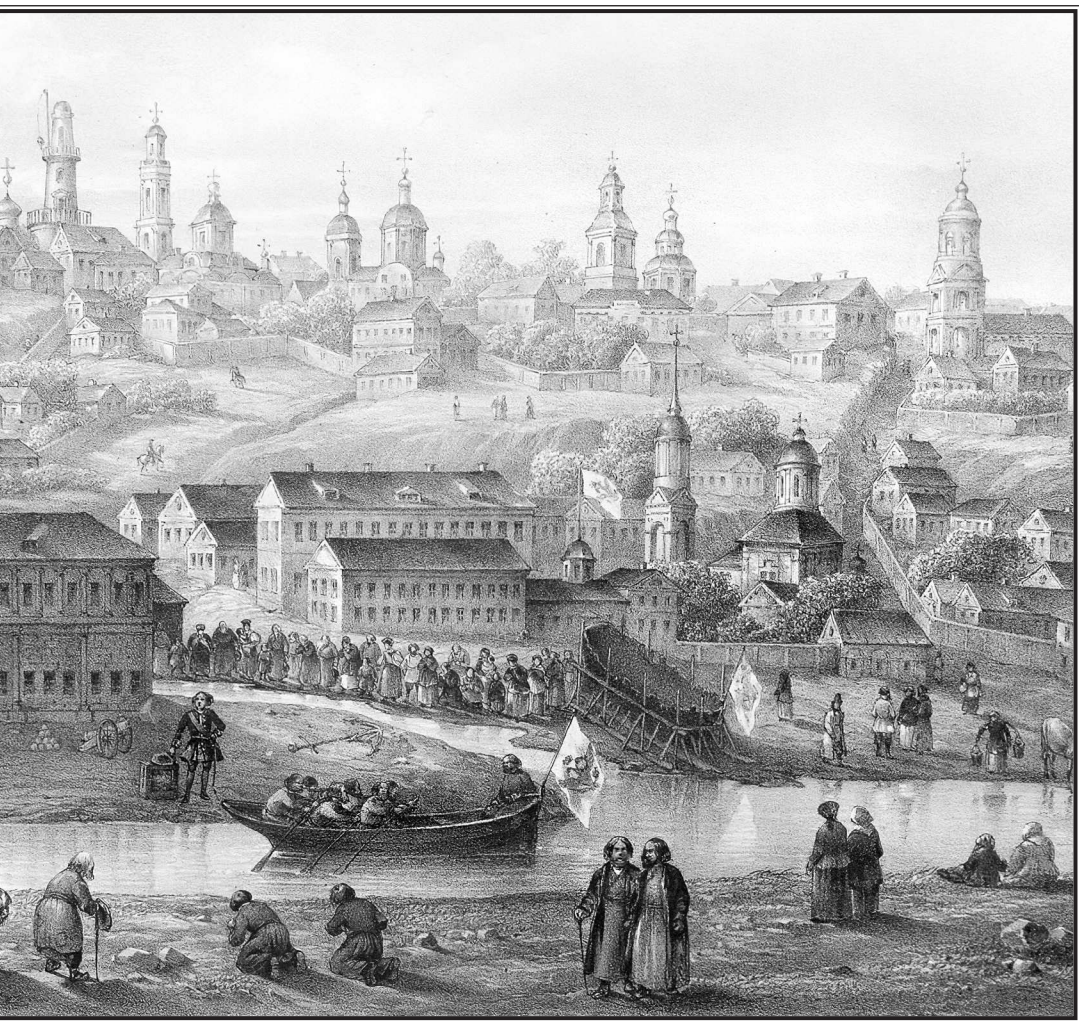

Одной из главных причин, после политической бездеятельности Азовского флота, несмотря на огромные траты на поддержание материальной части, было отсутствие личного состава. Флот стоял в гаванях, на стапелях, в доках, гнил, выветривался и умирал, не приступая к плаванию из-за недостатка капитанов, офицеров, штурманов и матросов.

Другой немаловажной причиной задержки развития Азовского флота было мелководье Воронежа и Дона, проводка судов, которая требовала особого внимания и энергии, а главное — осторожности, но с этим условием как природным были попытки бороться.

Перекаты и наносы песка в реке рассчитались, для этого даже строились машины.

¹ *Тимберовка* — капитальный ремонт надводной и подводной части корпуса деревянного судна.

На реке Воронеже строились инженером Перри шлюзы, но, в конце концов, когда работы эти были осмотрены Петром в 1705 г., он убедился в полной их бесполезности и пришел к убеждению в необходимости перенесения судостроения в море.

Особенные затруднения представляли спуск и провод больших 60-, 70- и 80-пушечных кораблей, постройка которых вызывалась необходимостью иметь суда, способные вступить в бой с турецким корабельным флотом. Для проводки их в Азов и в Таганрог строились камели¹ и лихтеры²; спуск их был возможен лишь

в весеннее половодье да и то не каждый год. Все это вместе взятое заставило Петра заняться изысканием новых мест для верфей, так как ни Воронеж, ни Устье им не удовлетворяли.

В 1705 г. было выбрано новое место постройки кораблей при впадении реки Тавровки в Воронеж, в 3 верстах выше его устья, причем на возвышенном берегу было решено по предложению Перри выстроить ряд сухих доков с особыми воротами для впуска воды.

В том же году работы эти, порученные Петром Склеву³, были начаты под

¹ Камели — парные понтоны, которые использовались для уменьшения осадки корабля и проводки его по мелководью.

² Лихтер — палубное плоскодонное парусное судно для разгрузки или догрузки судов.

³ Федосей Моисеевич Склев (1672—1728) — кораблестроитель; построенные им корабли не уступали и в чем-то даже превосходили иностранные образцы и составили основу Азовского флота.

бдительным надзором самого Апраксина. Закладка предполагавшихся к постройке 10 новых больших судов была отложена до окончания Тавровского адмиралтейства.

Между тем летом 1706 г. внезапно скончался адмирал флота Головин, и государь приказал Апраксину принять в свое заведование все его дела, за исключением посольских, которые поручены были канцлеру Гавриле Головину.

К весне 1707 г. Петр приказал Апраксину изготовить к плаванию 20 кораблей, из которых некоторые находились в Азове, из чего можно заключить, что в планы Петра входила не только проводка судов Доном в Азов.

Для комплектования флота были высланы вновь из Голландии офицеры и матросы, но планам этим было не суждено осуществиться. Гродненская катастрофа, заставившая Августа II отказаться от союза с царем и польского престола (по Альтранштендскому миру), на место которого в Польше выбран был Станислав Лещинский, упорный враг Петра, и доставившая Карлу XII возможность вторгнуться в пределы России, надолго отвлекла Петра от непосредственного участия в азовских делах.

Усиление враждебности при турецком дворе и «суровейшее обращение» с П. Толстым в Константинополе заставили Петра распорядиться о закладке четырех новых 80-пушечных кораблей в законченных Тавровских доках и даже предписать изготовить к осеннему спуску на воду готовые корабли, но взявший наконец вновь «поверхность» при Порте Толстой успокоил Петра и распоряжения о спуске судов были отменены. Еще однажды только, до Полтавской победы, наступило оживление в Азовском флоте и Воронеже, когда на юге пронеслась гроза Булавинского бунта¹.

Все остальное время флот продолжал стоять по-прежнему на стапелях до приезда государя в 1709 г., когда в момент

окончательной развязки борьбы с Карлом, в случае перемены дружественного отношения Турции, служба Азовского флота могла вновь понадобиться.

В этот приезд Петр пришел к правильному решению о выборе кораблестроительных баз; он окончательно утвердился в мысли, что Таганрог — единственное место, годное для постройки больших судов.

Приказав строить линейные корабли на берегу самой Таганрогской гавани, Петр велел остановить все корабельные и адмиралтейские работы в Воронеже и Таврове, с тем чтобы перевести верфь вместе с начатыми кораблями в Таганрог, а строение малых судов и кораблей 6-го ранга назначил в Осереде, при впадении реки того же имени в Дон, и назначил перенести туда Воронежское адмиралтейство.

Однако ввиду невозможности немедленно начать строение судов в Осереде, до оборудования здесь адмиралтейства, государь приказал заложить этой же осенью четыре 48-пушечных корабля в Таврове, с углублениями, не превышающими 13 футов, а затем прибавил еще к постройке там же, в Таврове и Воронеже, 2 шнявы².

При осмотре старых судов, находящихся в Азове и Таганроге, так же как в Воронеже и Таврове, государь признал почти все кумпанейские суда первого и второго нарядов негодными к службе и приказал их разобрать, оставив только для сохранения, на память о плавании в Константинополь, корабль «Крепость».

17 мая, почти за месяц до Полтавской победы, государь выехал к действующей армии, взяв с собой Склеяева для передачи ему последних распоряжений относительно азовского судостроения.

Разнесшийся по всему миру гром Полтавской победы, вернувший Петру всех покинувших его союзников, в одном только отношении доставил Петру тревогу — это за отношения с Турцией: Карл XII с Мазепой с поля битвы бежали в Бендеры; пре-

¹ *Булавинское восстание* — казачье восстание в 1707—1708 гг. под руководством войскового атамана донских казаков Кондратия Булавина.

² *Шнява* — небольшое парусное судно; шнявы использовались для ведения разведки, прикрытия на морских переходах гребных флотилий, охраны транспортных судов, участия в крейсерских операциях, захвата каперов и транспортных судов неприятеля.

следовавший их отряд князя Волконского ворвался в Турцию.

Для эксплуатации победы, для возможности переброски военных сил в отдаленные — северный (Финляндский) и западный (Балтийский и Померанский) театры, т. е. для принуждения Карла XII к выгодному миру, необходим был еще на несколько лет мир с Турцией. Петр схватывает ментально своим гением эту обстановку и тут же на поле битвы пишет полное любезности и дружелюбия письмо султану о победах при Полтаве и Переволочне с уверением в неизменном миролюбии и желании ненарушимо соблюдать и впредь мир с Турцией.

Грамота пришла в Константинополь как нельзя более кстати. Могущество России в глазах Турции стало страшно и опасно, в особенности в освещении находившегося в Бендерах Карла XII. Эпилог битвы на полтавских полях стал разыгрываться в Царьграде, и Толстому вновь приходилось напрягать все усилия, чтобы взять «поверхность».

В этом отношении грамота царя была для него большим подкреплением и он через месяц известил Головина: «Зело приемно султану и визирю оное дело, ежели царское величество изволил прислать к ним грамоты о подтверждении мира... Визирь желает, когда мирные договоры будем подтверждать, чтобы время миру продолжить на несколько лет, вщее определенных прежде 30, а наипаче желает, чтоб учинить вечный мир».

Дальнейшая борьба Толстого с враждебными влияниями при Порте, однако, становилась все более затруднительной, и через месяц он уже доносил, что сомневается в миролюбии Порты. Одним из главных факторов, мешавших успеху деятельности Толстого, было требование Петра удалить из пределов Турции Карла XII и Мазепу («Иуду»). Но Толстой, несмотря на превеликие трудности, успел и в этом взять верх.

В ноябре, опираясь на сочувствие осторожного и склонного к России великого визиря Али-паши, Толстой добился возобновления договора с Портой, а 3 января 1710 г. султан торжественным письмом сам уведомил Петра о подтверждении 30-лет-

него перемирия. Этот успех Толстого был настолько радостен для Петра, что он не знал меры своим наградам.

Толстой был произведен сразу в тайные советники, и даже курьер, привезший грамоту, был награжден. Но следующей своей победой, и, как потом оказалось, последней, Толстой еще больше поразил Петра. Ему уже грезился мир со Швецией при несколько насильственной обстановке.

В январе государь получил следующее уведомление от Толстого: «О короле Шведском определено, еже оного отпускают из Бендеря только со шведами, которых не более 100 человек; сопровождать короля будет 500 человек турок; на границе Польской они сдадут Карла русскому офицеру для дальнейшего провожания под нашим конвоем в Швецию». Эти условия уже превышали все ожидания царя, это означало выдать Карла прямо в руки Петру, который, захватив его в плен, мог диктовать какие угодно условия мира Швеции.

Получив это известие, Петр в тот же день послал соответствующее наставление начальнику конницы на польской границе бригадиру Кропотову как захватить Карла, но эта победа была столь невероятно велика, что все дело рушилось в самый момент подписания указа султаном. Сторонниками Карла при Порте, а главное, французским послом были пущены в ход все средства до обращения к султану и воздействия на мать султана, и мера эта была отменена.

Сочувствовавший России великий визирь Али-паша был смещен, и победа Толстого была вырвана из рук.

С этого момента, когда во главе турецкого правительства был поставлен сторонник Карла XII, сначала нерешительный Нууман-Кепрели, а затем и энергичный и яростный проповедник войны с Россией Балтаджи-Мегмет-паша, неизбежность русской войны стала неотвратима, и все усилия Толстого остались тщетными.

20 ноября 1710 г. в Константинополе состоялось объявление войны России и вместе с этим «суровейшее» обращение с посланником заключилось заточением его в Семибашенный замок.

5. ВТОРАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

Уже с августа 1710 г. к Петру стали поступать совершенно определенные сведения о подготовке турок к военным действиям. К ним предполагалось привлечь и запорожских казаков, и Заднепровскую Малороссию, а отдельный отряд в 70 тыс. отправить морем к Азову.

На Днепре и против крымских татар Петр предполагал действовать оборонительно, а на Дону наступать от Азова к Кубани.

Относительно действий Азовского флота Петром были даны устные наставления Апраксину, сведения о которых в документах не сохранились, но из сопоставления количества судов и состава флота, назначенного к вооружению с указанием, что сухим путем предписано наступать к Кубани, можно предположить с достаточной достоверностью, что объектом операции для флота была назначена так давно желанная Петру Керчь.

Уже 1 января 1711 г. Апраксин из Петербурга отправил первые распоряжения о подготовке флота к внешней кампании, причем было спешно приказано строить 50 казачьих судов.

В начале февраля в Воронеж прибыл вице-адмирал Крюйс для приготовления флота, но получив известие, что крымский хан вступил в Украину и угрожает Воронежу, он вынужден был вооружить всех рабочих и жителей, прекратить все работы, кроме крепостных, и спешить с перевозом адмиралтейских запасов к тавровским укреплениям. 5 марта прибыл наконец в Воронеж и адмирал Апраксин, когда получено уже было известие об отходе обратно в степь крымцев.

При первом осмотре флота Крюйсом было решено, что можно вооружить к кампании 19 кораблей, 3 бомбардирских судна, 3 шнявы, 3 галеры и 3 брандера, но ближайший осмотр показал, что действительные силы его значительно меньше. Для комплектования вооружавшегося флота из Балтийского моря были присланы капитаны и офицеры, а недостаток матросов пополнялся почти на две трети солдатами. Главные боевые единицы вооружавшегося флота — линейные 80-пушечные кора-

ли (4), строившиеся в Таврове, благодаря особо несчастливому стечению обстоятельств — низкой воде во время половодья — не были подняты со стапелей водой и остались на берегу.

Обстоятельство это привело в полное отчаяние Апраксина. Вместо ожидавшегося из Таврова флота, были спущены в Азов с Крюйсом два старых корабля с ненастланными верхними палубами, 2 новых шнявы, 6 скампавей (бригантин).

Эта неудача должна была совершенно изменить план кампании, и в данном случае государь оставил его на усмотрение Апраксина.

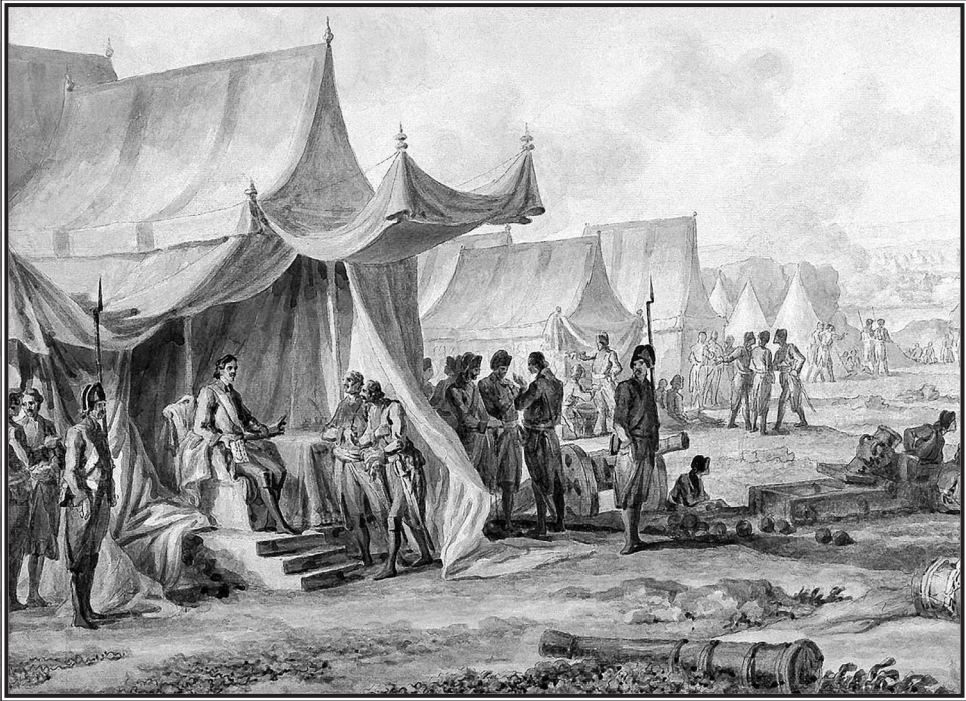
В конце апреля Крюйс прибыл с флотом в Азов и немедленно отправился в Таганрог для выхода с флотом в море.

По инструкции, данной ему Апраксиним, он должен был вооружить в Таганроге 5 или 6 годных кораблей и сколь возможно мелких судов и отправиться к Керченскому проливу; в случае нахождения там турецкого флота, крейсировать для наблюдения за неприятелем между крымским и кубанским берегами и посылать отряды казачьих лодок под прикрытием мелких судов для разорения по берегам.

Однако и это предполагаемое плавание к Керченскому проливу не состоялось. Отправленные из Таврова суда собрались в Таганроге в конце мая, причем оба корабля были оставлены в Азове для достройки.

Из находившихся в Таганроге судов годными к плаванию оказались только 4 корабля, 3 шнявы, 2 бригантины, 2 галеры и около 100 казачьих лодок и других мелких судов. Но и этот флот весь июнь простоял в гавани; только в конце месяца, по прибытии Апраксина в Таганрог, были посланы в море две бригантины для крейсерства в северо-восточной части Азовского моря до Бердянской косы. 27 июня был выведен в море первый корабль «Предестинация», а вслед за ним корабль «Соединение» и шнява «Фалк».

Долго не появлявшийся неприятель наконец 2 июля показался в виду Таганрога. Турецкий флот состоял из 18 кораблей, 14 галер и большого числа мелких судов.

М. М. Иванов. Лагерь войск Петра I на Пруте. 1780 г.

В виду наступления такой силы турецкого флота русские суда приготовились к бою из гавани, но турецкий адмирал до 19 июля не предпринял никаких действий и только в этот день отправил к Таганрогу 6 галер, которые моментально пошли обратно к флоту, как только из гавани стали выходить корабль «Соединение» и три шнявы. 22 июля турки снова решили действовать. Подойдя на 4 мили к Таганрогской гавани, они начали свозить десант, но встреченный отрядом казаков и двумя батальонами пехоты при 4 орудиях десант этот бросился к своим судам и возвратился к флоту, который немедленно отошел от крепости.

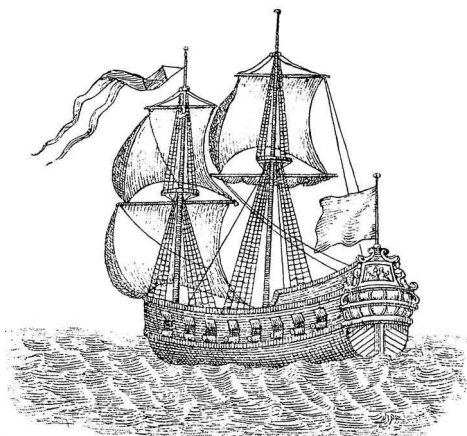
На другой день Апраксин предпринял даже попытку частичного нападения, заметив отделившуюся от флота небольшую часть неприятельских мелких судов. В погоню за ними были посланы 5 наших крейсеров (бригантины и скампаеи), но движение неприятельского флота в сторону отставших судов заставило Апраксина вернуть высланные в море суда.

24 июля утром неприятель скрылся совсем из виду и не появлялся в течение недели, пока наконец 1 августа, подойдя

на вид крепости, не сообщил, что у него на флоте находится лицо, прибывшее из русской армии с известием о заключении мира. Прибывший на другой день к Апраксину генерал-майор Павлов вручил Апраксину следующий указ Петра, подписанный 12 июля у Прута:

«Понеже не допуская дальнего кровопролития между войсками нашими и турецкими, мы согласились через сиятельногошего визиря Магомет-пашу с его султанским величеством вечный мир учинить; для довольства в оном миру город Азов с их землями, которые в вышереченной области взяты в прошлой войне, отдать, новопостроенные разорить, что повелеваем вам учинить по силе учиненного трактата, с которого о сей материи ведение к вам посылаем».

Таким образом, договор этот, вызванный критическим положением русской армии на Пруте, окруженной со всех сторон во много раз превосходящим в силе неприятелем, явился расплатой Петра за ошибки его как в создании и организации Азовского флота, так и за преждевременное безрезультатное окончание первой Турецкой войны, и за ошибки в подготовке

14-пушечная шнява «Мункер».
С гравюры Питера Пикарта. 1704 г.

к кампании и выборе главного объекта операции.

Предписав Апраксину сдачу Азова и всего завоеванного края, Петр в ближайшем времени прислал Апраксину подробные инструкции о порядке производства этой сдачи: Азов предположено было отдать в том виде, в каком он был взят в 1696 г., а Таганрог, как гавань, так и укрепление, а также и все другие крепости по северному берегу Азовского моря и на Дону совершенно разорить.

Все запасы и артиллерию перевезти в Черкасск, а суда, находившиеся в Азове и Таганроге, стараться продать туркам, за исключением трех — «Предестинации», «Ластки» и «Шпаги», и, в случае неудачи продажи, все сжечь. Корабль «Шпага», по ветхости и полной негодности к службе, был сожжен Апраксиным, а вместо него оставлены две шнявы — «Лизет» и «Мункер». Эти 4 судна государь предполагал провести в Балтику, добившись от турок разрешения прохода их проливами, но это-

го осуществить не удалось и эти 4 судна были проданы туркам.

Три корабля и до 20 мелких судов были отведены в Черкасск. Все вывезенное из этих городов имущество было сложено под Черкасском в 3 верстах, где было устроено укрепление; жители Азова и Таганрога переведены в Осереду, где впоследствии был учрежден город, названный Павловским.

Сдачу Азова и Таганрога, вследствие упорства Карла оставить Турцию и нежелания Петра очистить Польшу, задержали до 1712 г., когда наконец 2 января Петр предписал сдать Азов и взорвать Таганрог. Гарнизоны крепостей перешли при этом в укрепление около Черкаска.

Вместе с получением известия о заключении Прутского договора, на Дону было прекращено все судостроение, и стоявшие на стапелях и в доках суда остались доканчивать свое существование на местах постройки. Личный состав флота и все корабельные и адмиралтейские мастера были отправлены на север.

Прошло много лет, а суда, стоявшие на стапелях, построенные и недостроенные, служили памятниками былой неудачи. От этого позора отступления и мук постепенного умирания флота был избавлен главный сотрудник Петра по созданию флота адмирал Головин, так болевший душой за состояние флота и пророчески предсказавший ему гибель в письме Мазепе от 11 июля 1700 г.: «О хождении кораблей царского величества на Черное и Белое море, то Емельяну приказано просить при договорах, понеже сделанные корабли еще не будут того имети, то напрасно токмо согнуть в одном месте принуждены будут».

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕТРА К ЮЖНОМУ МОРЮ ПО ОКОНЧАНИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Незадолго до своей смерти Петр еще раз вернулся к вопросу о завладении южным морем.

В 1723 г., по окончании Северной войны, когда после утверждения России на бе-

регах Каспийского моря в отношениях Турции и России стало снова наблюдаться враждебное направление, Петром в целях подготовки к возможной новой войне с Турцией, снова из-за Азова и Азовского

моря, было приказано построить в Воронеже 15 прамов¹, 15 галер, 30 бригантин и 150 будар² для провианта.

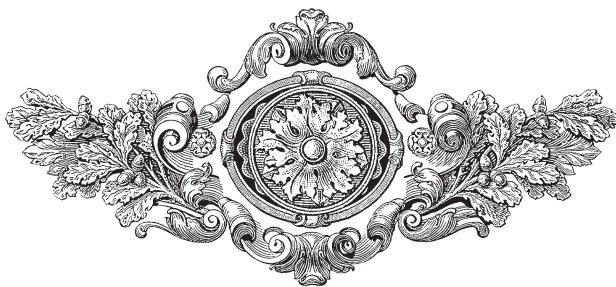
Для выполнения этих работ из Петербурга были командированы вице-адмирал Змаевич³ с мастерами Скияевым и итальянцем Дипонтием и 311 чел. мастеровых и 185 галерных служителей. На расходы на первый случай было ассигновано 100 тыс. рублей и разрешено брать припасы с ближайших железных заводов и адмиралтейских магазинов.

Все суда приказано было изготовить к первым числам марта 1724 г. Через 12 лет затишья вновь в Таврове закипела жизнь и свет Божий снова увидели лежавшие без употребления корабельные принадлежности. Начав работы в июне, вследствие отсутствия рабочих людей, плотников, из-за бездействия воронежского губернатора Измайлова, не оказавшего никакого содействия делу судостроения, Змаевич

только в середине сентября заложил все галеры и 5 прамов, а в ноябре остальные суда, и потому к назначенному сроку закончить постройку судов не успел.

Но наступившее успокоение в отношениях Турции не требовало уже больше поспешности постройки судов, и потому они продолжали достраиваться в течение всего лета 1724 г. 1 октября Змаевич был вызван обратно в Петербург с корабельными мастерами, а выстроенные им суда ему предписано было сдать прибывшему на смену лейтенанту Росселиусу.

В феврале 1724 г. последовало сначала распоряжение Сената о построении в Киеве 20 галер и 200 будар, а в октябре того же года это распоряжение было изменено, причем вместо Киева суда приказано строить в Брянске, и 5 прамов и 7 галер, а не 20 галер, как было указано раньше. Заготовка леса продолжалась весь 1724 год, и в таком виде ее застала смерть монарха.

¹ *Прам* — плоскодонное трехмачтовое военное судно с сильной артиллерией, предназначенное для действий против береговых укреплений и при осадах приморских крепостей.

² *Будара* (бударка) — плетеная транспортно-грузовая или рыболовная парусно-гребная лодка.

³ *Матвей Христофорович Змаевич* (Измаевич; 1680—1735) — флотоводец хорватского происхождения (с 1710 г. на русской службе), адмирал; в 1725—1728 гг. — командующий галерным флотом и главный командир Петербургского порта.

II. ВЫХОД РОССИИ К СЕВЕРНЫМ МОРЯМ. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Очерк, составленный лейтенантом флота Н. Д. Каллистовым

1. ПЕРЕНОС БОРЬБЫ ЗА ВЛАДЕНИЕ ВЫХОДОМ РОССИИ К МОРЮ С ЮГА НА СЕВЕР

В 1700 г. перед Петром Великим встал вопрос, от удачного разрешения которого зависело ближайшее будущее России: продолжать ли тяжелую борьбу с Турцией за владение выходом к Черному морю или, выступив против Швеции, добиваться выхода в море Балтийское?

Тщательная оценка обоих возможных решений вопроса привела Петра к решимости заключить мир с Турцией и весь еще неиспользованный запас государственных сил направить на борьбу со шведами. В этом своем решении Петр в значительной степени руководствовался новейшими течениями политической мысли Западной Европы, с которыми ознакомился во время своего заграничного путешествия.

Северо-восточные государства Западной Европы — Дания, Пруссия, Польша — давно уже испытывали тяжесть шведской гегемонии на Балтийском море и не могли не сознавать, что привлечение на их сторону русского царя, как сильного соседа Швеции, давало бы им при объединении в союз и общем выступлении против шведов наибольшие шансы на успех.

Предложения, сделанные царю в этом смысле за границей и явившиеся контрпредложениями на попытки Петра склонить европейские державы к борьбе против Турции, нашли в русском царе благодарную почву: целью стремлений Петра было утверждение России на берегах Черного и Балтийского морей, и война со Швецией, переносившая борьбу за владение выходом России к морю с юга на север, как представлявшаяся, по условиям того времени, более успешной, этим стремлениям удовлетворяла.

Петр вступил в союз с Данией и Польшей; боязнь же упустить благоприятный

момент, который мог более никогда и не представиться, и уже начавшиеся со стороны Дании и Польши военные действия заставили Петра поторопиться. 18 августа 1700 г. было торжественно отпраздновано заключение мира с Турцией, а 19 августа Петр объявил войну Швеции.

В начавшейся борьбе каждая из трех союзных держав намечала свой театр военных действий и вместе с тем желательную для себя добычу: Дания — Голштинию, Польша — Лифляндию и Эстляндию, Россия — восточное и южное побережья Финского залива (Карелию и Ижорскую землю).

С быстротой, которой от молодого шведского короля никто не ожидал, Карл XII, еще до вступления в борьбу Петра, двумя ударами вывел двух из своих противников, Данию и Польшу, из строя и принудил их отказаться от союза с Россией. А Петр, оставшийся в одиночестве, получил жестокий урок под Нарвой.

Упоенный своими успехами, Карл XII надолго ушел в Польшу; против России им был оставлен только слабый заслон: 15-тысячный корпус под Юрьевым и 7-тысячный отряд в Ингрии. Для Петра явилась возможность не только залечить нанесенную России рану, но и исподволь приготовиться к наступлению.

Одним из благодетельных для нас последствий Нарвского поражения было укрепление в царя мысли о необходимости не только занятия с тыла шведских приморских пунктов нашими сухопутными войсками, но и создания на внутренних водных путях такой силы, которая по мере русского проникновения к морю явилась бы достаточной для отпора шведам и на реках, и на озерах, и, наконец, на море.

2. Кампании 1700—1703 гг. Военные действия в Белом море, на озерах Ладожском, Чудском и на Неве

В январе 1701 г. на реках Волхове и Луге по приказанию Петра было приступлено к постройке 600 стругов; были переписаны, кроме того, и приведены в готовность к весеннему плаванию все частные струги на озерах Чудском, Онежском и Ладожском, на реках Волхове, Свири и в Тихвине. В то же самое время шла деятельная разведка о стратегических путях, ведущих к Нотебургу и к выходу Невы в море. Назначением стругов было служить транспортом для перевозки полковых припасов при передвижениях войск.

Этим приготовлениям Петра шведы не придавали особого значения: они были слишком уверены в сохранении своего господства; для охраны же Невы и Ладожского озера они считали достаточным держать у Нотебурга отряд из 8 небольших судов под командой вице-адмирала Нумерса.

Гораздо большее значение в первый год войны шведы придавали Архангельску как русскому торговому порту, даже временное занятие или блокада которого могли существенно повлиять на успех всей войны: Архангельск был единственным пунктом, связывавшим Россию с Западной Европой, откуда к нам привозились оружие, порох, свинец и др. припасы и приезжали иностранцы, вызванные Петром для участия в войне. Поэтому и экспедицию свою в Белое море против Архангельска шведы готовили в большом секрете. Но они обманулись в расчетах на неподготовленность Архангельска.

С проницательностью, которая отличает гения, Петр заранее разгадал шведские планы, и приготовления для отражения в Белом море шведов были сделаны им еще в 1700 г. В устье Малой Двины была возведена крепость, построены новые батареи, учреждены сторожевые посты, заграждены Мурманское и Пудожское устья, заготовлены брандеры, построены и вооружены карбасы, у Кеми и норвежской границы расставлена береговая охрана

в 300 чел., учрежден строгий контроль над промысловыми судами, сняты со своих обычных пунктов лоцманы. Отражение шведов возложено было на воеводу князя Прозоровского¹ и епископа Афанасия, «с общего совету».

Ничего не зная об этих приготовлениях и весь успех своей экспедиции рассчитывая на внезапность, шведы прибегли к хитрости: отряд их из 7 судов, вышедший из Готенбурга под командой вице-адмирала Шеблата в Архангельск, шел туда «тайным воровским обычаем»: по официальным документам, он направлялся к Гренландии, на китовые промыслы.

«Воровской обычай» сказался и в том, что придя 24 июня 1701 г. в Березовское устье Двины шведские суда прикрылись английским и голландским флагами, «якобы купецкие люди». 25 июня три шведских судна (шнява и два галиота) отделились от остальных четырех и направились к Архангельску.

Лоцманами на них шли Иван Рябов, служебник Николаевского Корельского монастыря, и переводчик Дмитрий Борисов, захваченные шведами на близлежащих островах. Оба они привели шведов туда, куда подсказывал им долг: прямо под выстрелы Новодвинской крепости, где и поставили шняву и один галиот на мель. На Борисова и Рябова, конечно, обрушилось жестокое мщение шведов, которые по ним «единокупно из фузей стреляли». Рябову, впрочем, который притворился мертвым, все-таки удалось спастись вплавь, Борисов же был убит.

Шнява и галиот в тот же день были потоплены огнем наших батарей и десанта, посаженного на карбасы, а остатки экипажа перебрались на уцелевший галиот и ушли на нем в море. Эта неудача под Архангельском заставила Шеблата отказаться от дальнейших покушений, и он, разорвав по пути несколько прибрежных селений, удалился из Белого моря.

¹ Алексей Петрович Прозоровский (?—1705) — государственный и военный деятель, сподвижник Петра I.

Адриан Шхонебек. Вид взятия Нотебурга.
1702 г.

Потопленные шнява и галиот были потом подняты, торжественно приведены к Архангельску и оставлены для его защиты. Трофеями нам достались пять флагов и 13 пушек.

Успешное отражение шведов от Архангельска не усыпило бдительности Петра, и дошедшие вскоре до него известия о новом намерении шведов разгромить Архангельск или заблокировать его не застали царя врасплох: он и сам ждал, что шведы не ограничатся первой неудачной экспедицией, а непременно сделают вторичную попытку нанести нам вред в Белом море. Новые оборонительные работы в Архангельске велись теперь под наблюдением специально туда посланного вице-адмирала Крюйса.

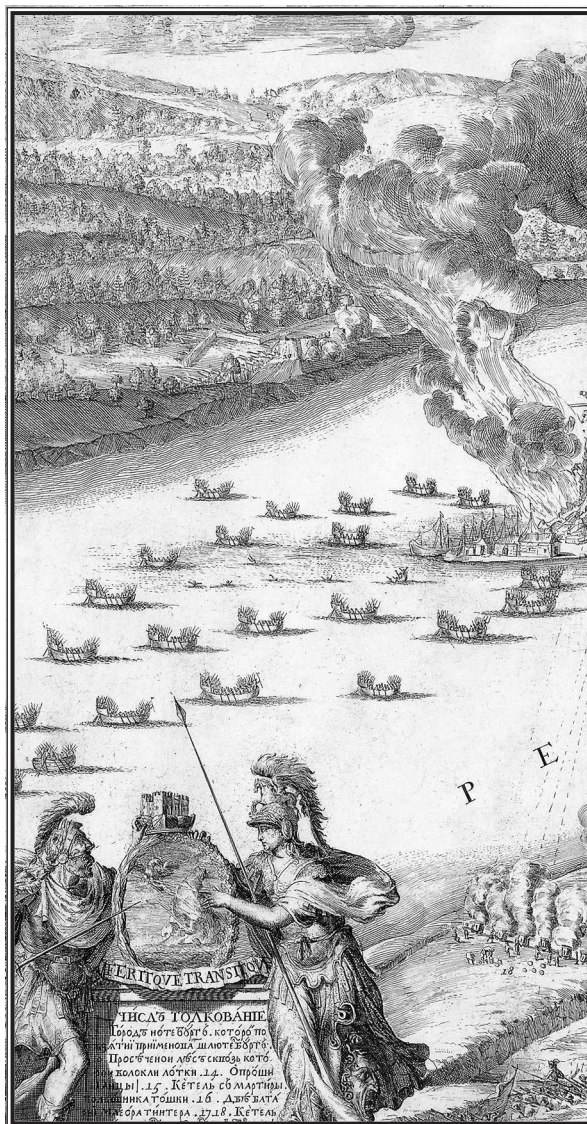
Крюйс обратил особенное внимание на заграждение Двины у Новодвинской крепости, для чего были устроены боны, и на усиление береговых батарей. В апреле 1702 г. в Архангельск отправился сам царь и пробыл там до августа, когда убедился наконец, что шведы в Архангельск не явятся.

Энергичные приготовления Петра к обороне Архангельска были вероятной причиной того, что шведский флот ни в 1702 г., ни в последующие годы не рискнул появиться в Белом море, и свобода в сообщениях России через Архангельск с западными государствами была до самого конца войны вполне ограждена.

Петру же предстояла деятельность более обширная — по военным действиям на озерах.

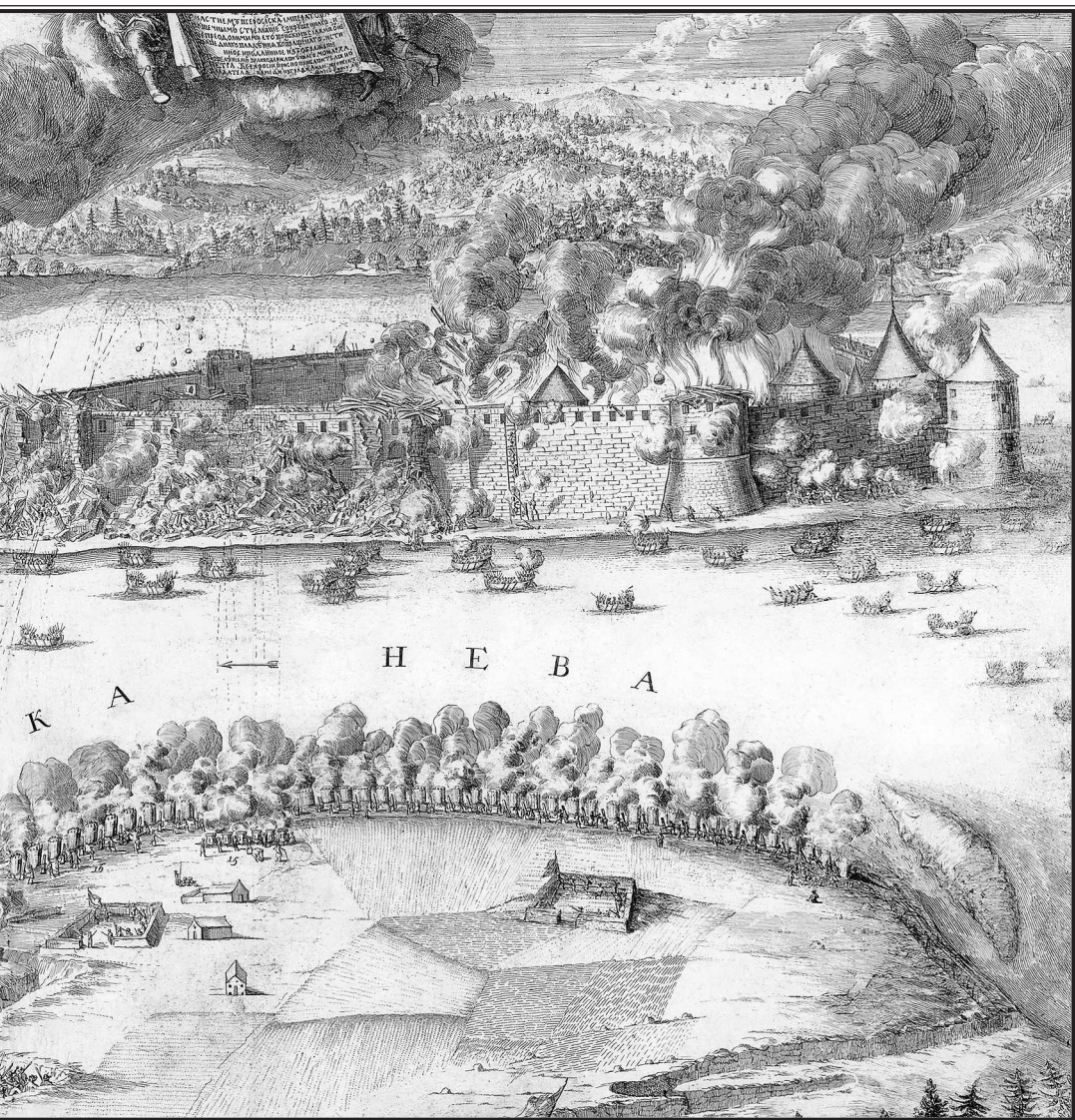
Лето 1701 г., когда на Ладожском озере появились вновь построенные русские струги, прошло в полном затишье: адмирал Нумерс продолжал стоять у Нотебурга, только иногда высылая в крейсерство отдельные суда.

Весной 1702 г. он решил более активно проявить свою деятельность. Шведская

эскадра стала чаще выходить из Нотебурга и производить нападения на русские берега; наши гребные суда, в свою очередь, разоряли шведские селения. Первая встреча наших судов с эскадрой Нумерса произошла 15 июня, когда шведы стояли на якорях у русского берега в устье реки Вороны, а свезенные на берег войска грабили русские селения.

Подполковник Островский, командовавший отрядом из 400 чел., посаженных на карбасы и соймы, атаковал Нумерса и заставил его спешно отступить к Нотебургу. 27 августа Нумерс потерпел второе и притом решительное поражение: вся его эскадра из 8 судов была атакована под

Кексгольмом во время штиля 30 карбасами под командой полковника Тыртова. Атака сопровождалась блестящим успехом: два шведских судна были сожжены, одно потоплено и два взяты в плен; потеря в людях у шведов была до 300 чел.

Поражение под Кексгольмом положило конец всякой деятельности шведов в Ладожском озере: Нумерс с тремя уцелевшими судами поспешно ушел в Выборг и русский гребной флот получил в Ладожском озере полное господство; на очереди перед ним стояло теперь овладение Невой.

В том же 1702 г. начались военные действия на Чудском озере. Опасение появления на нем русских судов заставило

шведов обратить особое внимание на пролив, соединяющий Чудское озеро с Псковским; но значение этой позиции было оценено и нами, и для овладения ею фельдмаршал Шереметев отправил в мае на карбасах и судах полк под командой полковника Толбухина. Бой за овладение проливом продолжался три дня, и в результате шведский отряд из 5 судов под начальством командора Лешерна вынужден был отступить.

В следующем сражении с Лешерном, произошедшем в конце мая, отрядом карбасов Толбухина взято у шведов одно судно; с оставшимися 4 судами Лешерну пришлось в это лето еще два раза выдержать бой